

**ОЛЕГ ДИВОВ
СИМБИОНТЫ**

РОМАН

НАСТОЯЩАЯ НАНОБОМБА!

А вот и обнаружился, наконец, пожалуй, лучший отечественный роман пока что за этот год. Красиво придуманный, все время остроумный, простой, почти подростковый - и, несмотря на фантастический сюжет, очень точный

Лев Данилкин, "Афиша"

ЭКСМО

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Татьяна МУРИНА.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:

Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:

Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Екатерина АРОЯН.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЬЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга», журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга», тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

«Наша пресса», «Центропечать», «Сити Пресс Сервис», «Сейлс»,
«Метропресс» (С.-Петербург), «ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс»,
«Роспечать», «Желдорпресс», «АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»

143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2.
Зак. 2994.

Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных
объявлений.

© «ЕСЛИ», 2011

ФАНТАСТИКА № 1 (215)
ISSN 1680-645X
ЕСЛИ

51 Уильям БАРТОН

МОРЕ ГРЁЗ

Шел в комнату - попал в другую. Это немудрено, если новоявленные демиурги швыряют куски будущего в прошлое, как им заблагорассудится. И сами рискуют застрять в петле времени...

155 Ричард ЧВЕДИК

ОРФ

Спустя годы писатель вернулся к трогательной истории своих маленьких героев - дракончиков, сделанных в биологической лаборатории.

Николай ГОРНОВ

РОЙ

Авторское предложение, как эффективно использовать человеческий мозг, тянет на Нобелевку.

19 Джеффри ЛЭНДИС

ДЕВУШКА И ПИРАТ

Захватывая корабль с хрупкой пленницей, «космический волк» не предполагал, что она доставит столько хлопот.

135 Сергей СИНЯКИН

СМЕРТЬ В ТИХОМ ПАРКЕ

Тигр? Тигр!

205 Дэвид САЙМОНС

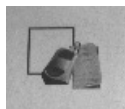
ОСОБЫЕ ЖИВОТНЫЕ ДОКТОРА СКЕННЕРА

Генетики-недоучки напортачили, а бедному ветеринару - разобраться!

223 Иэн МАКЛАУД

ВСПЯТЬ ЧЕРЕЗ СТИКС

Персонажи рассказа входят в эту реку неоднократно - и с неизменным успехом.

121 Александр БАЧИЛО, Игорь ТКАЧЕНКО

«ИДЕЙ ХВАТИТ НА КАЖДОГО ЗРИТЕЛЯ»

...или Как это будет по-русски.

129 Сергей СЛЮСАРЕНКО

ВЕК ТРИФФИДОВ

...или Трое сбоку - ваших нет.

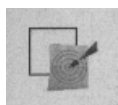
132 Дмитрий БАЙКАЛОВ

ИГРА В КЛАССИКУ

...или Полугодие на большом экране.

126 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

...или Суперзлодеи против супергероев.

241 Николай КАЛИНИЧЕНКО

ПРИВЫЧКА К ВЕЧНОСТИ

Сколько вам отмерить лет, чтобы вы почувствовали себя по-настоящему счастливым? Благо, вариантов у нас множество.

254 Сергей ШИКАРЕВ

ДРУДНОЕ ДЕЛО

Очень странная история мистера Диккенса и мистера Коллинза.

257 Андрей БАЛДИН

ПРОСТРАНСТВО ВРЕМЕНИ

Зимние каникулы - самое время для умной праздности.

249 РЕЦЕНЗИИ

Все журналы взахлеб и наперебой пишут о чудесах новых технологий, адресованных читателю, а мы, уж позвольте, по старинке расскажем вам о Книгах Обыкновенных Типографских.

268 КУРСОР

Правильной ли дорогой идете, товарищи? Как Роскосмос обиделся на Бекмамбетова.

260 Вл. ГАКОВ

ИЗЛЕЧЕНИЕ СОЗДАТЕЛЯ

Вся правда о самом brutalном писателе прошлого века.

270 ПЕРСОНАЛИИ

А вот вам загадка. Встретились под одной обложкой несколько человек, быть может, даже не знакомых друг с другом. Профессии у всех разные, а вот род деятельности один. Кто эти люди?

НИКОЛАЙ ГОРНОВ

РОЙ

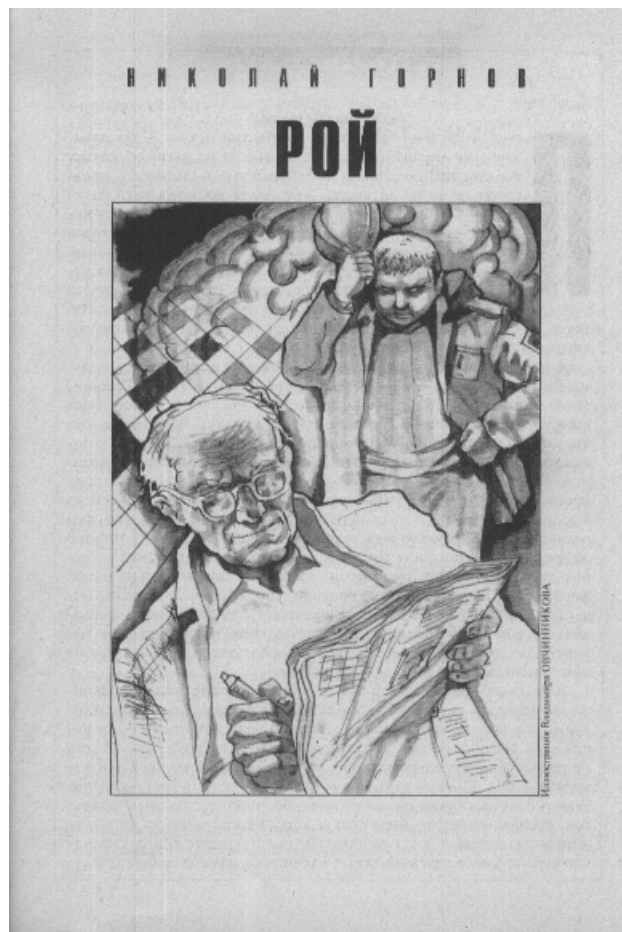

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Уважаемая редакция!

Пишу это письмо вам, потому что больше некуда. С так называемыми научными журналами мне не по пути, поскольку все они требуют денег за публикации. А стоимость одной статьи, если вы не знали, - от десяти до пятидесяти тысяч рублей в зависимости от статуса журнала. Таких денег у меня, естественно, нет. Вы, насколько я понимаю, с авторов ничего не требуете и даже наоборот - платите им гонорар. И ваши принципы мне нравятся. Тем более что моя гипотеза настолько важна для Человечества, что я обязан донести ее любым способом. Хотя бы и через журнал научной фантастики. Надеюсь, что мой неразборчивый почерк не станет для этого непреодолимым препятствием. Шутка.

А теперь о серьезном. Моя гипотеза рождена в длительных раздумьях об искусственном интеллекте и о том, почему же наша Цивилизация, которая развивается многие тысячелетия, так и не научилась использовать человеческий мозг на полную катушку. Все знают о том, что мозг - это самый сложный и непознанный объект из всех, которые только существуют на Земле. Но никто не знает причин, по которым миллиарды людей используют мозги в лучшем случае на доли процента, и даже самые умные представители человеческой расы не в состоянии задействовать свой разум больше чем на несколько процентов. В то же время во всех научно-популярных изданиях активно обсуждается возможность создания искусственного интеллекта. Ученые перебрасываются терминами, говорят о семантических сетях, фреймах, когнитивном моделировании, спорят о том, насколько искусственный мозг будет умнее человеческого, трансгуманисты объявили создание искусственного интеллекта одной из главных задач Человечества, а сами так и не научились использовать по назначению инструмент, данный им природой. Абсурд!

Я не знаю, превзойдут ли нас умом и сообразительностью машины, которые мы когда-нибудь создадим, но когда я размышляю о будущем, то хожу по сегодняшним улицам и вижу вокруг огромное количество людей, занятых самым примитивным трудом, для которого не требуется не только компьютер, но и простейший китайский калькулятор Casio. Каждый день мне встречаются на пути распространители рекламных буклетов, дворники, уборщики автобусных остановок, продавцы сигарет, пирожков и жареных на гриле кур, пожилые женщины, которые несут добровольную вахту возле синих кабинок уличных туалетов, всевозможные охранники офисов и кассиры супермаркетов. Весь набор функций кассира Елены из дискаунтера «Копеечка» сводится к нескольким простейшим операциям. Она ежедневно машет ценниками со штрих-кодом перед сканером, нажимает несколько клавиш кассового терминала и произносит дежурную фразу: «Здравствуйте! Пакет нужен? У вас есть наша дисконтная карта? Спасибо за покупку». Сколько нейронных связей задействует кассир Елена за трудовой день? В лучшем случае

пару десятков. И как быть с оставшимися миллиардами? А ведь ее мозг, как и мозг официантки Виктории из сети столовых «Вилка-Ложка», практически ничем не отличается по своей структуре от мозга великих физиков, награжденных Нобелевской премией.

Увы, наше общественное устройство таково, что умственные способности большинства людей попросту не востребованы. Так было и десять тысяч лет назад, и тысячу лет назад. В этом смысле мы остаемся такими же дикарями, как и наши предки, населявшие деревья в Африке. Во все исторические периоды, во всех общественно-экономических формациях за всех думает небольшая группа людей - интеллектуальная элита. И эта небольшая группа ради сиюминутной выгоды не готова жертвовать собственными ресурсами, развивая способности остальных. В итоге миллиарды вынуждены заниматься примитивным трудом, а свои невостребованные интеллектуальные возможности отвлекать на бессмысленные формы досуга. Для этого даже экономическое оправдание придумано. Мол, современная экономика - это экономика досуга. Но если мы действительно жаждем социального прогресса, а не простейшего прироста технологий, то просто обязаны оставить все попытки создания искусственного интеллекта ввиду их неактуальности и объединить все имеющиеся ресурсы с единственной целью - создание технологии, позволяющей задействовать миллиарды невостребованных интеллектов. Фундаментально мы готовы к решению такой масштабной социальной задачи. Осталось сделать всего-то один прорыв...

Наверное, мои рассуждения могут кому-то показаться странными. Но история помнит массу примеров, когда совершенно бредовая идея, которую научное сообщество даже всерьез не хотело воспринимать, спустя десятилетия или даже столетия становилась общепризнанной теорией, авторов которой благодарные потомки признавали гениями. Один из ярких примеров - жизнь Людвиг Больцмана, патриарха статистической физики. Еще в 1880 году он предположил, что в какой-нибудь далекой галактике в результате случайной флуктуации в процессе рождения Вселенной из случайных атомов в результате цепи случайных событий мог сформироваться Случайный Мозг, то есть космический объект, осознающий свое существование. Вероятность возникновения Случайного Мозга ничтожно мала, и Людвиг Больцман это прекрасно понимал. Но он рассуждал так: а какова, собственно, вероятность другой флуктуации, в результате которой миллиарды сознающих свое существование мозгов соберутся на одной планете и каждый из них сможет полноценно существовать по несколько десятков лет? Вероятность, согласитесь, намного меньше. Но Человечество на Земле тем не менее существует. А поскольку Вселенная по определению бесконечна, значит, можно допустить и вероятность возникновения Случайного Мозга в условиях одной далекой галактики.

Современники этой идеей Больцмана не заразились. Как, впрочем, и многими другими. В тогдашнем физическом сообществе Больцмана встречали не слишком радушно. В итоге Больцман впал в депрессию и покончил с собой в гостиничном номере в итальянском городе Дуино, повесившись на оконном шнуре. А спустя сто лет даже его самая парадоксальная идея о Случайном Мозге стала общепризнанной, и сегодняшние продвинутые физики термином «больцмановский мозг» именуют любой гипотетический объект, возникающий в результате квантовых флуктуаций в какой-либо системе и способный осознавать свое существование. Спихватились и квантовые физики, которые с недавних пор стали продвигать Случайный Мозг в качестве идеального наблюдателя, конкретизирующего Вселенную, в которой все частицы находились в квантовом состоянии «размазанности» между двумя альтернативными вероятностями.

Намного опередила время и идея черных дыр, которая впервые пришла в голову английскому физику и геологу Джону Мичеллу в 1783 году. Мичелл отучился в Кембридже, был профессором геологии, первым определил, что землетрясения распространяются волнами, предсказал существование двойных звезд и изобрел механизм для измерения массы Земли, который после его смерти использовал Генри Кавендиш. В письме этому самому Кавендишу, посланном Мичеллом в 1783 году и опубликованном спустя год, была изложена, кстати, и теория черных дыр. В письме Мичелл приводил расчет, из которого следовало, что светило с плотностью Солнца и массой в пятьсот солнечных будет обладать такой гравитацией, что частицы света (в то время была распространена корпускулярная теория, согласно которой свет состоял из частиц) попросту вернутся обратно на поверхность светила, и в силу этого обстоятельства мы будем воспринимать такое светило как невидимое.

Идея Мичелла в физическом сообществе некоторое время обсуждалась, в 1796 году знаменитый астроном и математик Пьер Симон Лаплас даже упомянул расчеты Мичелла в своем фундаментальном труде «Изложение системы мира». Но гипотеза Мичелла о невидимых звездах не нашла широкой поддержки и постепенно забылась. До тех пор, пока Альберт Эйнштейн не сформулировал свою Общую теорию относительности, а Карл Шварцшильд не решил в 1915 году уравнения Эйнштейна для сферически-симметричной черной дыры без вращения и без электрического заряда. Из этого решения как раз и следовало, что вокруг черной дыры имеется сфера, за которую, вследствие огромной гравитации, не может вылететь даже свет. А Мичелл, который первым выдвинул это предположение, физику забросил. В сорок три года он переехал в глухую йоркширскую деревушку Торнхилл и еще двадцать шесть лет служил там священником.

Теперь немного обо мне. По образу жизни я философ. По специальности - прораб. Тружусь в компании «Индустриальные системы». В смысле, руковожу строительством на вверенном мне участке. Через девять месяцев и шесть дней мне исполнится тридцать шесть лет. Женат. Дочери скоро тринадцать. Вместе с женой мы заканчивали инженерно-строительный факультет Сыктывкарского политехнического института и вместе уехали по распределению в город Кинешму. Сейчас живем в Омске. Жена уже давно переучилась на бухгалтера и работает в нашей компании маркетологом. Омск меня вполне устраивает. Здесь обещают построить аэропорт и метро из четырех станций, которое сразу будет внесено в Книгу рекордов Гиннеса как самое короткое метро в мире. И еще в Омске хорошо думается. Этим я, собственно, и занимаюсь. Тренирую свой мозг. И дома, и на работе.

Если кому-то кажется, что мозг прорабу вовсе ни к чему, то он сильно заблуждается. У нас каждый день какой-нибудь сюрприз. Недавно, например, наша компания взяла подряд на строительство домиков по канадской технологии. Канадцы - они вообще странные. Раствор для кирпичной кладки заставляют питьевой водой разводить. Исключительно той, которая из бутылок. А как-то раз вода питьевая у нас закончилась не вовремя. И канадец куда-то уехал. Вот я и подумал: какого (неразборчиво. - *Прим. ред.*) нам ждать? Посоветовался со своим бригадиром Петровичем, и сделали мы с ним два замеса на водопроводной воде. Она чистая, клянусь, сам пил. И что вы думаете? Канадского прораба чуть удар не хватил. Бегал кругами, кричал что-то на своем канадском, начальству непрерывно звонил по сотовому, грозился уволиться к чертям собачьим...

С другим канадским специалистом у нас тоже казус произошел. У них ведь каждый отвечает только за свою часть работы. Первый прораб принял фундаменты - и улетел с чистой совестью в свой Торонто. А второго, который должен был контролировать сборку домов, задержали какие-то дела в канадской провинции Юкон. Наше начальство ждать не желало. Чего, мол, ждать? Мы и сами головастые. Чертежи есть, соберем по чертежам. Начали собирать. По проекту нужно было крепить листы гипсокартона к деревянным брускам вертикально. Стали крепить, как положено. Смотрим, неэкономно получается. Расход гипсокартона слишком большой. Сели тогда кружком, напрягли мозги, прикинули тангенс к котангенсу и решили листы гипсокартона крепить горизонтально. Попробовали - отход значительно меньше. И дело пошло. Работаем, радуемся, что технологию канадскую усовершенствовали, а тут этот канадский прораб сваливается нам как снег на голову. Прибежал на площадку, увидел все наши усовершенствования и за сердце стал хвататься. Устроил нашему начальству небольшой переполох. Начальство, в

свою очередь, разъяснило международную обстановку мне. А я передал ее дальше - Петровичу. Заставил все стены разбирать и собирать заново.

Ну и сам расстроился, понятно. Ходил несколько дней, глаз не поднимая. И только на третий день меня осенило. Проснулся, помню, рано утром, солнце в окно заглядывает, птички на дереве поют, и вся отгадка у меня целиком перед глазами встала. Нет, думаю, дело вовсе не в педантичности канадцев и не в их слепой вере в проектную документацию. Стены канадского дома - они как слоеный пирог. Изнутри гипсокартон, снаружи - облицовочный кирпич. А между ними - прослойка из нескольких изолирующих материалов. Жесткость всей конструкции, как ни странно, обеспечивает именно гипсокартон. Лист у канадцев узкий, и если его вертикально крепить, то он как дополнительное ребро жесткости работает. И может выдержать существенно большую нагрузку, чем горизонтальный. В общем, кто несколько раз пересдавал экзамен по сопромату, тот не забудет его до конца жизни.

Ну а после того случая я канадцев сильно зауважал. Молодцы. Они даже от водяных радиаторов давно и полностью отказались. Говорят, ввиду неэкономичности. Теперь используют в системе отопления воздух. Нагревают его бытовым газовым котлом, и тот почти мгновенно разлетается по многочисленным воздуховодам. Всего за десять минут температура во всех комнатах поднимается на целых десять градусов. А летом они те же воздуховоды используют для кондиционирования. Воздуховоды у них - исключительно из оцинковки. А изнутри покрыты специальным лаком, чтобы по дому не смогли перемещаться всякие домашние насекомые. В смысле, лак у них такой уникально скользкий, что у тараканов лапы разъезжаются.

Впрочем, про тараканов канадцы могли и приврать. Канадцев если слушать: все у них либо специальное, либо уникальное, либо (неразборчиво. - *Прим. ред.*). Ходят они только по специальным полам, которые сделаны из пропитанных уникальным составом паркетных дощечек. Поднимая голову, видят потолок из пропитанных другим специальным составом досок. Мочатся на специальный штакетник, пропитанный уникальной морилкой, которая не позволит штакетнику сгнить за сто лет. Поднимаясь по лестнице, держатся за специальные перила, с которых никогда не соскользнет рука. О лестничных ступенях я даже не говорю - каждая из них уникальная на сто процентов. Оттого, видимо, и цена на их лестницы колеблется в диапазоне от ста до тысячи моих месячных зарплат. Сам дом развалится, а лестница будет стоять мертво еще три сотни лет.

Общая площадь дома для канадских лесорубов, страшно подумать, - почти пятьсот квадратов. Кухня, столовая, каминная, курительная, несколько гостиных, пять спален на втором этаже. Хорошо живут

лесорубы. Я тут недавно переехал в новую квартиру, так у меня жилая площадь меньше, чем у них подвалы. А я-то радовался, когда переезжал. Квартира казалась мне такой большой в сравнении с нашей бывшей - двухкомнатной «хрущевкой». Впрочем, было время, когда и «хрущевка» радовала. Первые несколько лет семейной жизни мы с женой и дочкой вообще жили в комнатке общежития площадью в двенадцать квадратов. И ничего. Были счастливы. Впрочем, это я отвлекся. Возвращаюсь к существу вопроса.

Что требуется для прорыва, который поможет преодолеть застой в социальном прогрессе Человечества? В сущности, только политическая воля. Технология, позволяющая включиться в повседневный социальный процесс не востребуемым мощностям миллиардов простаивающих мозгов, - она уже есть. Можно использовать ту же принципиальную схему, которая задействуется сегодня в грид-вычислениях. Технология грид-вычислений, напомним, позволяет вместо реального и очень дорогого суперкомпьютера включить в работу над трудоемкими задачами не востребуемые мощности кластера маломощных персональных компьютеров, объединенных с помощью сети в виртуальный суперкомпьютер. Ну а почему бы вместо кучки компьютеров не использовать для решения сложных задач незадействованные ресурсы человеческого мозга? Такой виртуальный суперкомпьютер будет не только мощнее, он будет обладать разумом. Следовательно, сможет решать даже иррациональные задачи.

Но захотят ли люди напрячь мозги на общее благо? Каким образом объединить миллиард разрозненных интеллектов в единое целое и координировать совместную работу? На эти вопросы ответы тоже есть. И натолкнул меня на них все тот же Петрович. У Петровича есть два хобби - коллекционирование этикеток от спичечных коробков и разгадывание кроссвордов. Каждый день я прихожу на работу и вижу, как задумчивый Петрович сосредоточенно вписывает буквы в белые клеточки на черном фоне. Сначала по горизонтали, слева направо, потом - по вертикали, сверху вниз. Птица с герба Эквадора. Шесть букв. Норвежский ученый, оставивший столь богатое наследие математикам, что им есть чем заняться еще лет пятьсот. Пять букв. Обезьяна, собирающая кокосы в Таиланде. Пять букв. Остров Гавайского архипелага, на котором расположен город Гонолулу. Четыре буквы...

Зачем Петровичу тратить свое время, заполняя пустые клеточки буквами? Казалось бы, полная глупость. Но я не соглашусь. Кроссворд - это гениальное изобретение Человечества, и его возможности явно недооценены. В знакомом нам виде кроссворд появился впервые в 1913 году и был опубликован в воскресном номере одной из газет Нью-Йорка. Автором первой головоломки считается Артур Уинн. Больше, к

сожалению, о нем ничего не известно, поскольку изобретатель кроссворда умер в 1945 году, не оставив ни воспоминаний, ни дневников. Зато об авторе первого русского кроссворда никто не скажет, что он не умен. Кроссворд, опубликованный на русском языке в приложении к берлинской газете «Руль» в феврале 1925 года, был составлен всемирно известным писателем Владимиром Набоковым. В СССР кроссворды появились четыре года спустя, в одном из номеров «Огонька».

В советских газетах и журналах кроссворды получили уже четкую смысловую нагрузку. И в некотором смысле идеологическое оправдание. Считалось, что кроссворд расширяет кругозор советского читателя и развивает его эрудицию. То есть во времена плановой экономики понимали, что успешное и полное решение кроссворда является развлечением лишь по форме. Для подобных задач требуются серьезные интеллектуальные усилия, немалый объем знаний (часто совершенно неактуальных), постоянное обращение к словарям, энциклопедиям, атласам, а также специфические навыки. Мой сосед, например, кандидат экономических наук, окончивший в свое время два факультета университета, полдня бился над кроссвордом, с которым Петрович справился за час.

Если судить по сегодняшнему общему тиражу массовых и специализированных газет и журналов, где публикуются кроссворды, сканворды и их всевозможные клоны, то таких яростных поклонников кроссвордов, как Петрович, в нашей стране невероятно большое количество. Более десяти миллионов. И тиражи этих интеллектуально-развлекательных изданий долгие годы не снижаются. Фактически каждую секунду тысячи наших сограждан чешут затылки и морщат лбы, заполняя буквами белые клеточки. И одна из главных причин, заставляющая их ломать себе головы, - простаивающие мозги. Этих людей даже упрашивать не придется. Их мозги уже давно готовы к коллективной вычислительной работе в фоновом режиме. Они - это первая линия Суперкомпьютера, обладающего так называемым роевым интеллектом, принципы которого хорошо известны современным биологам.

Любой из биологов знает, что роевой интеллект, присущий многим насекомым и даже некоторым животным, увеличивает умственные способности отдельной особи в несчетное количество раз. Если присмотреться, например, к муравьям, то может сложиться убеждение, что у каждого муравья имеется четкий план действий. На самом деле отдельно взятый муравей не смог бы выжить и дня. Не говоря уже о том, чтобы просуществовать на нашей планете сто сорок миллионов лет, прокладывая скоростные магистрали, занимаясь строительством огромных жилищ, осуществляя успешные военные операции. Все эти интеллектуальные задачи решает муравьиная колония. Это она

находит кратчайший путь к источнику пищи, распределяет обязанности между особями, защищает свою территорию от соседней колонии. Все это результат деятельности роевого интеллекта, происхождение и механизм функционирования которого - одна из самых интересных загадок, над которыми бьется современная биология.

Как из простых действий отдельных глупых особей складывается сложное поведение группы? Как полмиллиона муравьев приходят к единогласному решению? Что позволяет муравьиной колонии или рою медоносных пчел существовать как единому организму, четко координируя действия отдельных особей в интересах всей группы, если конечная цель для каждой конкретной особи так и остается загадкой? Точных ответов на эти вопросы биологи пока не знают. Но они уже серьезно продвинулись вперед, сделав за последние десятилетия множество удивительных открытий. Один из ключевых моментов, затрудняющих понимание роевого интеллекта, - отсутствие вертикали власти. У насекомых нет начальников и подчиненных. У них нет государства, нет законодательных и исполнительных органов, нет политиков, нет управленцев, которые отвечают за экономику или культуру. Жизнь муравьиной колонии построена на горизонтальной самоорганизации, то есть на непрерывном взаимодействии между отдельными особями, каждая из которых соблюдает набор простых правил. Один и тот же муравей может сегодня строить муравейник, завтра - быть мусорщиком, а послезавтра - фуражиром. Но как муравьям удастся действовать слаженно, если у колонии нет начальников и интеллектуальной элиты, которая думает за всех? Как они распределяют обязанности между собой?

Оказывается, насекомые в постоянном режиме обмениваются информацией при помощи осязания и обоняния. Когда муравей встречает своего собрата, то сразу обследует его усиками, чтобы выяснить, являются ли они с ним соседями по гнезду, и если да, то узнать, где сосед только что находился и над чем работал. Имеет значение и частота встреч. Фуражир, например, понимает необходимость похода за пищей после встреч с патрульными муравьями, возвращающимися домой. Если встречи происходят с определенной регулярностью, то это означает, что опасности за пределами муравейника нет и можно отправляться в дорогу, где кратчайший путь к источнику пищи муравей найдет по запаху феромонов. Чем большее количество его собратьев прошло по этой дороге, тем сильнее специфический запах.

А в чем, собственно, отличие муравьиной колонии от современного Человечества, которое на сегодняшнем уровне развития информационных технологий действует по аналогичной схеме? Что есть, к примеру, социальная сеть «ФэйсБук» со своими сотнями миллионов пользователей как не элемент самоорганизации, который

существует вне политических границ и вне рамок официальных органов государственной власти? Пользователи социальной сети точно так же, как и маленькие муравьи, «обнюхиваются» усиками, обмениваясь элементарной бытовой информацией со своими соседями, а в результате формируют общественное мнение, получая выгоду для всего сообщества. Ну а если этот элемент самоорганизации социальной сети объединить с простаивающей мощностью мозгов, которой в избытке у любителей отгадывать кроссворды, то разве мы не получим идеальную схему разумного Суперкомпьютера, который по части интеллекта даст сто очков форы любому искусственному разуму?

Я не утверждаю, что этот вывод первым пришел в голову именно мне. Но зато я пошел в своих рассуждениях дальше, и в результате сделал еще более поразительный вывод. Внимание! Читатели вашего журнала, уважаемая редакция, узнают эту сенсационную новость первыми. На самом деле, разумный Суперкомпьютер уже существует. И он эффективно работает, если судить по огромному количеству сайтов, где размещаются бесплатные кроссворды в режиме он-лайн. Еще пять лет назад в интернете было всего несколько десятков специализированных порталов для кроссвордистов, а сегодняшняя динамика просто поражает воображение. Теперь до двадцати новых изданий появляются всего за неделю. И рынок продолжает расти.

Впрочем, для масштабирования проблемы мне долго не хватало ответа на главный вопрос: кому это выгодно? Кто же пользуется этими восполняемыми (то есть неограниченными) интеллектуальными ресурсами Человечества, эксплуатируя разумный Суперкомпьютер в своих собственных тайных целях? Логично предположить, что это должна быть группа лиц, поскольку одиночкам здесь делать нечего. И эта группа должна иметь значительный социальный вес, чтобы своими действиями не вызывать подозрений у общественности. Я не одержим идеями мирового заговора, поэтому тайные мировые правительства отбросим сразу. Отбросим и армию, и мастеров-оружейников. Креатив в армейских штабах всего мира до сих пор работает на соляных батареях. А военно-промышленное лобби мало-мальски крупной страны по определению заинтересовано не в интеллекте, а в бесконечных денежных вливаниях из национальных бюджетов. Немного подумав, отбросим и всевозможные общественные организации разного рода фанатиков, выступающие под знаменами национализма, сионизма, сепаратизма, терроризма и так далее. У фанатиков по определению не может возникнуть спрос на интеллектуальные ресурсы. Их потребности всегда были ограничены деньгами, оружием и малограмотными адептами.

И после того, как мы очертим круг социальных кластеров, которые с наибольшей вероятностью могли бы нуждаться в разумном

Суперкомпьютере, под подозрение сразу попадут научные сообщества. В самом деле, кому еще, если не ученым, лучше всех известны потенциальные возможности человеческого мозга? Правда, в научном мире тоже нет равенства. Научные сообщества фактически расколоты на два неравных и непримиримых лагеря - «гуманитариев» и «естественников». И если какой-нибудь экономист еще сможет выдержать пытку матричным анализом, то представитель филологических наук заползет от ужаса под стол при упоминании в его присутствии слова «интеграл». В общем, вывод напрашивается сам собой: с наибольшей вероятностью разумный Суперкомпьютер использует в своих целях некое локальное сообщество физиков.

В пользу этой гипотезы говорит большинство аргументов. Физика - это королева всех естественных наук. У физиков самый большой авторитет и в научном сообществе, и во всех общественных институтах. Физика изучает фундаментальные закономерности, определяющие структуру и эволюцию окружающего нас мира. Остальные естественные науки описывают лишь определенные классы материальных систем, а в основе естествознания все равно лежат физические законы. Даже гордые и независимые математики занимаются обслуживанием физиков, предоставляя им аппарат, с помощью которого физические законы могут быть сформулированы максимально точно. Именно физики всегда нуждались и нуждаются в неограниченной вычислительной мощности и в нестандартности мыслительного процесса, поскольку каждый новый шаг на пути объяснения принципов существования материального мира и каждое новое фундаментальное физическое исследование, отвечая на один вопрос, добавляет десять новых.

Ну а чтобы понять, кто же входит в это локальное сообщество физиков, использующих ресурсы разумного Суперкомпьютера, не нужно обладать великой интуицией. Достаточно проанализировать список лауреатов Нобелевской премии по физике за последние десять лет. Сразу бросается в глаза, что большинство лауреатов трудится на стыке астрофизики с космологией, а также на ниве статистической физики. В 2006 году премию разделили Джон Мазер и Джордж Смут. Оба были награждены за открытие анизотропии и чернотельной структуры энергетического спектра реликтового космического излучения. В 2004 году за открытие в теории сильных взаимодействий были отмечены Дэвид Политцер, Фрэнк Вильчек и Дэвид Гросс (последний лауреат оставил мощный след и в гетеротической теории струн). В 2003 году престижные награды достались Энтони Леггету, Алексею Абрикосову и Виталию Гинзбургу за создание теории сверхпроводимости второго рода и теории сверхтекучести жидкого гелия-3. В 2002 году на гребне успеха были исследования в области астрофизики, и Нобелевский комитет отметил Раймонда Дэвиса-

младшего, Масатоси Косибу и Риккардо Джаккони. В 2001 году лауреатами стали Эрик Корнелл, Вольфганг Кеттерле и Карл Виман, отмеченные за достижения в статистической физике. Все трое отличились при изучении процессов конденсации Бозе-Эйнштейна в среде разреженных газов и в фундаментальных исследованиях характеристик конденсатов. Кстати, родоначальником статистической физики является тот самый Людвиг Больцман, чьи идеи долго и упорно отвергались физическим сообществом.

Вполне информативным для пытливого ума выглядит и список американских исследовательских центров, где сконцентрировались лучшие физики «нулевых»: Национальный институт стандартов и технологий, Национальная ассоциация космических исследований, частные исследовательские центры в Калифорнийском технологическом институте, в Калифорнийском, Стэнфордском, Принстонском и Чикагском университетах. Все эти центры, во-первых, выделяются из общего ряда завидным финансированием. Во-вторых, они известны своими стратегическими программами по привлечению лучших ученых со всего мира. К тому же в Стэнфорде и Калифорнийском технологическом обитают лучшие специалисты в области информационных технологий (Силиконовая долина), а без талантливых специалистов в области программирования и инжиниринга никакой Суперкомпьютер не проработал бы и дня.

Остается только понять, над какими же задачами трудится Суперкомпьютер, обладающий разумом? О каких новых открытиях в физике нам предстоит вскоре узнать? Я не могу ничего утверждать наверняка, но вполне могу предположить. Одним из главных устремлений сегодняшних физиков-теоретиков является теория, которая естественным образом предсказывала бы наблюдаемые значения всех параметров фундаментальных частиц. Они верят Эйнштейну, который считал, что правильная теория, описывающая наш мир, должна быть красивой, логичной и простой. Однако сегодняшним теориям до стройности и логичности еще далеко. Почему? Да потому что большинство параметров элементарных частиц больше похоже на набор случайных чисел, чем на проявления некоей скрытой гармонии природы. Почему, например, масса электрона в тысячу раз меньше массы протона, который на два порядка легче W -бозона? Совершенно непонятно. Между тем небольшое изменение массы электрона - всего в 2-3 раза - привело бы к тому, что жизнь известного нам типа не возникла бы вообще.

До Эйнштейна теоретики мыслили только в категориях Пространства и Материи. Гений двадцатого века объединил Пространство, Материю и Время, одним скачком расширив горизонты физической науки. А потом размышления о происхождении мира привели физиков к совершенно новому пониманию природы. Неожиданно они задумались

над тем, как же можно пытаться описывать целое, если осознаешь только его часть, и, исчерпав задел, оставленный Эйнштейном, стали сходить с ума, пытаясь пристегнуть к устоявшейся естественнонаучной картине мира новый параметр - Сознание. Физики-теоретики стали задавать сами себе весьма нехарактерные для физики вопросы: а возможно ли, что сознание, подобно пространству-времени, имеет свои внутренние степени свободы, пренебрежение которыми ведет к фундаментально неполному описанию Вселенной? А что если наши ощущения более реальны, чем даже материальные объекты? А возможно ли «пространство элементов сознания»? И можно ли предположить, что сознание способно существовать само по себе, даже при отсутствии материи, подобно гравитационным волнам, существующим при отсутствии протонов и электронов?

На этой волне в начале «нулевых» в моду вошел и антропный принцип. В слабой форме он говорит о том, что Вселенная познаваема и состоит из частей с различными свойствами, а мы живем в той ее части, где наша жизнь возможна, поэтому любое обсуждение изменений массы электрона совершенно бессмысленно. А в сильной форме антропный принцип утверждает, что Вселенная и не могла бы возникнуть другой, в противном случае в ней было бы невозможно наше существование. В общем, голая метафизика, как ни крути. И долгое время серьезные ученые старательно избегали применения антропного принципа в своих теоретических изысканиях. Но после признания инфляционной теории происхождения Вселенной физическое сообщество развернулось на сто восемьдесят градусов. Все вдруг согласилось, что именно антропный принцип может сделать космологические построения несколько более связными. И такой крутой разворот, на мой взгляд, совершенно верно указывает нам направление, в котором задействуются ресурсы Суперкомпьютера.

И в этом направлении ему еще работать и работать, кстати. Пока связность новой картины мира у физиков получается весьма условной. Взрывной креатив они так и не наработали. Инфляционная теория, которая стала почти базовой для современной космологии, - это лишь одна из модификаций уже привычной модели Большого взрыва. Отличие лишь в том, что, согласно новой теории, наша Вселенная возникла не в результате мгновенного расширения из состояния бесконечной плотности (сингулярности), а в результате квантовой флуктуации из крошечного пузырька бесконечно легкой пространственно-временной пены, после чего наша Вселенная за ничтожно малый промежуток времени (десять в минус тридцать четвертой степени секунды) смогла растянуться до космических размеров (четырнадцать миллиардов световых лет). Причем, как уверяют физики, процесс инфляции во Вселенной продолжается. И мы, по их мнению, живем лишь в одном из бесчисленного множества

миров, которые постоянно образуются друг из друга методом почкования.

С одной стороны, все это кажется каким-то уж очень знакомым. Вся теория словно бы прыгнула к нам со страниц фантастических романов прошлого века. Не об этом ли мы читали в книгах Герберта Уэллса, Карела Чапека, Станислава Лема и братьев Стругацких? С другой стороны, ну и что? Если идея красивая, так она и в Африке красивая. Почему бы ей не прийти в голову сначала писателям, а только потом - ученым? Наш Петрович тоже недавно такой кульбит совершил, что впору и ему Нобелевскую премию вручать. Провел, так сказать, на себе эксперимент по объединению сознания с пространством-временем. Решили мы месяц назад на квадроциклах покататься. Пока на мотодроме по пересеченной местности крутились, все было нормально. Но Петровичу захотелось за кефиром в Горячий Ключ сгонять. Сейчас, говорит, быстро обернусь. Вылетел на асфальт и рванул. А там резкий поворот есть, напротив стелы с победой коммунизма. На этом повороте при скорости в семьдесят километров в час он и слетает к (неразборчиво. - *Прим. ред.*) с трассы.

Летит Петрович напрямик в бетонную плиту забора, который фирма «Мостовик» вокруг своей территории установила, и в этот критический момент зависает в воздухе и совершенно четко начинает понимать, что его сознание существует как бы само по себе и его уже не волнует вопрос пространства. Пространство свернулось, время остановилось, перед глазами Петровича прошла вся его недолгая жизнь, и когда он совсем растекся, подобно гравитационным волнам по плоскости Вселенной, то совершенно четко осознал: пора прыгивать с «квадрика». И прыгнул. А минуты через две и мы подъехали. Видим - тапочки на заборе и «квадрик» вверх колесами. Весь передок у него, понятное дело, всмятку. А Петрович держится за расцарапанный подбородок и любуется на свои большие пальцы, которые в разные стороны смотрят. Но это мелочи, понятно. Там же, в Горячем Ключе, ему на пальцы гипс и наложили. Отделался, как говорят, легким испугом. Месяц дома посидел, а вчера уже на участок прихрамал. Не могу, говорит, без вас. Пообещал больше не проводить физических экспериментов по расширению пространства элементов сознания. Не хочет отбирать хлеб у физиков. Такие дела...

Кстати, прошу считать этот текст научной публикацией.

журнал
АНТИКВАРИАТ
ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА
И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Ваш гид по рынку

Достоверная информация и реальные цены

Подписка:

- по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) - индекс 99438;
- по каталогу «Пресса России» - индекс 45720;
- в отделе распространения, тел.: (499) 248-7408, Факс:(499)248-3811.

Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9
Тел.: (499) 248-0576 (редакция), тел.: (499) 248-7408, (495) 585-7316 (отдел распространения),
www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция),
sales@lubkniga.ru (отдел распространения).

ДЖЕФФРИ ЛЭНДИС

ДЕВУШКА И ПИРАТ

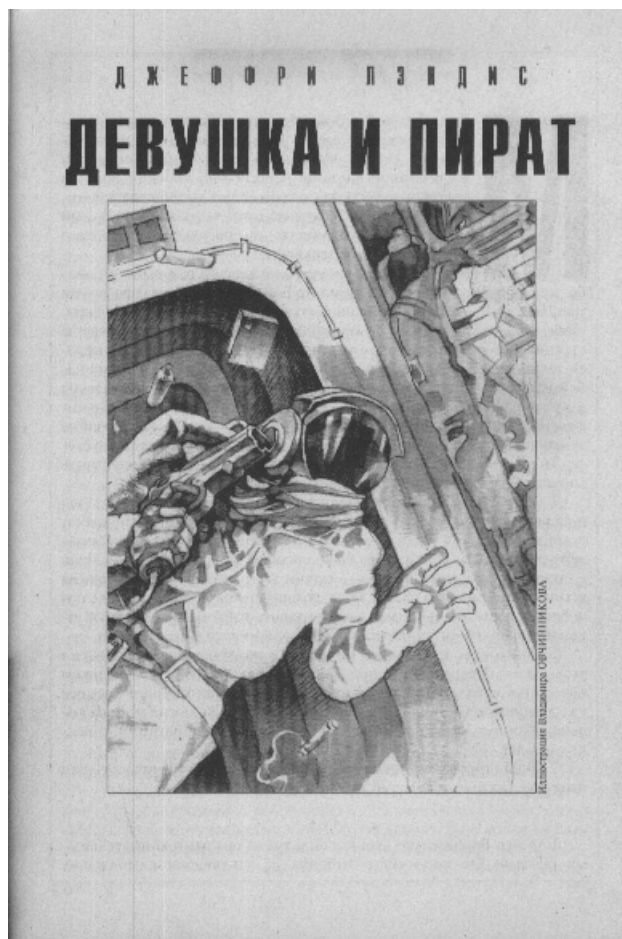

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Между Венерой и Землей со скоростью двадцать километров в секунду дрейфовал предмет, являвшийся, наверное, самым тщательно охраняемым секретом в Солнечной системе: необычайно плоский диск из листового стекла диаметром девять метров при толщине всего лишь в несколько сантиметров. Тонкий слой алюминия, напыленного на поверхность, делал его почти идеальным зеркалом.

В тени зеркала, в маленькой капсуле размером чуть побольше гроба, молчаливо плыл Доминго Бонавентура. Он дрейфовал уже тридцать дней, время от времени слегка изменяя угол наклона листа, чтобы тот прикрывал капсулу от наблюдения с Земли и со множества станций и обитаемых регионов по эту сторону планеты, а также от некоей точно выверенной точки в космическом пространстве. Любому наблюдателю в системе Земля - Луна, случись ему направить телескоп в эту сторону, открылась бы лишь отраженная зеркалом пустота. Его инфракрасное

излучение было пренебрежимо мало, и лишь чрезвычайно чувствительный детектор мог бы показать здесь что-либо, кроме пустоты. То же относилось и к радарам - если бы кто-то начал прощупывать космос радиоволнами, луч бы отражался в пространство.

Доминго выставил антенны наружу, чтобы ловить сигналы радаров и радиоизлучение. Из динамиков доносился умеренный радиошебет, исходивший из той точки пространства, к которой направлялся Бонавентура: главным образом это были сигналы навигационных маяков, а также редкие потоки данных - скорее всего, обновления состояния технических систем. Голосов пока слышно не было, а ведь он уже подобрался достаточно близко, чтобы уловить избыточный сигнал с узконаправленной антенны, если бы таковой имелся. Это радовало.

Доминго внес небольшую поправку в наклон зеркала, проверил угол, затем перепроверил, проверил еще раз. Оставалось немногим более двух часов. Заняться было нечем, но Доминго жил в космосе уже двадцать лет и умел ждать. Он скрестил ноги, положил руки на колени ладонями вверх и принялся парить в пустоте, очистив ум от всяких мыслей.

С какой стороны ни посмотри, Доминго Бонавентура практически невидим. Он именно этого и добивался.

* * *

Доминго Бонавентура был высок и худ, с темными внимательными глазами. Его лицо чисто выбрито, за исключением небольших аккуратных усиков - но это вполне естественно для человека, живущего и работающего в космосе; более пышная растительность может попасть в затвор аварийной кислородной маски. Единственной непривычной чертой его внешности были длинные волосы, пряди которых плавали вокруг его головы, словно щупальца актинии, слегка покачиваясь в слабых потоках воздуха из рециркулятора. Воздух был спертым - Доминго слишком долго пребывал в помещении, и весь крошечный жилой отсек пропитался его запахом. Впрочем, он давно перестал это замечать и придавать значение подобной малости. Безмолвный, он плавал в невесомости, ожидая, когда законы физики доставят его к месту назначения.

Два часа прошло. Доминго открыл глаза. Пора. Двигаясь медленно и экономно, он проверил радиоспектр своей жертвы: никаких изменений радиосигнала, никаких попыток прощупать его радаром. И то, и другое успокаивало. Судя по всему, он еще оставался невидимым.

Он отважился на визуальное наблюдение, высунув из-за зеркала перископический объектив. Его жертва представляла собой

сверкающий белый шар двадцати пяти метров в диаметре. Приблизив изображение, Доминго увидел прикрепленные к шару алюминиевые сферы значительно меньшего размера - топливные баки, а под ними - жилой модуль.

Модуль также был сферическим, с четырьмя иллюминаторами, равномерно размещенными вдоль экватора, и тепловыми излучателями, похожими на развернутые плавники, по одному с каждой стороны. Эту модель он знал: на обоих концах модуля должны быть слепые пятна, да и излучатели частично блокируют обзор.

Но Бонавентуру интересовал не жилой модуль, а груз. Десять тысяч тонн кометной воды переправлялись в земные орбитальные колонии транзитом через Венеру. На самом грузовом судне имелся только небольшой двигатель, которого хватало, пока судно шло порожняком, но слишком маломощный для полной загрузки - тут он едва мог развить ускорение больше чем в несколько тысячных «g». Судно не могло спастись бегством, даже будь оно предупреждено. Не считая незначительных поправок курса, оно двигалось по тщательно выверенной траектории, которая вела к околоземному орбитальному хлысту - обращающейся вокруг Земли станции в сотню километров длиной. Хлыст представлял собой всего лишь управляемый трос, но он вращался достаточно быстро, чтобы его конец мог сравняться по скорости с приближающимся судном, подхватить его и закинуть по точно заданной дуге. Груз оказывался на нужной околоземной орбите, а энергия от первоначальной скорости судна добавлялась к орбитальной энергии хлыста, где могла быть использована для заброски следующего груза в направлении внешнего пояса.

Десять тысяч тонн воды - огромное богатство. Во внутренних колониях, для которых предназначалась вода, ее могли использовать в целях жизнеобеспечения и для бытовых нужд, полива растений в тепличных модулях или изготовления топлива посредством электролиза. Во внешних колониях даже малая толика такого количества живительной влаги могла оказаться единственным, что стояло между выживанием колонии и голодной смертью.

Расстояние быстро сокращалось. Бонавентура осуществил несколько коротких толчков рулевыми двигателями - он использовал холодный выхлоп, рассчитанный так, чтобы не оставлять почти никаких следов в инфракрасном спектре. Этим он скорректировал свою траекторию, подводя капсулу ближе к цели и одновременно выводя ее на такой курс, где громада груза полностью скрыла бы ее из поля зрения жилого модуля.

И вот время настало. Доминго стремительно нажал клавишу, отсоединяя три штанги, крепившие зеркало к капсуле, и резко толкнулся тормозным двигателем, чтобы разделить их. Зеркало молчаливо поплыло дальше, растворяясь в пространстве. Его

траектория в точности известна, и через несколько месяцев один из людей Бонавентуры отыщет его и подберет, чтобы использовать для другой цели. Но на данный момент оно выполнило свою работу - обеспечило ему невидимость, - и нужда в нем отпала. Доминго отрешенно глядел, как зеркало уплывает прочь.

Он был весь во власти своей задачи.

Мягко действуя тормозными двигателями, Бонавентура принялся замедлять движение капсулы относительно цели, пока ее скорость не снизилась до нескольких сантиметров в секунду. Наконец маневр был закончен, капсула подплыла к грузу и ткнулась в обвязывавшие его стропы; последний толчок двигателя привел ее к полной остановке. Шар затвердевающего в вакууме клеящего вещества из наружной пушки прочно прикрепил капсулу к стропе - в случае необходимости струя растворителя сможет высвободить ее в одно мгновение, но сейчас она прилепилась намертво.

Доминго надел скафандр, быстрыми отработанными движениями по три раза перепроверяя каждый замок и проговаривая инструкцию вслух, хотя слушать было некому. Он заранее начал дышать чистым кислородом, чтобы не тратить дополнительное время на десатурацию, поэтому, закончив проверку герметичности шлема, тут же дал сигнал открыть люк. Насосы принялись откачивать воздух из кабины и запрессовывать в баки - не столько для повторного использования (хотя там, откуда прибыл Доминго, к повторному использованию материалов относились очень серьезно, это была не просто привычка, а почти религия), сколько для того, чтобы из открывшегося люка не вырвалось облако кислорода, уведомляя гипотетические телескопы о том, что где-то что-то не так. Когда давление в кабине упало до одного торра, Доминго решил, что остаточный газ будет уже неотличим от обычного газовойделения его добычи, и приоткрыл люк. Он взял инструменты и выбрался наружу.

Белое термическое полотно, предохранявшее груз от перегрева, ослепительно сверкало на солнце, и жидкокристаллический дисплей скафандра потемнел, компенсируя избыточное излучение. Буксируя на тросе ранец с инструментами, Бонавентура начал облет судна.

Он приблизился к жилому модулю со стороны полюса, подальше от иллюминаторов, и направил датчик инфракрасного излучения на ближайший из «плавников», желая узнать, сколько избыточного тепла выбрасывается в космос. Датчик показал триста семьдесят градусов по Кельвину.

Прекрасно. Как он и предполагал, модуль обитаем.

И того, кто находился внутри, ждали серьезные неприятности.

Он пристегнул страховочный трос к находившемуся прямо под люком поручню, чтобы избежать сноса, и принялся осматривать люк. Крышка крепилась шестью электромеханическими защёлками. Заряд

взрывчатки мог быстро справиться с задачей, но не имело смысла портить хорошее оборудование. По-прежнему держась вне поля зрения иллюминаторов и стараясь избегать даже легчайших ударов по стенке модуля, он отыскал нужную точку и взрезал внешнюю оболочку микрогорелкой, обнажив находящиеся под ней разноцветные провода. Это была стандартная схема, хорошо ему известная. Замкнув накоротко два крайних проводка, он отключил автоматическую блокировку, а затем обрезал следующую пару, чтобы обойти компьютерный контроль.

В данном случае не было смысла пытаться сберечь кислород. Оставалось только надеяться, что далекие наблюдатели не станут смотреть в этом конкретном направлении в данную конкретную минуту. Проверив крепление страховочного троса, Доминго вытащил из ранца с инструментами два пистолета. Один он перекинул через плечо, где его можно было легко достать, а второй, заряженный гарпуном с клеевым наконечником, взял в левую руку. В правой он держал эвакочехол.

Доминго скользнул в сторону, зацепившись ногами за край теплового излучателя, мысленно досчитал от пяти до нуля, чтобы успокоить ум, и на счете «ноль» пропустил через два средних провода сорок вольт: пуск.

Люк распахнулся.

Воздух бесшумным фонтаном вырвался наружу, мгновенно обращаясь в поток сверкающих на солнце ледяных кристаллов. Листки бумаги, инструменты, несколько неопознаваемых контейнеров и прочий мусор промелькнули мимо, кувыряясь в пространстве. Доминго не уделил им внимания: он настойчиво искал взглядом тело, влекомое воздушной струей.

Через пару секунд поток иссяк. Несколько последних клочков мусора выплыли из отверстия люка.

Тела не было.

Время поджимало. Доминго с силой оттолкнулся от модуля, рассчитав, что страховочный трос удержит его и по инерции забросит в открытый люк, так что времени он не потеряет. Оказавшись внутри, он принялся обшаривать модуль глазами - влево, вправо, вверх, вниз - в поисках человека, который должен был находиться здесь, возможно, без сознания от шока, вызванного резкой разгерметизацией.

Никого.

Одним движением он перевернулся через голову и затормозил свое движение, одновременно готовя эвакочехол и вытаскивая из-за плеча второй пистолет. Сбоку от распахнутого люка в нише стояли два скафандра один ярко-голубой, другой темно-красный. Красный был пуст. На голубом, хотя лица внутри шлема и не было видно, индикатор состояния на воротнике светился зеленым... зеленым... зеленым!

Бонаventura поднял оба пистолета. В наушниках послышался почти неразличимый сигнал установления связи: микропроцессор его скафандра настроился на нужную частоту... И тогда медленно-медленно рукава голубого скафандра поднялись над головой, и он услышал тихий голос:

- Не стреляйте. Я сдаюсь.

Голос девушки.

Он навел пистолет и произвел два коротких выстрела: один - в лицевой щиток шлема, другой - в сам скафандр. Это был правый пистолет, с клеевыми гарпунами. Вязкая струя застыла в вакууме почти моментально, затуманив щиток и ограничив пленнице свободу движений. Доминго выключил свой приемник, чтобы не слышать, если она начнет протестовать. Еще два выстрела пригвоздили к месту руки жертвы на случай, если в зоне ее досягаемости имелось оружие.

Согласно таймеру на его дисплее, с того момента, когда он взломал внешний люк, прошло немногим менее четырех секунд.

Заключенная в скафандр фигура была ослеплена и обездвижена, ее нелепо растопыренные руки намертво приклеены к переборке. Не забывая краем глаза присматривать за пленницей, Доминго восстановил схему управления люком, закрыл его и снова поставил на блокировку, после чего вновь наполнил жилище воздухом. Прошло пять минут, прежде чем все индикаторы засветились зеленым. За это время он успел осуществить быструю проверку систем и удостовериться в их полном порядке. Судя по отсутствию сообщений, его операция прошла никем не замеченной. Он мгновение помедлил, раздумывая, затем снял шлем и стащил перчатки. Как хорошо снова дышать свежим воздухом! Как всегда после восстановления давления, воздух в кабине был холодным и сухим, со слабым металлическим привкусом от баков, где он хранился.

Теперь, когда давление вновь стало нормальным, пришло время разобраться с пленницей. Доминго обернулся к скафандру. Клей крепко держал его на месте, щиток шлема покрывали темно-серые потеки.

Доминго опустил клеевой гарпун. Второй пистолет он по-прежнему держал в левой руке - маленький рейлган, стрелявший на сверхзвуковой скорости крошечной проволочной петлей. У него почти не было отдачи - существенное достоинство при стрельбе в условиях микрогравитации, - и хотя проволочная петля с легкостью прорезала плоть, она не смогла бы пробить стену, рассчитанную на высокое давление.

Бонаventura отыскал в инструментальном ранце баллон с растворителем, вытащил его и опрыскал слой клея, покрывавший щиток шлема. Он открепил быстросъемные зажимы и на четверть повернул шлем вокруг оси, после чего, по-прежнему действуя одной

рукой, стащил его с пленницы.

- Спасибо, - произнесла она.

Девушка встряхнула головой, разметав в стороны грязные светлые волосы, и чихнула.

Впервые он увидел ее лицо. Великий Будда! Сколько ей лет? Восемнадцать? Определенно не больше двадцати.

Она посмотрела на пистолет, который он все еще держал в левой руке, и снова подняла взгляд к его лицу. Она улыбается?

- Это вам не понадобится, - сказала девушка. - Я уже сказала: я сдаюсь. И готова сделать все, что вы мне скажете. Я держу свое слово.

На данный момент она и не смогла бы ничего сделать - обе ее руки и торс были намертво приклеены к стене. Доминго посмотрел на пленницу и опустил пистолет.

- Это слова, - отозвался он. - Но могу ли я вам доверять?

Она ответила обезоруживающе открытым взглядом.

- А вы как думаете?

Он невесело рассмеялся.

- Думаю, не стоит.

Помолчав, он заговорил снова:

- Вы уже были в скафандре, когда я открыл люк. Почему?

- Я почувствовала толчок. Индикаторы ничего не показали, но я подумала об утечке в грузовом модуле и решила взглянуть. - Она замялась. - Как я понимаю, на самом деле это вы пристыковывались.

Доминго задумался. Звучало правдоподобно, хотя она должна была обладать исключительной чувствительностью, чтобы заметить крошечный толчок, когда он опустился на грузовой корабль гораздо большего размера. К тому же крупные космические корабли вообще время от времени испытывают сотрясение, вызванное тепловым расширением, когда разные их части выходят из тени на солнце и обратно. Трудно поверить, что столь молодая астронавтка смогла отличить легкий толчок его пристыковки от обычной дрожи корабля. И быстрая же у нее реакция - от момента его пристыковки до открывания люка прошло меньше пяти минут...

- А вы? - спросила она. - Вот так просто взяли и открыли люк? Даже не подумав о тех, кто может оказаться внутри? Без всякого предупреждения? Я знаю, что от пиратов едва ли можно ожидать вежливости, но убивать людей без предупреждения - это уж слишком.

- Мне не кажется, что в вашем положении стоит задавать вопросы, - отозвался он.

Девушка пожала плечами - во всяком случае, попыталась, насколько позволяло ее скованное положение.

- Ну ладно. Если вы собирались меня пристрелить, то вам уже давно пора это сделать.

Доминго рассмеялся - на этот раз по-настоящему.

- Неплохо! - Он кивнул в сторону выкрашенного в аварийный оранжевый цвет эвакочехла, который теперь парил без присмотра возле пилотского пульта. - В случае, если бы внутри кто-то оказался, я бы засунул его в чехол и дал кислород.

Эвакочехол был стандартным элементом аварийного оборудования и представлял собой мешок в рост человека из воздухонепроницаемой ткани, снабженный небольшим баллончиком сжатого кислорода. В случае внезапного падения давления член команды, не успевший надеть скафандр, в принципе, мог заползти в такой мешок, застегнуться, дернуть за шнур, чтобы пустить кислород, и ждать подмоги. Или же кто-либо из надевших скафандры товарищей мог схватить его и запихать в мешок. Подобные чехлы предназначались для крайних случаев, для серьезных аварий; он мог спасти человеку жизнь, но мало кто захотел бы примерить его по доброй воле.

Девушка посмотрела на Доминго:

- Вы действительно считаете, что сумели бы отыскать человека, упаковать его в чехол и восстановить давление, и все это за какие-то шестьдесят секунд?

- Ну да, - кивнул тот. - На учениях я проделывал это меньше чем за пятнадцать.

- Я вам не верю, - сказала девушка.

- Мы тренируемся. Мы работаем - очень много.

- Но если речь идет о настоящих, живых людях, не о куклах? Вряд ли такое возможно.

Доминго поглядел ей в глаза.

- Мы тренируемся на живых людях.

- Боже! - Она содрогнулась. - Да вы и вправду психи.

Доминго недоуменно взглянул на новую знакомую. Вселенная жестока; как они могли не тренироваться?

- Возможно, в уютных богатеньких мирах, где живете вы, - заговорил он медленно и презрительно, - вам не приходится сталкиваться с утечкой кислорода. Вы, должно быть, настолько состоятельны, что у вас никогда не падает давление. Наверняка в ваших жилищах повсюду тройная страховка. Подозреваю, что вы ни разу в жизни не видели, как металлические стены хрустят, словно картофельные чипсы, под напором утекающей атмосферы; вы никогда не были в ситуации, когда ваши друзья и близкие внезапно оказались в вакууме, и тех, кого вы не успеете отыскать и засунуть в чехол максимум за шестьдесят секунд, вы больше никогда не увидите живыми!

Его начал охватывать гнев.

- Ну так вот, девочка, я - не ты. Я живу в другом мире. Я живу во внешних колониях, где отнюдь не всегда все работает, где утечка может случиться в любую минуту дня и ночи, и рядом не окажется

никого, на кого можно положиться. Да, черт возьми, мы тренируемся! Да, черт возьми, мы тренируемся на живых людях! Ты говоришь, что не можешь за десять секунд упаковать человека в чехол и на пятнадцатой секунде уже искать следующего? Девочка, я бы не хотел оказаться рядом с тобой во внешних колониях! Не пройдет и недели, как ты будешь мертва, и счастье еще, если не утащишь кого-нибудь следом за собой!

- Да, - еле слышно проговорила она. - Я поняла. Я вам верю.

Вспышка гнева миновала, и Доминго почувствовал себя опустошенным. К тому же при мысли о смерти друзей - а однажды их оказалось слишком много, чтобы спасти всех, - он не ощущал желания добавлять еще одно тело к тому множеству, что забрала Вселенная. Она и так слишком жестока. Можно понять, если кто-то погибает в ходе операции, такое поневоле приходится принимать; однако хладнокровно убить человека - совсем другое дело.

- Нет, наверное, мне не стоит вам доверять, - произнес он. - Но я буду.

- Благодарю вас, - отозвалась она по-прежнему тихим, сдавленным голосом.

Он поднял баллончик с растворителем, чтобы освободить ее от клея, но девушка покачала головой:

- Ничего, я уже почти справилась.

Она заворочалась внутри скафандра, и из горловины под ее подбородком показались кончики пальцев. Должно быть, пока он осматривал корабль, она потихоньку высвободила руку из перчатки и рукава и просунула ее в корпус, оставив приклеенный к переборке рукав пустым, словно кокон бабочки. Скафандр был ей слегка велик, и места под шейным фланцем хватило как раз, чтобы она смогла извернуться и выпростать руку. Когда рука оказалась снаружи по плечо, девушка потянулась вниз, аккуратно расстегнула боковые защелки на груди корпуса, откинула крышку и выбралась в кабину.

Под скафандром на ней было нижнее белье - и больше ничего. Доминго сделал каменное лицо, чтобы сдержать улыбку. Она действительно надевала скафандр в спешке, понял он, так что пренебрегла даже нижним костюмом и всей подсистемой теплового контроля. Неудивительно, что ей удалось одеться так быстро.

Девушка протянула руку.

- Растворитель, - потребовала она, явно не обращая внимания на то, что стояла перед ним чуть ли не голой, в то время как он был упакован в полный вакуумный костюм и держал в одной руке пистолет, а в другой - баллончик.

Он бросил ей баллончик, одновременно думая, достанет ли у нее дерзости брызнуть жидкостью ему в глаза и перехватить пистолет, однако она спокойно повернулась и принялась опрыскивать сковавшие скафандр клеевые потеки. Она расходовала растворитель скупно и

аккуратно. По-прежнему находясь спиной к нему, девушка произвела быстрый осмотр разъемов и застежек, тщательно проверяя, чтобы комки клея случайно не остались где-нибудь в зазоре, затем закрепила скафандр на стойке сзади и подключила к нему электрические кабели и воздухопровод, чтобы перезарядить для следующего использования.

Доминго одобрительно кивнул. С такими инстинктами у нее, возможно, все же были некоторые шансы на выживание в дальних колониях.

Пока она стояла к нему спиной, он воспользовался случаем, чтобы провести визуальное обследование. На ней было надето так мало, что Доминго легко удостоверился: ей негде спрятать оружие.

Девушка повернулась и поймала его пристальный взгляд.

- И что теперь? - спросила она, глядя ему прямо в глаза.

Он отвел взгляд от ее тела:

- Ну а вы как думаете?

- Откуда мне знать, - отозвалась она. - Вы здесь главный. Очевидно, мне следует выполнять все ваши указания.

- В таком случае я бы посоветовал вам одеться.

Ее брови приподнялись на какую-то долю миллиметра, однако она кивнула и молвила:

- Ладно.

Великий Будда, неужели она все это время думала, что он вынашивает относительно нее грязные планы? Каким же варваром она его считает! Его ребята с Антероса стали пиратами не потому, что им нравилось грабить и сеять страх, а из-за того, что судьба не оставила им выбора. Неужели она этого не знает?

Девушка оттолкнулась и поплыла через кабину. Главный салон отделялся перегородкой, по его периметру на равных расстояниях располагалось шесть ниш. Помимо той, где находились скафандры, две из них, очевидно, служили кладовками, и еще в двух располагались маленькая кухня и туалет. В нише напротив, куда теперь направлялась девушка, видимо, было устроено место для отдыха и сна. Доминго тронулся следом за ней, и она обернулась, глядя на него несколько сверху.

- Вы за мной?

О Будда! Неужели она до сих пор думает, будто он посягает на нее? Девушка остановилась, взявшись за настенный поручень возле двери спальни; мгновением позже Доминго притормозил рядом с ней, схватившись за тот же поручень.

- Пожалуйста, подождите одну минуту, - попросил он, проскальзывая мимо нее. И, обернувшись, добавил: - Если вам не трудно, держитесь так, чтобы я мог вас видеть.

Пока Доминго был в спальне, он одним глазом присматривал за пленницей, готовый к любому внезапному движению, однако девушка спокойно парила, лишь изредка дотрагиваясь кончиком пальца до

поручня, чтобы не сносило в сторону. Доминго быстро, но тщательно обыскал помещение. К внутренней стене был подвешен застегнутый на молнию сетчатый гамак, рядом располагалось несколько шкафчиков, и содержимое каждого он проверил. Они были забиты разномастными просторными комбинезонами, несколько более яркими, чем он привык, и по большей части разрисованными прихотливыми фигурками лошадок и прочих зверей. И спальня, и одежда пропитались девичьим запахом - это не было неприятно, но напомнило ему о других местах и других временах. Он перетряхнул все вещи, переходя от аккуратно сложенной одежды к грязному белью, и затем к полотенцам и туалетным принадлежностям. Наткнувшись на запасы тампонов, он заметил на лице девушки легкую ухмылку, однако продолжал искать, стараясь, чтобы его инспекция оставалась подчеркнуто бесстрастной. Судя по всему, она не пользовалась лекарствами, чтобы подавлять менструации - однако ее медицинский режим его не касался, и он был уже не настолько молод, чтобы испытывать шок или возбуждение при намеке на женскую физиологию. Личные вещи - самое удобное место для хранения оружия, оказавшись оно у нее, и Бонаventura постарался просмотреть их с особенной тщательностью, ни на секунду не теряя бдительности. Закончив, он выплыл наружу, сказав девушке:

- Все в порядке. Можете заходить.

Она с отвращением взглянула на него и заплывала в спальню - в условиях нормальной гравитации метнулась бы туда стрелой.

- Ну и бедлам вы тут устроили! - сказала она.

- Ничего страшного, - отозвался Доминго и, видя, что она начинает стаскивать с себя нижнее белье, добавил: - Вы можете закрыть дверь, если хотите.

- Спасибо! - Девушка так и поступила.

А он пока решил наскоро осмотреть другие отсеки.

- Вы собираетесь пригласить сюда остальную команду? - спросила девушка через дверь. - Или они подождут вас на корабле?

А-а, вот в чем дело - она думает, что у него там целый корабль, и он просто пользуется случаем, чтобы побыть с ней наедине!

- Ах да, мой корабль, - ответил Доминго. - Нет, он уже улетел. Меня, э-э, просто забросили сюда, а остальные двинулись к следующему пункту.

- Вот как... - она помедлила. - Я не понимаю. Разве вы здесь не для того, чтобы захватить груз?

- Ну да, что-то в этом роде.

На самом деле он собирался лететь вместе с грузом дальше - по крайней мере до орбитального хлыста. А вот когда они доберутся до хлыста... на то он имел другие планы.

- И вообще, - донесся до него голос девушки, такой беззаботный, словно Доминго был просто ее напарником, - как вы ухитрились

сделать свой корабль невидимым?

- Профессиональная тайна, - ответил он. - Простите.

Экспресс-обыск кабины был закончен. Оставалась возможность, что оружие спрятано где-то внутри систем корабля, под какой-нибудь панелью или в кожухе электронной аппаратуры, но он решил, что это маловероятно. Если бы девушку, несмотря на все его предосторожности, предупредили о пиратах, оружие было бы где-нибудь под рукой, наготове, а не погребено в недрах корабля. Если же предупреждение не поступило, не было и нужды в оружии вообще; как правило, на космические корабли его не брали.

Собственно, Бонаventura и не ожидал ничего обнаружить, но только сейчас, удостоверившись, что у девушки ничего не припасено, он позволил себе слегка расслабиться. Разумеется, на корабле и без того хватало оружия - в космосе могут оказаться смертоносными тысячи вещей, от кислородных баллонов до электрических кабелей, если их правильно использовать.

Девушка выплыла из спальни уже в корабельном комбинезоне - тонком, небесно-голубого цвета, достаточно облегающем, чтобы излишек ткани не топорщился, но довольно свободном, чтобы скрыть изгибы тела. Впрочем, Доминго уже видел ее без одежды и мог с легкостью представить себе то, что находилось внутри.

- Наверное, - сказал он, - было бы неплохо, если бы вы назвали мне свое имя.

- Мэй, - ответила она и, помолчав, добавила: - Мэй Гамильтон.

- Мэй, - повторил он. - Вы работаете на «Хэйес Минералс», как я понимаю?

- Конечно. А могу я спросить, кто вы? Или это секрет?

- Я Доминго Бонаventura, - ответил он. - Из колонии Антероса.

Ее глаза слегка расширились.

- Вот как, - проговорила она. Вероятно, она уже слышала это имя. Всякие небылицы, конечно же: о пиратах ходило множество рассказов, как правило искаженных, однако он надеялся, что в тех историях, что дошли до нее, он изображался не слишком жестоким.

Ее глаза скользнули вниз, к пистолету, который он пристегнул к бедру на «липучку»: оружие по-прежнему было в зоне досягаемости, хотя и не у него в руке. Доминго вопросительно приподнял брови.

- Пистолет стреляет пулями? - спросила она. - Не думаю, что вы стали бы его использовать, по крайней мере не в герметичной кабине.

Он улыбнулся.

- Думаете, не стал бы? Напрасно. Мы ведь не какие-нибудь дилетанты. Это оружие тщательно разработано. Снаряды не смогут пробить стенки кабины, а вот плоть разорвут в клочья. И не обольщайтесь - колебаться я не буду.

- Вот как?

Что это, разочарование? Трудно сказать. Внешне это выглядело так, словно она просто поддерживает разговор.

- Но я предлагаю соглашение, - продолжал он. - Вы пообещаете, что не предпримете попыток повредить мне, или сбежать, или позвать на помощь, или подать какой-либо тайный сигнал. Если я попрошу вас что-то сделать, вы это сделаете. Как по-вашему, это честно?

- Соглашение? - переспросила девушка. - А с вашей стороны? Вы пообещаете, что меня не убьете?

- Моя часть соглашения, - ответил Доминго, - будет состоять в том, что я отнесусь к вам с доверием.

- С доверием?

- В определенных пределах. Говоря о доверии, я имею в виду, что не стану связывать вас электрическим кабелем, заливать клеем и запихивать в грузовой отсек - до тех пор пока мы не доберемся до такого места, где я смогу засунуть вас в эвакуочехол вместе с радиомаяком и выкинуть приблизительно в том направлении, где вас, возможно, кто-нибудь подберет. А именно это я и сделаю, если решу, что не могу доверять вам. Ну как, все честно?

- Пожалуй. А что будет, когда мы доберемся до хлыста?

- Вы вольны отправляться, куда вам вздумается.

- Вы собираетесь взломать хлыст, - сказала она. Это был не вопрос, а утверждение.

Доминго улыбнулся. Девушка начинала ему по-настоящему нравиться.

- Вы не собираетесь тормозить на земной орбите, - продолжала она. - Ну разумеется, нет, зачем вам это? Вы хотите воспользоваться хлыстом, но вместо торможения сделаете так, чтобы он подхватил груз и забросил его на другую орбиту, куда-нибудь во внешний пояс. Могу поручиться, у вас и траектория уже рассчитана! Ваша цель - внешние колонии. Вот почему ваш корабль улетел дальше - вам и не нужен корабль! Вы не просто хотите отобрать у меня немного воды, вы заберете весь мой груз!

- Вы, можно сказать, изложили мне мой план, - сказал Доминго. - Что ж, поскольку он, очевидно, известен вам в деталях, прошу вас, продолжайте.

- И значит, вы вообще не собираетесь останавливаться на земной орбите, верно? А если так, то как же насчет меня? Вы сказали, что отпустите меня - что вы имели в виду?

- У меня есть капсула.

- Капсула! И вы собираетесь отправить меня в капсуле?

- Да, это не очень комфортабельно, - признал Доминго. - Но я могу гарантировать, что она в исправном состоянии. У вас есть возражения против нашего соглашения?

- Нет, - ответила девушка. - Я все понимаю. Если вы можете мне дать только капсулу, я ее приму. - Она немного помолчала и потом

прибавила: - Спасибо.

- Ну что ж, у вас ведь больше не осталось вопросов? В таком случае прошу вас: продолжайте жить своей жизнью - при условии, что вы будете спрашивать разрешения, прежде чем подходить к переговорному пульта.

- Благодарю вас.

Он иронически наклонил голову.

- Нет, в самом деле, я говорю серьезно, - добавила девушка. - Груз застрахован. А вы... - она замялась. - Вы могли оказаться и гораздо хуже.

- Всегда рад услужить.

С этими словами Доминго подошел к контрольному пункту, чтобы проверить корабль и познакомиться с его управлением. Когда они доберутся до хлыста, он должен будет провести кое-какие изменения курса, причем быстро и вручную: в строго определенное время и без содействия компьютера. Закончив проверку, Бонаventura убедился, что корабль запрограммирован отвечать на рутинные запросы службы управления движением стандартным «отклонений нет».

Девушка, со своей стороны, старалась держаться в стороне.

Переместившись к стене возле спального отсека, она принялась читать книгу. Было неясно, действительно она читает или притворяется.

Доминго доверял ей до некоторого предела, но тем не менее оставался настороже. Этого доверия было недостаточно, чтобы он мог позволить себе заснуть, оставив ее свободно перемещаться по кабине. Как и все астронавты, он умел дремать вполглаза, так что часть сознания бодрствовала, отслеживая все необычное, готовая в любой момент пробудиться полностью, однако ему не очень-то хотелось полагаться на рефлекс. Он осмотрел дверь спальни, но та выглядела раскрашенным листом бумаги; за ней невозможно было кого-то по-настоящему запереть. Когда по корабельному времени наступил вечер, Бонаventura после некоторого размышления снова отправил пленницу в скафандр, который тщательно приклеил к стене. Щиток он оставил поднятым, чтобы она могла дышать корабельным воздухом.

Девушка перенесла эту процедуру с замечательным терпением, наблюдая за Доминго с легкой усмешкой на лице.

В заключение он приклеил шлем к корпусу, чтобы не сомневаться: хитрюга не сможет повторить свой фокус с просовыванием руки наружу. Спать в скафандре ей будет достаточно удобно, Доминго проделывал это не один раз. В условиях свободного падения тело парит внутри, и такой сон ничем не отличается от сна в гамаке.

- Все в порядке? - спросил он. - Нигде не жмет?

- Жалоб не имею.

- Простите за то, что обращаюсь с вами так непочтительно. Это не

значит, что я вам не доверяю...

- ...но вы мне не доверяете, - закончила она. - Я все понимаю. Ничего страшного. Спокойной ночи.

И она закрыла глаза.

* * *

Проснувшись утром, он посетил крошечный туалет, после чего воспользовался маленьким душем, специально сконструированным для невесомости. Девушка еще спала. Некоторое время Доминго смотрел на ее лицо, нежное и гладкое, на прядки волос, выбившиеся из-под шлема; потом он отправился в кухню, которая была замечательно оборудована для таких компактных размеров. Он был приятно удивлен, обнаружив в ней агрегат для варки кофе под давлением - предмет, который в поясе астероидов считался бы непозволительной роскошью. Судя по всему, компания «Хэйес» очень заботилась о своих сотрудниках.

Доминго вернулся к девушке. Скафандр он оставил приклеенным к переборке, но освободил грудную пластину и шлем, после чего снял их вместе одним куском. Ее глаза сонно раскрылись, как только он начал расстегивать защелки.

- Доброе утро, - сказал Доминго. - Подъем, подъем, новый день зовет! Девушка подавила зевок.

- Уже? Сколько сейчас времени?

- Что значит - уже? Прошло пять часов! Сколько же вы собирались спать?

- Гораздо дольше, - фыркнула она. - Боже мой! Мне придется потом досыпать.

- Как вам угодно. Есть кофе, если хотите.

- Еще бы!

Доминго вернулся к кофейному аппарату и уже ждал ее с двумя чашками кофе, когда она вышла из туалета. Чашки были рассчитаны на использование как в невесомости, так и при нормальной силе тяжести - их закрывали керамические крышки с дырочками, удерживавшие жидкость внутри благодаря поверхностному натяжению, но позволявшие медленно прихлебывать напиток. Обернувшись к маленькой статуе Будды, которую он закрепил на противоположной переборке, Бонавентура приподнял свою чашку, на мгновение опустил взгляд и только потом начал пить. Символически такой жест мог считаться приношением Будде. Если бы Будда действительно захотел выпить кофе, ему никто не мешал зайти и получить персональную чашку, но не имело смысла тратить настоящий кофе на ритуалы.

Проследив за его взглядом, Мэй увидела статуэтку.

- Бог мой, - произнесла она. - То есть боги, я хотела сказать. Вы ведь на самом деле не верите во все это, правда?

Доминго отхлебнул кофе и задумался.

- Нет... не совсем. Соблюдение ритуалов воспитывает определенный уровень дисциплины, который я хотел бы видеть в своих людях, поэтому я соблюдаю формальности, чтобы не давать им искушения расслабиться. Но если вы спрашиваете, действительно ли я верю, что какой-то мертвый индеец, живший три тысячи лет назад, наблюдает за нами из великой пустоты, то на этот счет я смогу составить мнение только после личной встречи.

- Ваши люди? - переспросила она. - Вы хотите сказать, что у вас есть последователи, которые верят в то, во что вы им велите верить?

- В целом у нас довольно анархическая группа, - ответил Бонаventura, - однако - да, до какой-то степени мои люди ориентируются на то, что делаю я.

Девушка наморщила лоб.

- Так значит, пираты исповедуют буддизм? В жизни бы не поверила!

- С вашего позволения, мы не очень любим, когда нас называют пиратами.

- Правда? Как же тогда называть человека, который врывается с оружием на борт грузового судна и угоняет груз бог знает куда?

- Я бы сказал, что этот человек борется за выживание, - ответил Доминго.

* * *

На протяжении следующих нескольких дней у них установился размеренный распорядок жизни. Космические путешествия - дело скучное, и далеко не все время можно заполнить оттачиванием навыков управления кораблем и подготовкой к предстоящим испытаниям. Обычно Доминго скрашивал долгие пустые часы в космосе медитацией, но даже несмотря на то, что он начал более или менее доверять девушке, не стоило искушать ее возможностью выкинуть какой-нибудь неожиданный фортель, на который он будет вынужден отвечать силой. Поэтому он много времени проводил, осматривая корабль, подгоняя незначительные детали, удостоверяясь, что дублирующие системы исправны и готовы к работе, чистя фильтры и заново калибруя те инструменты, у которых накопилась небольшая погрешность.

Вся эта работа по большей части не имела смысла, но он любил, чтобы каждый узел корабля был знаком ему не формально, а благодаря личной работе с ним.

- Я не привык, когда рядом кто-то есть, - сказал он, обнаружив, что

девушка парит посередине кабины, не занятая ничем, и просто наблюдает, как он разбирает мотор вентилятора, чтобы сменить подшипник (вентилятор издавал небольшой шум). - Меня это немного сбивает.

- А как же ваша команда? - спросила она.

- Какая команда?

- Ну, на корабле.

- А, вот вы о чем, - сказал Доминго. - Признаться, тут я слегка ввел вас в заблуждение. Я работаю без страховки. Только я, больше никого.

- Вон оно что, - протянула она, пытаясь осмыслить услышанное. - Капсула... Ну конечно! У вас ведь и не было корабля, верно? Ничего удивительного, что я его не увидела - там и видеть-то было нечего! Капсула... Все, что у вас есть - это капсула. И вы так и летели на ней бог знает сколько, совершенно один? Вы не испытывали одиночества?

- Нет.

- Неужели вам совсем не хочется общения? Вы что, проводите все время вот так, в глубоком космосе, в полном одиночестве?

- Ну, я не все время один. Я женился, когда мне было шестнадцать. - Видя, что девушка смотрит на него с видимым удивлением, он пояснил: - У нас в дальних колониях принято рано заключать браки.

- А-а, - протянула девушка. - И что, у вас хорошая жена?

- Лучше не бывает. Знающая, умная, негибкая, словно ванадиевая сталь. Как раз такая, какую хочется иметь рядом с собой, когда выходишь в поиск.

- Вы занимались разведкой месторождений?

- Конечно. Мы ведь, знаете ли, не всегда промышляли пиратством.

Немного помолчав, Мэй спросила:

- И где она сейчас? Ждет вас дома, на Антеросе?

- Она умерла.

Девушка подождала, не скажет ли он что-нибудь еще, и когда продолжения не последовало, спросила:

- И это все? Умерла, и больше ничего?

- Разумеется, есть еще много чего. Просто я не собираюсь с вами этим делиться. - Доминго помолчал и потом добавил: - Если бы я начал сейчас рассказывать о ней, то боюсь, не смог бы остановиться и говорил бы целую неделю, а может, и две. Вот если бы у нас имелась пара литров хорошего дистиллята, и если бы мы не были врагами, и если бы мы не летели на космическом корабле, и если бы от меня не зависели люди, и если бы мне не предстояло доставить угнанный груз в нужное место в нужное время - тогда, может быть, вам и удалось бы уговорить меня поведать об этом. А раз это не так, значит, и рассказа не будет. И в любом случае, это не ваше дело.

- А-а, - только и сказала она. - Ну ладно.

* * *

Когда до Земли оставался один день, Доминго решил, что настало время выйти наружу и осмотреть груз. Он надел скафандр, и девушке тоже приказал одеться - отчасти потому, что она знала корабль и могла сэкономить ему время, а частью потому, что опасался оставить ее одну в кабине.

Груз, по сути, представлял собой огромный мешок с водой; мягкая оболочка выпирала в ячейках между стропами, так что все вместе напоминало воздушный шар, обтянутый сетью. Доминго облетел вокруг, удостоверившись, что обвязка нигде не повреждена, проверил внутреннее давление, посмотрел, все ли мониторы температуры и давления установлены как следует. При обычных для венерианской траектории температурах вода оставалась жидкой, но отражающее термальное покрытие не давало ей нагреваться слишком сильно и создавать опасное давление.

Главной целью осмотра были высокопрочные тросы, с помощью которых закреплялся мешок. В условиях невесомости нагрузки на них не было, однако когда груз будет захвачен орбитальным хлыстом, тросы подвергнутся внезапному напряжению. Доминго хотел удостовериться, что груз не оторвет.

- Я их уже проверяла, - услышался по внутреннему переговорному устройству голос Мэй, парившей в своем небесно-голубом скафандре метрах в пяти от него. Доминго велел ей держаться подальше от груза, но оставаться на виду; кроме того, он перестроил передатчик ее скафандра так, чтобы тот работал только на малой мощности - хватает, чтобы переговариваться с ним, но недостаточно, чтобы передать сигнал бедствия.

- Очень хорошо. Но я все же проверю их еще раз, если вы не возражаете. - Несколько мгновений он совершал облет в молчании, а затем прибавил мимоходом, словно рассуждая сам с собой: - Я однажды видел, как такой же вот контейнер стоимостью в семьдесят миллионов разорвало, и вся вода улетела в пустоту - только из-за того, что добывающая компания, транспортировавшая груз, слишком спешила и пренебрегла проверкой тросов перед тем, как начать ускорение.

Это было до того, как Антерос взбунтовался, когда они еще работали по контракту, пытаясь наскрести себе крохи на пропитание в дальних закоулках небосвода. Вырвавшийся фонтан бил в черноту космоса струей сверкающих снежинок; вода испарялась и замерзала одновременно. Корабль, на котором летел Доминго, со стороны груза покрыла снежная корка толщиной в несколько метров. Там, куда падала тень, снег держался почти неделю, пока наконец понемногу не

испарился. Хотя человеческих жертв не было, для добывающей компании это происшествие оказалось катастрофой - она слишком глубоко увязла в долгах. Это была еще одна неудача в долгой, неспешной цепи событий, поставивших колонию Антероса на грань банкротства.

Закончив осмотр тросов, фиксирующих груз - никаких видимых повреждений, как и сказала Мэй, - Доминго переместился туда, где приклеил к стропе свою капсулу. Он провел визуальное обследование (все было в порядке), после чего занялся удаленной загрузкой системы. Получив подтверждение, что все работает исправно, он отклеил капсулу и провел ее вдоль груза к люку жилого модуля.

- Так значит, вы проделали весь свой путь вот на этом? - донесся до него голос Мэй. - Я бы сказала, что она довольно маленькая.

- Мне хватает, - сказал он.

- И сколько же времени вы провели внутри?

- Прошу меня простить, это профессиональная тайна.

- Думаю, по крайней мере пару недель, не меньше, - заметила она. - Должен же был какой-нибудь корабль забросить вас на нашу орбиту, а если бы что-либо подобное оказалось поблизости, я бы обязательно заметила.

- Вы вольны делать любые предположения, - отозвался Доминго.

* * *

Когда они вернулись на корабль, их ожидало сообщение.

- Грузовой с Венеры, это межпланетный контроль, пожалуйста выйдите на связь. У нас нештатная ситуация. Грузовой с Венеры, выйдите на связь!

Все чувства Бонавентуры переключились в режим полной боевой готовности. Он и действительно немного отклонился от ожидаемой траектории, однако отклонение было тщательно вычислено с расчетом на то, что корабль не уйдет от номинального курса настолько, чтобы вызвать запрос службы управления движением. Он взглянул на Мэй. Девушка выглядела не менее удивленной - она поглядела на него и слегка покачала головой. Доминго пожал плечами и послал ответ:

- Управление движением, это грузовой «Хэйес VE47». Что случилось?

После паузы он услышал:

- Слушайте, седьмой, тут проблема. Отказал Гоманов хлыст^{*1}. Повторяю, отказал Гоманов хлыст! Как поняли? Прием!

Мэй тихо присвистнула и переместилась ко второму пульту. Доминго

¹ * *Эллипс Гомана - траектория межпланетного перелета с минимальной характеристической скоростью. (Прим. перев.)*

вполголоса выругался.

- Вас понял, - сказал он. - Хлыст не принимает. Вы можете задать нам аварийный курс?

После паузы голос ответил:

- Седьмой, придется немного подождать. У нас тут сплошная неразбериха. Впрочем, думаю, вам лучше обойтись своими силами. - Голос принадлежал молодому парню. Звучал он довольно взволнованно.

Должно быть, дела у них плохи.

- Что произошло?

- Точно пока неизвестно. Была серьезная авария, конструкция повреждена процентов на семьдесят, несколько тросов порвано, много человеческих жертв. Скорее всего, хлыст на что-то налетел, но мы пока не знаем, на что именно.

- Насколько велик ущерб? - Доминго задержал дыхание, ожидая ответа.

- Неописуем. Мы совершенно выбились из графика. Несколько человек забросило внутрь орбиты; мы пытаемся организовать поисковые партии, чтобы вытащить их прежде, чем они врежутся в атмосферу... Слушайте, может, мы поболтаем как-нибудь позже? Тут куча дел, и нельзя терять ни минуты. Информация должна поступить к вам по каналу данных, я просто подумал, что вам стоит услышать об этом как можно скорее.

- Вас понял, - сказал Доминго.

- Отбой.

Мэй уже устроилась на месте второго пилота и просматривала поток входящих данных. Доминго принялся листать меню в поисках экрана внешних датчиков. Их корабль приближался к конечному этапу пути, они были уже внутри лунной орбиты, достаточно близко, чтобы внешние датчики были способны распознать стокилометровый хлыст.

Его не было.

Он принялся всматриваться, увеличивая яркость изображения до тех пор, пока диск Земли почти полностью не размылся, потом вывел на экран маленький астероид, который служил хлысту противовесом. Лишь усилив гамму и контрастность, он смог разглядеть торчащий из него куцый огрызок.

Хлыст пропал.

Астероид и короткий хвостик хлыста окружало облако белых крапинок. Обломки, понял Доминго. Да, там случилось что-то из ряда вон выходящее. Некоторые из этих пятнышек были фигурами в скафандрах - по крайней мере он надеялся, что в скафандрах, - выброшенными катастрофой на эксцентрические орбиты.

Похоже, следовало готовиться к неприятностям.

Доминго вскинул голову, внезапно обеспокоенный тем, что позволил

себе отвлечься. Он увидел, что Мэй, хмурясь, просматривает расчеты траектории их полета.

Она подняла взгляд.

- Мы задеваем атмосферу.

- Что?

- Мой корабль. Мой груз. Нам необходим перехват. Траектория, на которой мы находимся, заходит в атмосферу.

У него ушло несколько мгновений на то, чтобы осознать смысл ее слов. До сих пор он не пытался экстраполировать траекторию корабля дальше хлыста. Сейчас он нарисовал ее в уме. Мэй была права. Он внес в траекторию некоторые поправки, чтобы подготовиться к последующему маневру. Поправки небольшие, ничуть не выбивающиеся за пределы допустимой погрешности - но теперь, без перехвата, их траектория задевала Землю.

- Хлыста нет, - проговорил он. - Перехват не состоится. Чтобы избежать вхождения в атмосферу, надо включить основной двигатель.

Она посмотрела на него ледяным взглядом.

- Это невозможно.

- Я знаю, не хватает запаса скорости. Нам придется спустить груз, чтобы уменьшить массу. Прости, девочка, жаль твоего груза, но у нас не такой уж большой выбор.

- У нас нет никакого выбора. На корабле нет основного двигателя.

- Как это - нет основного двигателя? Конечно же, есть, я знаю эту модель!

- Нам не нужен основной двигатель для Гомановых перелетов, весь необходимый запас скорости вырабатывается хлыстами и буксирами. Все, что нам нужно - это контроль траектории.

- Вы что же, летаете по Гомановой траектории вообще без двигателя?!

- Почему бы и нет? - отозвалась она. - Вы сами проверили все остальное - по два раза. Но вам ведь и в голову не пришло проверить основной двигатель, верно?

- У вас нет двигателя! - повторил он. - Но почему у вас нет двигателя?

Она ответила тихим-тихим голосом:

- Я не могу себе позволить тратиться на горючее. Я не могу себе позволить капремонт. Я и этот полет-то не могла бы себе позволить, если бы он не был целиком оплачен заемными деньгами.

- Да ты с ума сошла, то есть я хочу сказать, это «Хэйес» сошла с ума! Нельзя летать без основного двигателя! При таких условиях, если отказывает что-то одно - выходит из строя вся система!

Очень медленно Мэй ответила:

- У нас нет ни гроша. Мы залезли по уши в долги уже для того, чтобы организовать добычу воды. И ведь предполагалось, что все будет проще простого - там толкнут, здесь поймают. Черт побери, откуда я

могла знать, что хлыст накроется?

- Девочка, нужно всегда предвидеть худшее! Иначе не выживешь. - Он помолчал. - Пожалуй, мне стоит снова взглянуть на нашу траекторию.

Они вдвоем принялись изучать предстоящий путь. Их судно находилось уже настолько глубоко в земном гравитационном колодце, что понадобился бы существенный запас скорости, чтобы хоть немного свернуть его в сторону. Их траектория проходила рядом с планетой, не касаясь ее, но нагрев от вхождения в атмосферу на скорости двенадцать километров в секунду обещал быть катастрофическим.

Ровно через девять часов их корабль превратится в яркий метеор.

Нужно звать на помощь. Доминго взял микрофон, чтобы передать сигнал бедствия, но заколебался. Если сюда придут спасатели, он окажется в довольно скользком положении - весь его план был рассчитан на бегство в дальние колонии, в ту область космоса, куда не достигали околоземные законы. Однако у него, кажется, просто не осталось выбора. Придется справляться с ситуацией по мере ее развития. Доминго включил микрофон.

- Говорит грузовое судно «Хэйес VE-7». Сообщаем о чрезвычайной ситуации на корабле. Говорит судно «Хэйес VE-7», следующее с Венеры к Гомановому хлысту; у нас чрезвычайная ситуация. У нас... - он замялся и закончил: - ...у нас закончилось горючее. Мы просим о помощи. Повторяю, судно «Хэйес VE-7» просит о помощи! Есть там кто-нибудь?

На протяжении следующих тридцати минут к ним струйкой текли ответы. Сперва от службы управления движением - сухое подтверждение получения сигнала бедствия без обещания помочь, затем от других кораблей и колоний, находящихся внутри лунной орбиты. Однако какой бы отчаянной ни была их ситуация, поблизости в орбитальном пространстве попросту не было кораблей, которые, даже двигаясь полным ходом, могли бы успеть к ним прежде, чем они врежутся в атмосферу.

Они приближались к Земле, наращивая скорость медленно, но в геометрической прогрессии.

- Ну хорошо, - сказала Мэй. - Предположим, мы проделали дыру в боковине груза. Оттуда ударит фонтан воды. Толчок, конечно, не очень большой, но может быть, его будет достаточно, чтобы избежать столкновения с атмосферой?

Доминго покачал головой.

- Давления не хватит. Толчок будет слишком незначительным. - Помолчав, он добавил: - Но не стоит полагаться на меня. Проверь сама, посмотри, может быть, я ошибаюсь.

Через десять минут, ушедших на проверку вычислений и просмотр значений термических постоянных воды, Мэй сказала:

- Проклятье! С какой стороны ни подойди, похоже, вы правы. Вода

слишком сильно охлаждается из-за адиабатического расширения. - Доминго поднял голову. - В лучшем случае мы выиграем несколько метров в секунду, но этого далеко не достаточно... Погодите-ка, а что если мы срежем термическое полотно? Тогда груз нагреется на солнце, и давление возрастет!

Доминго покачал головой.

- Слишком большая тепловая масса. Вода не успеет достаточно нагреться за то время, что у нас есть. Если и нагреется, то самую малость.

- Черт побери!

Они поглядели друг на друга.

- Да, попали мы в переplet, - сказала Мэй. - Что же нам делать?

У Доминго оставался только один козырь - капсула. Но она имела совсем крохотный запас скорости. На двоих его не хватит... однако если человек будет только один, возможно, он сумеет унести ноги. Что ж, тогда нужно действовать оперативно; чем раньше он отчалит, тем выше его шансы.

У него не было причин не лететь. Ее несчастья его не касались. Доминго взглянул на девушку. Она тоже смотрела на него; ее лицо было открытым и незащищенным.

- У нас есть девять часов, - сказал Доминго и улыбнулся. - Лучше потратить их с толком.

Мэй ответила ему прямым, напряженным взглядом, потом прошлась глазами по его фигуре с головы до ног.

- У вас пистолет, - сказала она, - и я дала вам слово, что выполню любое ваше требование. Но похоже, я соврала. Я не допущу близости с человеком, который держит меня на мушке. Лучше пристрелите меня сразу, черт вас дер!

Доминго поглядел на оружие, по-прежнему пристегнутое на «липучку» к его бедру. Конечно же, он ни на минуту не забывал о нем, хотя и не уделял ему особого внимания; это был просто предмет костюма. Он вытащил пистолет, поглядел на него, затем разжал руку и оттолкнул от себя. Они с девушкой проследили за его полетом. Пистолет медленно проплыл через кабину, мягко ударился о вентиляционную решетку в переборке напротив и поплыл обратно, неспешно вращаясь.

Мэй поднесла руку к затылку и потеряла шею, разметав волосы в разные стороны, потом оттолкнулась от пола, пересекла разделявшие их несколько метров и затормозила движение, упершись рукой в грудь Доминго.

Впервые за все это время она прикоснулась к нему. Ухватившись одной рукой за материю на груди его комбинезона, чтобы удержаться на месте, она поглядела ему прямо в глаза.

Потом она с силой ударила его второй рукой.

- Это тебе за то, что ты погубил мой корабль, - сказала она. - И за то,

что украл мой груз.

Он отпустил поручень, за который держался, и поднял руку, чтобы потереть щеку. Движение заставило его отплыть немного в сторону от пилотского пульта, к середине помещения. Она могла бы отпихнуть его, но вместо этого продолжала держаться за его комбинезон, тяжело дыша и глядя так, словно вызывала его на ответный удар.

- Прости, - произнес он.

- И еще совсем не обязательно было заклеивать меня на ночь в скафандре, - сказала она. - Это унижительно.

- Прости, - повторил он, не найдя другого ответа.

- Это было подло! - Она протянула свободную руку, схватила его за волосы и придвинулась к нему лицом к лицу, нос к носу, глядя ему в глаза немигающим взглядом. - К тому же ты обращаешься со мной как с ребенком.

Ее глаза были орехового цвета, заметил он, почти зелеными.

- Я не ребенок! - сказала Мэй.

- Конечно, - сказал Доминго. Ее учащенное дыхание касалось его лица.

- Ну так и нечего так со мной обращаться! - сказала она.

Они парили в свободном пространстве посередине кабины, и он ощущал электрическое напряжение, пронизывавшее ее тело. Ее лицо было в каких-то дюймах от его лица. Очень медленно, не зная, какой реакции ожидать, Доминго протянул руки и обнял девушку. Мускулы на ее плечах были напряжены.

Она потянулась к Доминго лицом и поцеловала его. Поцелуй был настолько же неожиданным и неистовым, как и предшествовавший удар.

- Девять часов? - переспросила она.

- Сейчас уже скорее восемь, - ответил Доминго.

Он раздевал ее не торопясь. Ее тело было таким, каким он его запомнил, но на этот раз он не делал вид, будто смотрит в сторону. Он повлек ее в спальный отсек, где имелся гамак, в котором они могли быть рядом, где любое движение не расталкивало их в разные стороны.

* * *

Прошло какое-то время. Доминго расслабленно парил в гамаке, перебирая в уме свойства воды в условиях микрогравитации. Он раскрыл глаза, почувствовав, что Мэй начала освобождаться из его объятий. Она не стала тратить время на одевание, а просто оттолкнулась и поплыла в кабину.

Он смотрел на нее, восхищаясь игрой мускулов ее нагого тела,

смотрел, как девушка плывет, переворачивается и умело тормозит свое движение, как она берет парящий пистолет. Интересно, подумал он, зачем ей это?

- Наверное, тебе стоило бы его проверить, - сказал он, - прежде чем направлять его на меня.

Девушка поглядела на пистолет. В одно мгновение она отыскала стопор, открывавший патронник, куда должны были закладываться снаряды с проволочной петлей. Патронник был пуст. Пустовало и отделение для батареи.

- Не могу поверить! - воскликнула Мэй. - Все это время ты носил с собой незаряженный пистолет?

- Я вынул патроны и батарею в первый же день, когда решил, что доверяю тебе. - Он посмотрел на нее. - Я был не прав?

Девушка ответила ему внимательным взглядом, потом вздохнула.

- Нет. Я просто хотела проверить.

- В таком случае приготовься, сейчас будем одеваться, - сказал он.

- Одеваться? Зачем? Ты, кажется, уже увидел все, что только можно.

- Да нет, не одежду. Скафандры. Мы славно позабавились, но теперь, к сожалению, пришло время становиться серьезными. У нас много работы. У нас осталось семь часов - как раз достаточно, чтобы спасти наши шкуры.

* * *

Когда они выбрались из люка наружу, Земля уже нависала в небе огромной голубой полусферой. Казалось, будто она растет у них на глазах, хотя он знал: это всего лишь оптическая иллюзия. Планету окружало облако сверкающих искорок - земная свита орбитальных колоний и захваченных астероидов. Только самые большие и близкие из них казались булавочными точками света, большинство же было слишком мало, чтобы их разглядеть. Астероид с торчащим обломком хлыста не просматривался, его закрывал край планеты.

Однако время не позволяло любоваться видом. Доминго оторвал взгляд от планеты и перевел его на груз.

- Мы должны отыскать клапан сброса давления, - сказал он. - Нужно будет направить струю точно на жилой модуль.

Это была тонкая операция. Когда они открыли клапан, вода фонтаном рванулась из сферической оболочки, немедленно превращаясь в пар, который стал расползаться по сторонам сверкающим белым облаком. Было очень трудно собрать воду в узкую струю и навести ее на цель. Вода кипела, остывая по мере отдачи энергии, и замерзала одновременно с кипением. Они принялись поливать гейзером кипящего льда поверхность модуля. Вначале намерзания не происходило -

стены модуля нагрелись на солнце, и лед испарялся быстрее, чем они успевали его напылять. Они работали в облаке струящегося пара, и модуль виднелся в тумане лишь неясным контуром. Однако уже через минуту внешние стены начали остывать, и на них стала образовываться тонкая корочка льда. Работа была утомительной. Потоки ледяного тумана то и дело облепляли их шлемы, и им приходилось каждые несколько минут счищать лед со щитков.

Медленно-медленно на модуле начала нарастать ледяная скорлупа - вначале лишь в несколько миллиметров толщиной, потом миллиметры превратились в сантиметры, и наконец она стала настолько толстой, что самого модуля было уже не различить внутри грязного снежного кома.

К тому времени, как весь запас воды был израсходован, модуль оказался заключен в кропотливо наращенный ледяной панцирь толщиной в несколько метров.

- Ты уверен, что у нас получится? - спросила Мэй.

- Выглядит грубовато, но должно сработать, - заверил спутницу Доминго.

Теперь у корабля вырос длинный хвост, как у кометы; он уходил в космическое пространство со стороны, противоположной солнцу, ионизируясь до бледно-голубого сияния. В данный момент они, наверное, представляли собой самое яркое явление в земном небе - этакая нежданная комета.

Сама Земля была уже огромной, она заполняла половину неба. Одновременно она сузилась до полумесяца, и у них на глазах этот полумесяц исчез - они скользнули на ночную сторону. Темнота под ними потрескивала вспышками экваториальных молний. Доминго начинало казаться, что он чувствует на лице первое дуновение атмосферы.

- Пошли внутрь, - сказал он. - У нас не так много времени.

Вернувшись в модуль, Мэй начала разоблачаться. Доминго остановил ее.

- Давай лучше останемся в скафандрах. На всякий случай.

- Если лед растает при вхождении в атмосферу, скафандры нам все равно не помогут.

- И все же лучше подстраховаться, - сказал он.

Они уже слышали звук - тонкий, почти ультразвуковой визг. Очень медленно вещи, плававшие по кабине, заскользили в одну сторону. Корабль соприкоснулся с первыми внешними клочками атмосферы и начал тормозить.

Торможение усиливалось с устрашающей скоростью. За несколько минут оно достигло стандартного «g». Доминго и Мэй, раскинув руки, распластались по переборке. Мэй протянула к нему перчатку и взяла его руку в свою. Тяжесть становилась все больше и больше. Они были

пришпилены к стене, неспособные шевельнуться; корабль бросало из стороны в сторону. Доминго пожалел, что подкладку в скафандрах не делают более толстой. Он представил себе откалывающиеся от оболочки куски льда. Должно быть, за ними тянется след в сотню миль длиной.

- Доминго, - позвала Мэй.

- Что?

- Я хотела сказать... Я рада, что с тобой встретишься.

- И ты не злишься, что я захватил твой корабль?

- Злюсь. Но за последнее время произошло так много всего... Ты уже далеко не в начале списка.

- Спасибо, - сказал он и добавил: - Я тоже рад, что встретился с тобой.

Ускорение все нарастало, мир вокруг сузился до окаймленного багровым кольцом туннеля, и Доминго начал терять сознание. Возможно, в конце концов он его все же потерял. Потом он с удивлением обнаружил, что нагрузка ослабевает.

- Кажется, самое плохое позади, - выговорил он, и в этот самый момент, словно опровергая его слова, от обшивки откололся огромный кусок льда, и корабль дернуло и перекосило. Он слышал, как алюминиевые стены стонут, корежась под нежданной нагрузкой.

- Проклятье! - простонал он. - Держись, малышка! Продержись еще минутку! Только одну минутку! Держись, черт тебя побери!

Корабль выдержал.

Теперь действительно можно было сказать, что худшее позади. Где-то образовалась пробоина - даже сквозь шлем он слышал звук вырывающегося наружу воздуха. Но корабль выдержал.

- Черт побери! - проговорил Доминго. - Не могу поверить. Просто не могу поверить!

- Мы живы, - сказала Мэй.

* * *

Выйдя из атмосферы и проверив системы, они уточнили свою траекторию. Торможение вывело корабль на сильно вытянутую эллиптическую орбиту.

Большинство наружных камер наблюдения вышло из строя, но в тех, что остались, Доминго увидел - к некоторому своему удивлению, - что его маленькая капсула так и висит возле корабля, по-прежнему приклеенная к обшивке рядом с люком. Люк располагался в задней части, на той стороне, которая меньше всего пострадала от нагрева при бурном входе в атмосферу, и насколько можно было разглядеть при дистанционном осмотре, капсула осталась неповрежденной.

- Не знаю, как там было у вас, - сообщила им служба управления движением, - но отсюда вы смотрелись очень впечатляюще!

Утечка в кабине произошла по продольному сварному шву, разошедшемуся, когда аэродинамическое напряжение пыталось расплющить сферу модуля. Однако ледяная оболочка не поддалась. Заделать шов изнутри было невозможно, так что им предстояло оставаться в скафандрах до тех пор, пока не придет помощь.

Впрочем, к счастью, как сообщила им служба управления движением, спасательная команда должна была прибыть уже довольно скоро. Теперь, когда они двигались по околоземной орбите, корабль спасателей мог добраться до них задолго до того, как их вытянутая траектория вновь подойдет к Земле.

- Буксирное судно «Конституция Миссисипи» уже в пути, - сообщил им все тот же парень из службы. - Вы встретите их примерно через час.

- Рады это слышать, - откликнулся Доминго. - Не хотелось бы повторять всю историю снова.

Однако перспектива быть спасенным ставила перед ним определенного рода проблему. Даже если Мэй промолчит о том, что он пытался захватить груз (в чем тоже были некоторые сомнения), его лицо было слишком хорошо известно, и во многих местах он был объявлен в розыск как пират. На околоземной орбите существовал целый клубок областей, каждая - со своей системой правосудия, и в какую из них его направят, зависело от того, под каким флагом ходила «Конституция Миссисипи» и к какой колонии была приписана. Закон, по которому его будут судить, мог оказаться суровым, как ливийский космический кодекс - что означало смертный приговор за захват груза, - или же сравнительно мягким, вроде эквадорского, по которому угон груза рассматривался как гражданское правонарушение и навлек бы на него лишь гражданские санкции, а именно - изгнание на Землю. Но вне зависимости от того, кто именно явится его спасать, для Доминго спасение будет означать конец свободы.

Вытянутая эллиптическая орбита, по которой они летели, вела их обратно к Земле. Если он отстыкуется в апогее, у капсулы хватит запаса скорости, чтобы маневрировать в скоплении колоний и орбитальных фабрик. Где-то внутри этого скопления ему, возможно, удастся найти людей, у которых есть друзья в пиратских командах Антероса, или просто тех, кто симпатизирует антеросскому вопросу. Задерживаться не было причин.

Доминго подождал, когда Мэй погрузится в разговор со службой управления движением, обсуждая орбитальные параметры судна для предстоящей стыковки, и тихонько направился к люку. Они оба были в скафандрах, так что разгерметизация не требовалась.

Однако к тому времени, как он открыл люк, Мэй оказалась рядом. У нее были оба его пистолета - пустой рейлган на зажиме у пояса и

клеевой гарпун в правой руке.

Доминго повернулся и посмотрел на нее, но ничего не сказал.

Немного помолчав, она произнесла:

- Ты уходишь, не попрощавшись?

- Я не из тех, кто прощается, - отозвался он.

- Подожди, - сказала она. - Я хочу тебе кое-что показать.

Она убрала руку за спину и вытащила маленький рейлган, в точности такой же, как тот, что он отдал ей перед этим. Она направила оружие чуть выше его левого плеча, но не нажала на спуск.

- Этот заряжен, - сказала она.

- Он был у тебя все это время? Мне казалось, я тебя обыскал.

- Он был спрятан у меня в волосах.

- Понятно.

- Я просто хотела, чтобы ты знал. - Она пристегнула пистолет к поясу.

- Я не беззащитна.

Немного помолчав, она добавила:

- Тебе надо быть более осторожным. - Она протянула Доминго его пистолеты: сперва рейлган, затем клеевой гарпун. - Ты их оставил.

- Спасибо.

- Они тебе еще понадобятся.

Он кивнул:

- Может быть.

- Я должна тебе кое в чем признаться. Я ведь тебе солгала тогда, вначале. Я сказала, что меня зовут Мэй. На самом деле мое имя - Мария Хэйес.

Доминго задумался.

- Понимаю, - проговорил он. - «Хэйес минералс»... Это твоя компания?

- Это я.

- Понимаю.

- Может быть... - начала она. - Может быть, как-нибудь мне понадобится связаться с кем-то из пиратов... Всякое может случиться.

Он кивнул.

- Как я смогу тебя найти?

Он немного подумал, затем назвал ей частоту.

- Оставь сообщение - только голос, никаких данных. В нем должно быть слово «сияющий». У нас есть люди, которые занимаются анализом поступающей информации. Кто-нибудь из них тебя найдет.

- Хорошо.

Девушка подплыла к нему и обхватила его руками. Твердые панцири их скафандров столкнулись со звоном, словно два стальных бака.

- Пока! - сказал он.

- До встречи, - отозвалась она.

Перевел с английского Владимир ИВАНОВ

© Geoffrey A. Landis. Marya and the Pirate. 2010. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2010 году.

УИЛЬЯМ БАРТОН

МОРЕ ГРЁЗ

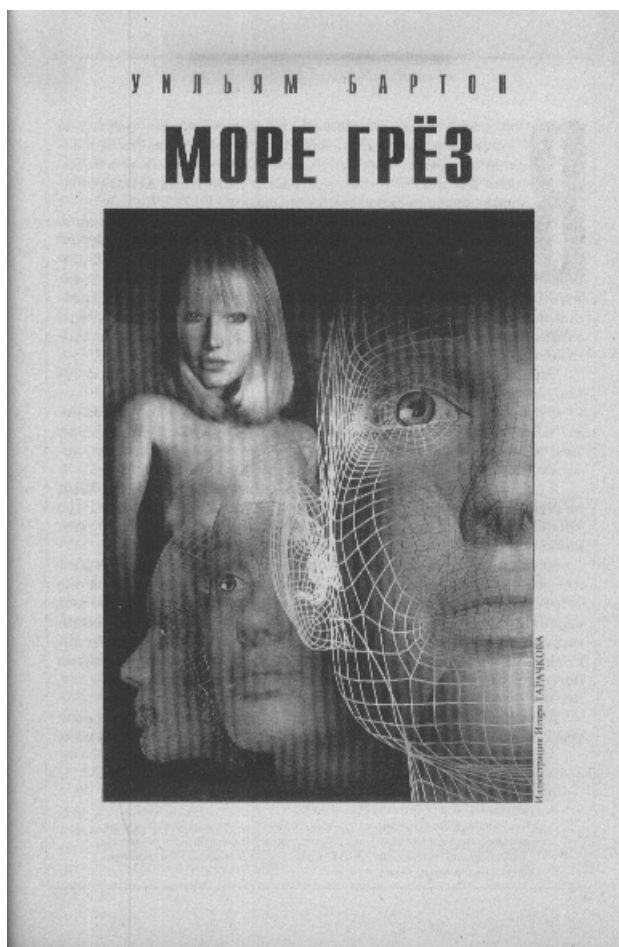

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Впервые я увидел настоящий Уран лет сто назад - увидел на экране дешевого телевизора, с потертой убогой тахты в бетонном домишке на одну комнату с верандой. Жил я бобылем. Для меня, а может, и для всего света это была пора отчаяния, слабо подкрашенного надеждой.

Избавленный наконец от назойливой супруги, я внезапно обнаружил, что быть отцом-одиночкой страдающего аутизмом ребенка неизмеримо сложнее, чем представлялось. Достоправный проект «Аполло» давно

свернули, однако «Вояджер» исправно показывал невероятные миры за пределами Солнечной системы, «Спейс шаттл» выполнял регулярные рейсы, и теперь на экране моего «ящика» красовался Уран - нежно-голубое безлико-гладкое совершенство...

Через неделю в небе над Флоридой взорвался «Челленджер». Оттенок надежды вылинял, отчаяние осталось.

С орбиты Уран предстает только как глубокая, холодная, пустая синева. Лазурь в ореоле слабого свечения, словно в дымке. Великолепная синь безупречного летнего неба, какого на Земле за долгие сто лет, почитай, не видели. Ни смога, ни туч, ничегошеньки. Синева.

Я сидел в кресле командира экипажа по левому борту своего КЛА, на сей раз - новехонького «Бентодина-II», только что с верфей НПО «ВОЛ» на солнечной ферме L_1SE^2 , где устроила штаб-квартиру моя компания.

Научно-производственное объединение «Восьмой луч»^{**3}. Название возникло около тридцати лет назад, в порядке хохмы. Меня оно устраивало. Устроило и компанию, в чьем распоряжении имелись сверхсекретный преобразователь модуля поля, магия безынерционных космических двигателей, волшебство антигравитации. Почти никто не знал, что преобразователь не наше изобретение, что тридцатью пятью годами раньше мы нашли его в покинутом звездолете пришельцев на Передовых Троянских астероидах.

Край диска Урана в главном, панорамном окне стоп-кадровой трансляции казался горбом горизонта и отдаленно напоминал Землю, какой ее видно с космической станции, выведенной на низкую орбиту. Голубой, да, и с легким намеком на белую дымку, но в отличие от Земли разобраться, где вы, куда двигаетесь и двигаетесь ли вообще, можно было, лишь когда из-за горизонта выползет линия терминатора и вас поглотит ночь.

Слева от меня в воздухе плавала «камея», миниатюрное объемное изображение Ильвы, в редких мушках помех и слегка запаздывающее по времени, поскольку сама Ильва - как всегда красивая, веселая, жизнерадостная - нарезала витки вокруг Ариэля. С Ильвой, белокурой телезвездой рубежа веков, мы знакомы с тех дней, когда она была всего-навсего командной подсистемой в компьютере маленького корабля-разведчика, на котором я летал в поисковые экспедиции для

² * L_1SE - это большая солнечная энергетическая станция, расположенная так, что в ночном небе. Земли ее не видно: от наблюдателей ее постоянно скрывает солнце. (Прим. авт.)

³ ** «...восьмой барсумский луч... струится с планеты, составляя силу, обратную силе тяжести... он в состоянии поднять огромные тяжести с поверхности планеты». Э. Р. Берроия, «Дочь тысячи джеддаков». (Здесь и далее прим. перев.)

«Стэндард АРМ». Компьютерной командной подсистемой с включениями «ткани ЦНС человека».

Безвинную покойницу вернули к жизни в качестве операционной системы бездушной машины. Что ж, сейчас у машины была душа, а у людей, обошедшихся так с Ильвой, - все основания жалеть об этом. У тех, что пока уцелели и могли о чем-то жалеть. За последние лет двадцать добрая их половина плохо кончила. Ильва отзывалась о них не иначе как «эти выродки».

Ильва Йоханссен, глава моей компании, дважды получала Нобелевку: одну - за преобразователь модуля поля, другую - за теорию квантовой голотаксиальной динамики, призванную объяснить, как устройство работает.

Моей лептой стало воскрешение слова «эфир» для описания темной текучей среды, слагающей нашу Вселенную, за исключением крохотной ее части, Вселенную, где материя и свет - лишь остаточные нарушения структуры.

Кресло бортмеханика справа от меня занимал Ильвин клон: руки на рычагах управления, взгляд на приборах. По-моему, Ильва создала дубли исключительно ради возможности заниматься со мной любовью, но сверх того они оказались удобными исполнителями, сноровистыми и расторопными, поэтому в штаб-квартире ВОЛа она выводит их в лабораторных вакуолях десятками.

Этих женщин растят из донорских яйцеклеток, используя в качестве генетического материала сохранившиеся крупцы Ильвиных живых тканей в самом сердце старого корабельного компьютера. Клоны связаны с Ильвой благодаря вживленным в передний мозг микросхемам: вечно под ее надзором, насквозь пропитаны ее личностью, одушевляемы ее восприятием.

Порой радиосвязь оставляет желать лучшего; тогда в их глазах заметна искра независимого сознания.

Ильва десятилетиями изучала меня - с намерением улучшить мою жизнь, стремясь сделать счастливым в своем представлении. Она выводит породы дубль-тел под стать моим гормонам, моим желаниям, с умением особенно чутко откликаться на них. Нынешняя дублерша в постели была просто великолепна.

Ильва-«камея» рассмеялась, трескуче от помех.

- Вы так на нее смотрите, мистер Зед, что сразу понятно, о чем вы думаете... Извини, сейчас на это нет времени.

- Времени хоть отбавляй!

Я не преувеличивал. Когда-нибудь мы умрем, когда-нибудь удача отвернется от нас, но тень неминуемой, неотвратимой кончины, омрачавшую мою первую жизнь, давно как ветром сдуло.

Дубль повернула голову, посмотрела на меня (та самая искорка на миг ярко вспыхнула) и, прежде чем отвести взгляд, радостно улыбнулась.

Интересно, о чем она думает? Что видит? Затянутого в тесный прозрачный скафандр гуманоида с лоснящейся, пупырчатой кожей рептилии, поглощенного беседой с парящим в воздухе изображением красавицы? Ильва говорит: когда мы занимаемся любовью, чувствовать эту крокодилову кожу приятно. Не знаю, как это понимать.

Второй моей благоверной, Саре, задушевной подруге, нравилась моя, как она выражалась, «шерсть» - длинный, мягкий черный волос, которым я тогда зарастал почти сплошь. Что она сказала бы обо мне теперешнем? Со смеху бы лопнула, прости господи. Оящеревший человек в наложниках у машины? Ха.

- Включаю бортовую систему НОВТеМат.

Это был второй из построенных нами кораблей типа «Бентодин»: первый опробовали на Титане, третий предназначался для Венеры. Если бы обкатка прошла штатно, мы построили бы четвертый, для полетов в мертвящей атмосфере Юпитера и Сатурна. А потом пустили бы их в продажу.

- Проведи наложение дополнительных данных, идет?

- Хорошо. - Дубль-Ильва завозилась с настройками. «Радиолокационная установка», работавшая на принципе Нейтринного Обмена Внутри Темной Материи, была вторым явленным ВОЛу из эфира изделием. Деньги сыпались, как из рога изобилия, а система позволяла видеть вглубь на полпланеты.

- Есть, мистер Зед. - Дубль-Ильва указывала на экран стоп-кадровой трансляции в реальном времени. Там через край диска Урана перебиралась яркая бусинка. Обычная желтая точка чуть ниже горизонта, величиной примерно с яточку, которую группа исследователей на Ариэле засекала в нескольких сотнях километров под верхней границей атмосферы. Непроницаемая для волн эфира.

Что бы это могло быть? Нейтроний? Нивенов стазисный контейнер?⁴ Мать честная! Наткнувшись на древний, трехмиллионный звездолет огнелисов, мы нажили уйму хлопот. Найти нечто, созданное славянами^{**5} миллиард лет назад, было бы, черт подери, чересчур.

- Ладно. Готовы?

Дубль-Ильва шепнула:

- Всегда готовы.

Ильва когда-то объяснила мне, что клонирование сокращает продолжительность жизни дублей; дубль-тело, подвергнутое ускоренному созреванию, протянет пять-десять лет, а затем наступит «необратимое одряхление». «Но ты не беспокойся, - утешила она. - Их можно делать столько, сколько нужно».

⁴ * Ссылка на роман Л.Нивена и Э.Лернера «Флот миров».

⁵ ** Ссылка на эпизод, написанный Л. Нивеном для мультипликационной версии саги «Стар Трек» - «Оружие славянов».

Я взялся за рычаги управления. Легкая дрожь предвкушения... и я разогнал огнелисий привод. Синий свет снаружи замигал, мерцая у краев стоп-кадрового обзорного экрана: снижение началось.

К вождению летательных аппаратов я пришел на склоне лет - место пилота в своей первой ракете занял на седьмом десятке, а к воздушным полетам был допущен, только когда мне перевалило за сто и я уже обосновался на Титане. При оказии я с удовольствием летаю в атмосфере Земли, упиваясь ощущением свободы и погружения в Историю.

Знаете, что самое клевое? Вернулось название «аэроплан», словцо из детских книжек, доставшихся мне в наследство от деда. Помню, увидев аэроплан, упомянутый в первой истрепанной повести про Бобби Блейка, я, малек, рисовавший себе за чтением реактивный лайнер шестидесятых годов двадцатого века, вдруг с испугом осознал, что речь идет о каком-то допотопном коробчатом воздушном змее с мотором.

«Бентодин-II» скорее напоминал летучий батискаф с управляемой гравитацией и преобразователем модуля поля взамен движка, но, пока мы плавно спускались из звездной черноты в холодные синие небеса Урана, «слушался руля» как истинный аэроплан. Я мог закладывать виражи и парить, скользя сквозь дымку, и что-то заставляло искусственное тяготение корабля подлаживаться под эти крены и развороты, создавая ощущение всамделишности происходящего, что никак не удавалось бескрайней синей пустоте в стоп-кадровом окне наружного обзора. Этим «чем-то», скорее всего, была Ильва: она хорошо знала мои предпочтения в постели и вне ее.

«Камея» расплылась и на миг выдала изображение запрокидывающейся черной решетки; потом картинка вновь стала резкой в бледном зерне помех, и Ильва сказала:

- Я начала переброску «Фермопил» с Ариэля. Займу синхронную орбиту над объектом, сигнал будет четче.

Дубль-Ильва оторвалась от рычагов и кнопок, остановила на мне взгляд темных глаз и сказала:

- Наложение обновленных дополнительных данных завершено. Опасности потери сигнала нет.

«Камея» внезапно очистилась от статики, контуры стали контрастными и неестественно резкими.

- Двадцать километров до точки рандеву. Начинаем выравнивание скоростей. Вертикальный вектор минус пять.

В окне прямой стоп-кадровой трансляции появился наш таинственный объект, яркий мазок на густой пустынной синеве. Дубль-Ильва сказала:

- Установлено оптическое слежение.

Я спустил дисплеи. Ага, вот. Дрожащая пылинка, не такая уж далекая, медленно вырастает на экране.

- Сказать по совести, сходства с космолетом я не ждал.

Ильва улыбнулась:

- Тут можно только гадать. С тех пор как мы пропустили через последнюю версию «Драматурга» «Звездный десант покоряет Вселенную», мне хочется строить корабли, как у них.

Летающие утюги? Когда мне перевалило за семьдесят, в часы досуга я создал «Драматург», «сценарный обработчик», о каком мечтал с детства, пакет программ, способных превратить постановочный сценарий в 3D-фильм, качеством не уступающий съемке живой игры актеров. «Драматург» стал источником второго капитала, которого я лишился, и (пока сидел в каталажке) основой процветания творческой деятельности во всем мире. В начале две тысячи пятидесятых целый полк юристов занимался изъятием моих авторских и патентных прав у «этих выродков», принуждая подонков платить, платить, платить, пока Ильва не взялась истреблять их.

Штуковина в стоп-кадровом окне не имела ничего общего ни со звездолетами Флэша Гордона, ни с топорно сделанными дурацкими драндулетами из старых киносериалов, ни с высокохудожественными кораблями, которых мы с Ильвой наплодили силами «Драматурга 8.0».

Тем не менее перед нами был звездолет из фантастического романа: восемь кургузых хвостовых рулей кольцом с тыла и стройный серебристый корпус. При этом никаких иллюминаторов, а когда мы все-таки облетели вокруг, я не увидел раструбов дюз: во внешнюю тьму открывались ячейки сот.

Внизу, в грузовом трюме, мы с Дубль-Ильвой натянули облегающие бронированные скафандры, первоначально разработанные для Титана переделкой костюмов для глубоководных погружений на абиссальные равнины Земли. Взятую за основу модель усилили разными наворотами до предела технических возможностей ВОЛа. Приемлемо для текущих условий, хотя при отказе эквилибри-моторов мы схлопнулись бы гораздо раньше, чем ухнуть к центру Урана.

Снаружи я словно завис в небе, угодил в сон: бок о бок парят два корабля, рядом, прицепленная к страховочному тросу, плавает Дубль-Ильва в скафандре, а на внутренней поверхности моего шлема тускло подмаргивает маленькое изображение ее оригинала. Ильва сказала:

- Длина примерно сто футов. Немногим меньше «Бентодина».

Немного было и подробностей. Корпус чужака отливал желтизной, а вдобавок - теперь, когда появилось, что отражать: нас и наш корабль, - обнаружил высокую отражающую способность, достаточно высокую, чтобы всеохватное небо сообщало ему синий оттенок.

Ильва объявила:

- С моего конца ничего, от корабельных датчиков ничего. Малая проницаемость для радара. Для НОВТеМата непрозрачен. Температура видимой поверхности равна температуре окружающей

среды.

И висит здесь... как? «Бентодин» удерживали на позиции за счет активного использования модульных полей. Поскольку эта штука ничего не излучала, возможно, перед нами был всего-навсего буй. Бессмысленно задавать Вопрос Номер Два: зачем здесь висит?

Когда мы очутились достаточно близко и, оставаясь в нескольких метрах от объекта, выполнили облет, подробности все-таки отыскались. Тонкие бороздки, вроде очертаний люков, в металле, если это был металл. Неотчетливая гравировка, похожая на гибриды китайских иероглифов с клинописью. Я сказал:

- Если это буквы, то совсем не похожие на буквы огнелисов. Опять допущение. В эту тайну нам также не удалось проникнуть.

За недостатком образчиков. За недостатком привязок. Полагаю, огнелисы, подобно нам, хранили накопленные знания в основном на недолговечных носителях. Сегодня на Земле записи - редкость, сохранились лишь таблички «Осторожно!» да кое-где плакаты «Вы не заблудились». Среди островков предполагаемой письменности был участок, обведенный тонкой чертой с вмятиной в одной точке, словно туда ткнули пальцем, хотя оставить такую ямку-невеличку мог разве что младенец.

Ильва сказала:

- Сдай назад, к началу страховочного шнура. Сейчас дублерша попробует вскрыть объект.

Дубль-Ильва - расходный материал. Мистер Зед - нет.

По моей команде подсистема стоп-кадровой трансляции сделала шлем клона якобы прозрачным: основываясь на информации с внутренних датчиков, смастерила изображение ее головы. Дубль-Ильва смотрела на меня без выражения, темными непроницаемыми глазами. Лючок открылся легко. Внутри был рычаг.

- Нажимай.

Ильва на «каме» нахмурилась:

- Стоит ли?

- А зачем я сюда прилетел?

- Да уж лучше бы кто-нибудь другой. У нас тысячи служащих, есть из кого выбирать.

Но они - не я. Срок, отпущенный мне природой, истек пятьдесят лет назад. Пятьдесят лет я веду жизнь взаймы. Мне нравится думать, что я одалживался не напрасно.

- Нажми на рычаг.

Дубль-Ильва повиновалась; от корпуса отделилась и распахнулась наружу, во мрак, секция примерно четыре на четыре метра. Я рассмеялся и пригласил:

- Дорогая, прошу!

Мы включили нашлемные фонари, проплыли внутрь, в маленький

тамбур, и потянули за явную рукоятку, которая, похоже, должна была задривать люк.

Ильва с рябым от помех встревоженным лицом сказала:

- Мы останемся без связи с...

Люк плотно закрылся. Включился приглушенный кирпично-красный свет, едва различимый в резком желтоватом сиянии наשלемных прожекторов. Я погасил свой, оглядел то, что бесспорно представляло собой воздушный шлюз, и сказал:

- Неужто криптонианцы?

Изображение Ильвы, превратившееся на пару секунд в темный водоворот тусклого металлического глянца, вновь обрело четкость, и она сообщила:

- Возле дверей шлюза корпус стал проницаемым для отдельных полос электромагнитного спектра.

Я хмыкнул. И на корабле огнелиса, найденном нами на Гекторе, и здесь матчасть не отличалась от земной. Истинно земной, доступной помимо ВОЛа с его космобебегами, случайно унаследованными от инопланетян. Тумблеры на стенах. Что-то типа баллонов с воздухом и шлангов. Клапан там, вентиль сям. Стекланный прямоугольник, схожий с плоским монитором старого образца.

Изображение Ильвы, все еще слегка смазанное и перекошенное, медленно, но верно выправлялось.

- Приборооснащение как будто подтверждает: корабль предназначен преимущественно для открытого космоса.

Что уподобило бы его современному звездолету от ВОЛа/огнелисов. На прежних земных КЛА основной объем занимало топливо.

- Похоже, защита от излучений начинает меняться по всему корпусу.

Я пробормотал:

- Добро пожаловать домой, кем бы вы ни были...

Дубль-Ильва сказала:

- Кажется, давление падает.

- Состав смеси?

Условное изображение ее головы повернулось в мою сторону.

- Впечатление такое, будто воздух Урана выкачивают, заменяя смесью кислорода, азота, гелия и газообразных микропримесей. Давление уже меньше пятнадцати фунтов на квадратный дюйм.

- Дышать можно?

Она сказала:

- Если доля кислорода в смеси останется постоянной, его парциальное давление достигнет земной нормы, когда общее давление газов приблизится к десяти фунтам на квадратный дюйм.

Ильва-«каменя» бросила на меня тревожный взгляд и распорядилась:

- Мистер Зед, скафандр не снимать!

Мне подумалось: «Я похож на идиота?». Стоп. Не отвечайте. За

минувшие годы я черт знает сколько раз попадал в переплет. Попадаю я, а страдали и даже гибли мои очень близкие друзья.

- Есть, мэм.

Дубль-Ильва сообщила:

- Давление стабилизировалось. Подача газа продолжается, вероятно, в целях вытеснения остатков внешней атмосферы.

Я указал на другой рычаг подле того, что могло быть только внутренним люком.

- Займись-ка.

Дублерша кивнула, а Ильва предупредила:

- Осторожнее.

Люк открылся так же легко, как первый, - в темное пространство. Я задумался, не включить ли нашлемный фонарь, помедлил, оцупал стену возле закраин люка и нашарил переключатель, хотя против ожиданий низко, может быть, в футе от палубы. Я щелкнул им, и тусклое красное свечение залило, как оказалось, коридор, а в нем - другие люки, некоторые нараспашку. Дальняя сторона прохода по-прежнему тонула во мраке.

Я снова хмыкнул; кажется, в ту минуту мое красноречие этим исчерпывалось.

- Последний, кто уходил отсюда, погасил свет?

Ильва понизила голос:

- Я-живая еще застала выключатели в квартирах.

Ильва погибла в железнодорожной катастрофе в две тысячи тридцать восьмом, почти сорок пять лет назад; к тому времени я уже выполнял на Каллисто опасную и грязную работу для «Стэндард АРМ». Я отозвался:

- На Земле обычных выключателей и сейчас пруд пруди. Там полно старых домов.

Потом завел эквилибри-мотор, выплыл из воздушного шлюза и стукнулся шлемом о потолок. Вытянул ноги к полу и понял: высота коридора не больше пяти футов, да и ширина, пожалуй, тоже.

- Они что, были от горшка два вершка?

Ильва сказала:

- Или четвероногие. Вспомни огнелиса.

У мертвого огнелиса были вытянутое звериное туловище с шестью лапами в ожидаемых местах, длинный, цепкий хвост и уши, которые эволюция исхитрилась превратить в нечто среднее между рукой и слоновьим хоботом с пальцами. Я подплыл к ближайшему распахнутому люку и зажег свет. Кубрик? По стенам развешано что-то вроде коротких спальных мешков. Это если считать, что хозяева звездолета не вышли ростом. Если нет, перед нами, возможно, обыкновенные контейнеры. Дубль-Ильва сказала:

- У них могла отсутствовать искусственная гравитация.

Ильва-«камея» добавила:

- Или они неохотно ее применяли.

Мне всегда любопытно, что говорится по Ильвиной радиоподсказке, а что рождается непосредственно в задавленном мозгу клона. И всегда хотелось попросить Ильву как-нибудь при случае ненадолго перекрыть канал связи и позволить мне заняться любовью только с дублершей. Но просьба казалась довольно шкурной, и я стеснялся высказать ее, уповая на то, что Ильва догадается, чего я хочу, и предложит сама. Однако до сих пор мне не везло.

Двигаясь по коридору в глубь корабля, мы видели одно и то же. Кубрики. Кают-компания. Камбузы. Лаборатории с утварью из чистейшего стекла, словно ее закупают не позднее середины двадцатого столетия. Какое-то подобие медицинского оборудования. Даже что-то вроде анатомического театра.

Передний конец коридора открылся в рубку, где все было чин-чинарем вплоть до больших, пустых смотровых экранов и вкраплений маленьких кресел-ковшей между подковами пультов управления.

В одном из таких кресел ремни безопасности удерживали маленькую мумию; ее поднятые руки окоченели в той последней точке, какую когда-то заняли в пространстве. Это был великолепно развитый физически гуманоид восемнадцати дюймов роста (смуглая кожа иссохла и задубела, лицо скукожилось, обезображенное либо гримасой смертной муки, либо обезвоживанием) и однозначно мужского пола.

Он был одет в подобие парашютной подвески из кожаных лямок, облитых сверкающей глазурью крошечных камешков (бриллиантов, предположил я), скупой разбавленной подобием изумрудов, рубинов и сапфиров. На левом бедре висел махонький кинжал с отделанной самоцветами рукоятью, голову прикрывал своеобразный убор. Скрутившиеся светлые хохолки в незапамятные времена, пожалуй, были перьями.

Ильва заметила:

- Влажность нулевая. Он мог просидеть тут и год, и миллиард лет.

Я близко склонился к маленькому лицу, пытаюсь высмотреть сам не знаю что, но разрушение зашло чересчур далеко: кожа заскорузла, глаза ввалились. Хотя зубы недурны: ровные, белые, между распыленными губами видны резцы и малые коренные. Я сказал:

- Ну и ну. Дальше ехать некуда.

А Ильва отозвалась:

- Да. Огнелис, по крайней мере, выглядел как порядочный инопланетянин.

Возможно. Хотя мне он, пусть и с лишней парой лап, показался неприятно земным. Лисья морда, зубы млекопитающего, наружные органы размножения... даже уши, развившиеся в руки, можно было с натяжкой счесть плодом естественного отбора на Земле.

Я сказал:

- В одной солнечной системе оставляют два никак не связанных объекта искусственного происхождения, чтобы мы нашли их, едва у нас появятся необходимые силы и средства... О чем это говорит? Космос кишит цивилизациями!

- Не обязательно, - возразила Ильва. - Мы не знаем, далеко ли эти артефакты разнесены во времени.

Дублерша сказала:

- И нам ли их оставили.

Обследуя остальной корабль, в отсеке, напомиавшем физическую лабораторию обилием безусловной электроники (куда ни глянь, циферблаты, шкалы и плоские экраны; готов поклясться, среди прочего там был даже миниатюрный образчик сканирующего электронного микроскопа из двадцатого столетия), мы нашли вторую маленькую мумию. Она парила над самым полом, пришвартованная к нему лишь лоскутом кожи; задранная нога беззастенчиво демонстрировала ее принадлежность к женским особям, хотя там, где когда-то полагалось быть груди, кожу соборило так, что складки могли оказаться чем угодно.

Я нагнулся, приглядываясь. Ильва ехидно усмехнулась:

- Погодил бы, пока вернемся на «Бентодин». Мой клон наверняка лучше, чем это.

Я возвел очи горе. Иногда мне кажется, что компьютер вот-вот доконает меня подначками. Но опять-таки «ткань ЦНС человека»...

Третьей находкой стало своего рода произведение искусства - хрустальный куб с живописной скульптурной группой внутри. Четверо совершеннейших землян, опять в усыпанной блестяшками парашютной сбруе и головных уборах из перьев, вооруженные мечами и копьями, окружили... м-м... какую-то тварь. Она отдаленно напоминала гигантскую голову. Голову высотой около двух футов (если роста этим мужичкам положить те же восемнадцать дюймов, что у здешних мумифицированных трупов). Голову на восьми крабьих ногах, грозившую копейщикам парой огромных клешней.

Ну и рожа! Большущие выпученные глаза; две вертикальные щелки вместо носа; рот, похожий на сфинктер... Я невольно хихикнул - и напоролся на недоуменный взгляд клона.

Калдан? Тогда кто эти человечки - минаниансы?

Ильва-«камея» сказала:

- И которого же Берроуза ты вспомнил, Уильяма С. или Эдгара Райса?

Я начисто забыл про анальную пишущую машинку из «Голого завтрака»^{*6}, но Ильва ничего не забывает. Не умеет забывать.

⁶ * «Голый завтрак» (англ. *Naked Lunch*) - роман Уильяма Берроуза, впервые опубликованный в 1959 году. Традиционно считается одним

Единственное помещение, обнаруженное нами на корме корабля, пустовало, если не считать предмета, внешне схожего со стоячим бронзовым зеркалом на универсальном шарнире, позволявшем крутить его туда-сюда. У «зеркала» было тяжелое с виду основание, а на раме - панели управления, опять с начертанными на них мнимыми письменами, которые мы видели в других местах.

Мы переступили порог. «Камея» вдруг подернулась частой рябью помех, почти скрывших картинку. Сквозь их гудящий треск прорывался голос Ильвы. Шагнув обратно в коридор, я сказал:

- Ну и?..

Ильва откликнулась:

- По-видимому, отсек очень мощно экранирован.

Дубль-Ильва доложила:

- Частотный диапазон нашего канала связи на секунду сильно сузился.

Мы зашли обратно. Изображение Ильвы снова распалось и исчезло.

Дублерша сказала:

- Не волнуйтесь, у нее всегда остается канал срочной связи. Все обойдется.

Лицо у нее было вполне безмятежное. Пока сознание-хозяин на месте, я полагаю...

А еще я полагаю, что эта большая кнопка... Я потянулся к ней, но Дубль-Ильва вмешалась:

- Разумно ли это, мистер Зед? Я ухмыльнулся.

- Мне случалось рисковать, и почти всегда удачно.

Почти всегда. Не каждый раз. Я вдавил кнопку.

Дубль-Ильва сообщила:

- Связь прервалась. Лучше вернуться в коридор и взглянуть, нельзя ли...

Бронзовое зеркало вдруг сверкнуло, и на миг его затянула радужная круговерть; она пролилась на пол, окатила стены и исчезла, зеркало же преобразилось в...

Я обомлел:

- Да ладно!

Когда радуги рассеялись, бронзовое зеркало приобрело сходство со светящейся дверью в воздухе, с немислимой дверью, почти скрытой в венке бледно-розового тумана; за ней уходила вдаль трехмерная панорама - серо-зеленый пейзаж, трава, клочки леса, деревья с чешуйчатыми стволами и папоротниковыми листьями. В просветах

из самых важных произведений американской литературы XX века. В 1991 году был экранизирован (с использованием мотивов и из других произведений Берроуза) режиссером Дэвидом Кроненбергом: фильм был переведен на русский язык под названием «Обед нагишом». (Прим. ред.)

между деревьями виднелось желтоватое небо. Все расплывалось в зыбкой белесой дымке.

Дубль-Ильва сунулась в проем и посмотрела по сторонам.

- Для творения художника что-то слишком затейливо.

Подступив ближе, я отметил, что перспектива изменилась, как на очень хорошей голограмме, и потянулся туда, где прежде блестела поверхность зеркала. Дубль-Ильва встрепенулась:

- Мистер Зед! Позвольте мне!

Я с улыбкой обернулся и мотнул головой.

- Это мое приключение, золотко. Ильва знает.

- Но...

Я продолжил движение, не сомневаясь, что наткнусь на твердь. Разумеется, рука прошла насквозь, космоперчатка под запястьем смешно болталась внутри изображения. Я опустил взгляд к дисплеям скафандра, к окошку газоанализатора. Незначительные изменения в составе кислородно-азотно-гелиевой смеси, углекислого газа существенно прибавилось. Я нырнул в дверь. Сервомоторы скафандра пронзительно взвыли. Я обеспокоился.

У ВОЛа отличная техника. Моторам полагалось работать бесшумно.

- Мистер Зед! Нет!

Дубль-Ильва уже была рядом и, крепко стискивая рукой в перчатке мой локоть, тащила меня обратно за... э-э... Как назвать дверь в гиперпространстве? Гипердверь?

- Прекрати. - Я показал туда, откуда мы пришли: примерно в футе над болотистой с виду почвой висело изображение двери; позади хорошо просматривалось помещение, где мы недавно стояли.

Дубль-Ильва сказала:

- Слишком опасно. Прежде чем что-то делать, нужно вернуться на ту сторону и переговорить с Ильвой.

Даже сейчас, подумал я. Переговорить с Ильвой? Своеобразный взгляд на вещи для той, кто...

Я настойчиво потянул ее за руку.

- Идем, малыш. Мы только заглянем вон за ту горку - и пулей обратно. Что страшного...

Гипердверь свернулась и исчезла, а мой скафандр тотчас отключился, о чем возвестили мягкий шорох (остановка вентиляторов) и жалобное гудение (отказ систем жизнеобеспечения). Я мельком увидел, как шлем клона теряет прозрачность, а в следующее мгновение и мои стоп-кадровые экраны погасли, оставив меня в темноте слушать собственное пыхтение.

Господи Иисусе, ну и чернотень!

Вспыхнули красные аварийные лампочки, и в дюйме от кончика носа я увидел стеганую подкладку. Потом напротив моих глаз прорезалось стоп-кадровое оконце, а рядом повисла «камея» клона, вылитая Ильва.

Я услышал:

- Аварийные системы скафандра рассчитаны на два часа эксплуатации. Воздух здесь пригоден для дыхания, поэтому я сейчас разоблачусь и погляжу, что можно предпринять. А вы не вздумайте!

Я рассмеялся и с силой ткнул подбородком по рычажку экстренного выхода, который при переходе на питание от батарей должен был автоматически разблокироваться. Скафандр с треском раскрылся: шлем, складываясь гармошкой, убрался за спину, кираса и подчревник разомкнулись посередине, бриджи и наголенники разделились от верха до щиколоток, и я получил возможность просто выйти наружу.

В костюме для ВКД, внекорабельной деятельности, я влез в белых низких кроссовках, белых шортах и белой футболке, Дубль-Ильва - одетая приблизительно так же (спортивный бюстгальтер взамен майки). С глубоким разочарованием, с отчаянием во взгляде и голосе она сказала:

- Ах, мистер Зед...

Я на миг устыдился, словно оскорбил любимую. В постели с дублершей, деля ее с Ильвой, я порой впадаю в это заблуждение: гормоны и привычки застыт горькие факты жестокой действительности. Ильва всего лишь компьютер, куда встроены жалкие ошметки мяса давно мертвой женщины, а моя спутница - клон, выпестованный в колбе, чтобы сослужить свою службу и пойти на выброс. Но компьютер помнит женщину, которая когда-то жила на белом свете. А Дубль-Ильва и есть эта женщина, воссозданная во плоти.

Кто я такой, что я такое против этого? Дряхлый страшила-ящер, который с две тысячи двадцатого живет в долг, хотя ему полагалось истлеть в гробу - смотри-ка!.. - больше полувека назад.

Я часто гадаю, что сказала бы о том, каков я оказался, Сара, дорогая моя утрата. Огорчила бы ее легкость, с какой я освоил дармовую радостную плоть службы дубль-тел? Необязательно. Сара, похоже, всегда любила меня за то, какой я есть, а не за то, каким, по ее мысли, мне следовало быть.

Я лучезарно улыбнулся и сказал:

- Выше нос, лапуля. Что нам грозит в худшем случае?

И при свете хмурого утра обозрел желтый небосвод.

- Куда, по-твоему, нас занесло, черт побери? В пермский период?

Ни в какое другое время до кайнозоя земной воздух не годился человеку для дыхания. В мезозойскую эру атмосфера содержала пятикратный избыток углекислого газа и довольно избыточного кислорода, чтобы от случая к случаю обеспечивать спонтанное самовозгорание лесов. До тех пор - чем глубже в прошлое, тем меньше кислорода и больше двуокиси углерода, до пятнадцати принятых сейчас норм.

Дубль-Ильва легонько подпрыгнула, приземлилась на пятки и сказала:

- Не Земля. Тяготение почти восемь десятых «g».

Вдалеке - если честно, неподалеку - раскатился глухой, у нижней границы басового регистра, прерывистый звук. Я развернулся, медленно пошел к гребню холма, к той самой занятой горке, что стала первопричиной моей безрассудной вылазки за гипердверь, и остановился, вылупив глаза и разинув рот.

- Будь я проклят! - вырвался у меня хриплый шепот, когда Дубль-Ильва подошла сзади и деликатно положила легкую ладонь мне на спину.

На открытой, слабо всхолмленной желтой равнине под нами, высоко задирая хвосты, прохаживались гадрозавры в красную, зеленую и багряную полоску - стадо в сотню, а то и больше голов. И снова один из них утробно взревел - ни дать ни взять великая Туба Господня, провозвестница Страшного суда. Нет, никакая это не пермь.

Битый час мы тщетно разыскивали хоть какие-нибудь признаки гипердвери. Тем временем желтый свет вокруг нас сместился по небосклону выше, словно притаившееся где-то солнце карабкалось прочь из утра. Я нет-нет да и поглядывал наверх, и там, откуда, казалось, исходил этот свет, мне чудился серебристый блеск. Сверкнет в уголке глаза и погаснет, едва попробуешь взглядеться. Астрономы называют это боковым зрением.

На ум невольно пришла Венера. Не подлинная Венера, где никто никогда не бывал и куда никто не полетит, пока «Бентодин-III» не будет готов доставить меня к ней, а воображаемая Венера моего детства. Венера Алендара Векс-Нема и Ритериона Орра, племен дорво и яз, Алафордена и оомуровых чащоб.

Расширяя зону поиска, мы в конце концов убрели за гребень холма, в общем направлении гадрозавровых пастбищ, запоминая отличительные особенности и топографию местности, чтобы найти дорогу обратно, когда (и если) будем возвращаться.

Дубль-Ильва казалась понурой и отрешенной; я задумался, каково ей сейчас. За исключением коротких обрывов связи, в ее сознании постоянно присутствовала Ильва, присутствовала с тех самых пор, как Дубль очнулась в родильной вакуоли, - зрелая женщина, у которой ни воспоминаний, ни детства, кроме тех, что достались от хозяйки.

Несколько лет я ничего не знал, но Ильве нравилось вручать мне клонов сразу по рождении: едва ее диббук был загружен и брал бразды правления, она, осушив околородные воды, вела дубль-тело прямиком в мою спальню. Мне нравилось их свежее рвение. Но иногда...

Понурая или нет, дублерша не теряла бдительности и оставалась верной долгу: торя тропу по бездорожью в дикой глуши этой лже-Венеры, упрямо шла впереди меня - береженого бог бережет.

Господи, какая она красавица. Все они. Каждая. Но эта... Шагая

передо мной в белых штанишках и спортивном лифе, она заставила меня позабыть, где мы: плавное колыхание бедер, изящный изгиб позвоночника, грива, точно сноп спелой пшеницы... Я поморщился. Господи Иисусе. Кто про что! Небось я и в аду на сковородке буду... а вдруг она заметит...

Красавица словно услышала - остановилась и оглянулась. Улыбнулась. Отвернулась и пошла дальше. Я шагал следом, деля настороженное внимание между серо-зелеными папоротниковыми дебрями и роскошными формами Дубль-Ильвы, и гадал, где мы и о чем, черт возьми, думает моя спутница. Может, о своем одиночестве? Или о своей свободе?

Мы пробирались вдоль низкого, поросшего деревьями кряжа, держась подальше от равнин из страха затесаться между пестрыми стайками здоровенных гадрозавров, и внезапно через брешь в растительности вышли на другую сторону.

Местность здесь была ровнее, выше и отлого спускалась к синезеленым громадам гор в туманной дали. Где-то на полдороге темнело скопление приземистых бурых построек, барачный поселок, обнесенный стеной с явными сторожевыми вышками. Самое большое здание в центре комплекса смутно напоминало очертаниями Айя-Софию; в желтом свете блестел хрустальный купол.

За бараками отвесно вздымалось нечто высокое, торпедообразное, похожее на «Фау-2», которой приделали резко заломленные назад стреловидные крылья. Космический корабль, подумал я. Солидный. Метров двести, не меньше, а то и больше, смотря насколько он далеко... «Восстание на Венере»? Оно самое. Тогда это колония Рекса Синклера, точно. А корабль - «Полярис»? Том, Роджер и Астро?..^{*7}

Дубль-Ильва сказала:

- Знаете, подходить ближе не стоит.

Существует теория, как заставить сверхсветовики летать. Фантастическая теория, основанная на «Квантово-механической модели, альтернативной стандартной», Бёма. Теория гласит: перемещение быстрее света возможно только при условии движения сквозь время. Однако конформное время жестко навязывает свои ограничения посредством связанных с путешествиями в нем парадоксов, и единственный шанс обойти эти парадоксы - выскочить из одной вселенной и вписаться в иную, безгранично схожую с первой, в более ранний момент.

Во вселенную, которая по собственным внутренне закономерным причинам готова вас принять.

⁷ * *Название книги и персонажи созданной в 1950-х годах космооперы о звездном кадете Томе Корбетте. Автор скрывался под псевдонимом Кэри Роквелл.*

Эта теория работает как дверь в так называемый мультиверсум. И название «гипердверь» не хуже любого другого. Я сказал:

- Знаю. Но мы подойдем. Вперед!

На сей раз она шла за мной.

Мглистый свет почти целиком скрытого солнца в той стороне, которую я полагал западом, убывал, и я все яснее сознавал, с какой еще проблемой нам предстоит столкнуться. В конце концов придется вернуться к скафандрам. К пакетам с питательным сиропом и водой, которые позволят нам продержаться лишнюю пару дней.

Рано или поздно, если мы не отыщем эту окаянную гипердверь, нужда заставит отведать гадрозаврятины или вступить в контакт с неведомыми обитателями огороженного поселка. Отчего мы не включили в оснащение скафандра ручное оружие? Да кто же мог предвидеть, что на борту явно бесхозного звездолета придется стрелять!

Ильвина копия сказала:

- Если сейчас повернуть обратно и поднажать, мы успеем к скафандрам и «двередрому» засветло.

- Нет, пойдем-ка дальше. В случае чего можно забраться на дерево.

К тому времени как мы одолели около половины оставшегося до корабля расстояния, срезав напрямик так близко к поселку, насколько хватило духу, карминные сумерки превратили небо в кровь и вычернили древовидные папоротники. Картина великолепная (ничего подобного я и представить не мог) и до последней мелочи такая же чужая, как те ландшафты, что я видел воочию на подлинно чужих мирах родной системы - Марсе, Титане, Тритоне, Плутоне.

Вокруг залиvisto орали квакши, и я задумался, кто это кричит на самом деле. Да, верно, в эпоху динозавров маленькие лягушки уже водились, значит... Глядя на Дубль-Ильву (роскошно-зловещие сумерки окрасили ее лицо киноварью), я сказал:

- Повезло. Никаких комаров.

Она ответила:

- И, вероятно, микробов, которые могли бы заразить меня вне зависимости от того, в какое время и куда мы попали.

Я уточнил:

- Только тебя?

Долгий взгляд. Темные глаза необычайно серьезные.

- Во мне куда больше человеческого, чем в вас, мистер Зед. Очень может быть, сейчас вы уже совершенно невосприимчивы к любым возможным инфекциям, бактериальным и вирусным. Ваши лекарства...

- А если бы ты приняла антирады?..

Захотелось отгрызть себе язык, но слово не воробей. Проклятье, она же клон. И ее дни сочтены.

Однако копия Ильвы весело улыбнулась - блеснули зубы, розовые в

меркнушем свете, - и сказала:

- Боюсь, титьки отвалились бы.

Я невольно рассмеялся.

- Ильва...

Она выставила ладонь:

- Это не мое имя. Без Ее телеприсутствия - не мое.

Я услышал заглавную букву. Черту, подведенную под этим «ее».

- Если хотите знать, мой серийный номер - ДИ4048.

О господи. Все ее личные данные?.. Но сказал я другое:

- Четырех тысяч не было, ручаюсь...

- Модель четыре, номер 48.

А пятая модель уже есть? Бог весть, что за очередная гадость слетела бы с моих уст безмозглого себялюбца, но тут по законам жанра зашелестели кусты, и нас окружили миниатюрные люди в изукрашенной брильянтами кожаной сбруе под колышущимися перьями головных уборов, вооруженные копьями и мечами. Копья были нацелены на нас.

Один из них, наряженный, пожалуй, пышнее прочих, выступил вперед, выхватил меч, наставил его более или менее мне между ног (выше собственного темени) и сурово обрушил на меня невнятицу певучих слогов, ничуть не похожую на китайский.

Тишина. Немая сцена.

Опять звонкая маловразумительная тирада. Угрожающий взмах меча.

Дубль-Ильва шагнула вперед, загородив меня от всех острых наконечников, от всех отточенных кромок, и пробормотала:

- Я их задержу. Бегите.

Я спросил:

- Бежать? Куда, скажи на милость?

Она страдальчески обернулась:

- Пожалуйста, мистер Зед. Вы - Предтеча. Я даже не настоящая!

Это заставило меня улыбнуться (хотя в ту минуту, полагаю, мы были в нешуточной опасности) и сказать:

- Да брось. Разве Предтечи празднуют труса?

Я сгреб ее за плечи, посмотрел человечку со смертоносным маленьким клинком прямо в глаза и сказал:

- Итак: Комодофлоренсал^{*8}, я полагаю?

И вздернул бровь, болван болваном: ишь, Спок выискался^{**9}.

Новый залп околесицы.

- Нет? Ладно. Тогда веди меня к вашему главному.

Человечки переглянулись, определенно чем-то озадаченные. В следующий миг храбрец загнал клинок в ножны, вскинул руку в

⁸ * Один из героев романа Э.Р.Берроуза «Тарзан и люди-муравьи».

⁹ ** Один из героев сериала «Звездный путь».

небрежном приветствии, похожем на нацистское, и внятно, по слогам произнес:

- Кали мера?***¹⁰

Я почувствовал легкую дурноту и чуть не брякнул: «Мне это кажется греческой тарабарщиной»,****¹¹ но смолчал.

Маленький военачальник шумно вздохнул, ткнул копьем в сторону поселка за оградой и что-то сказал: длинная череда тоновых слогов. Я пожал плечами, и мы двинулись в заданном направлении, а за нами потянулось войско, державшее ножку так, что любо-дорого. В детстве я десять тысяч раз рисовал в мечтах эту картину... Правда, мне и в голову не приходило, что путь в мои грезы лежит через Уран.

Внутри поселковых стен высотой от силы футов шесть у нас отняли одежду, а самих посадили в клеть из проволочной сетки; к ней мало-помалу сошлась гомонящая толпа человечков, глазеть-дивиться. Я, похоже, вызывал содрогание - возможно, меня принимали за разумного венерианского динозавра, о чьем существовании до сего дня не подозревали. Но основное внимание публики досталось моей спутнице, и я не поставил бы им это в вину.

Немного погодя от толпы отделился некто явно сановный и шуганул остальных. Дубль-Ильва прошептала:

- Кажется, они напуганы.

- Кто бы они ни были, их трудно упрекнуть. Представь, что первый экипаж, высадившийся на Марсе в две тысячи двадцатых, наткнулся бы на гигантского инопланетного ящера в обществе дамочки ростом двадцать футов!

К нам обратились на певучем тарабарском наречии, сначала обычным тоном, затем набавляя громкость. Кончилось тем, что между человечками разгорелась перепалка; в голосе одного из спорщиков отчетливо звучало презрение. Я без труда представил себе этот обмен мнениями: «Что? По-твоему, они говорят на (нужное вписать)? Остолоп!»

Я шагнул вперед и вмешался:

- Ребята! Может, вы еще по-каковски объясняетесь?

Они разом заткнулись и уставились на меня круглыми от удивления глазами.

- Sprechen sie Deutsch? Ni hao bu hao? Cu vi povas diri al me, kie estas la stacio?*¹²

Неразборчивое шушуканье.

¹⁰ *** *Здравствуйте (греч.).*

¹¹ **** *Шекспир, «Юлий Цезарь», акт 1, картина 2. Пер. Мих. Зенкевича.*

¹² * *Вы говорите по-немецки? (нем.) С вами все в порядке? (кит.) Вы не могли бы показать мне дорогу к вокзалу? (эсперанто)*

Я посмотрел на Ильвину копию ДИ4048... Черт, не могу я так ее называть.

Она сказала:

- Вряд ли они пробовали говорить на других языках, даже сходных по звучанию. Чересчур устойчивый звуковой строй и тональные вариации. В типичной группе американцев середины двадцатого столетия вы, вероятно, обнаружили бы некоторое языковое разнообразие. Бесплатная средняя школа давала начала испанского и французского. А многие городские дети знали с пятого на десятое итальянский или идиш - в зависимости от того, из какой были семьи...

Человечки ушли, оставив нас один на один с оторопелым стражником. Кроваво-красное небо меж тем постепенно чернело. Ни звезд, ни луны - ничего. Около полуночи (по ощущению) в отдалении вспыхнули прожектора, и над стеной из тьмы высунулся серебристый нос исполинского звездолета. Далекие голоса выкрикивали приказы, горланили речевки - все это чеканно, красиво. Далекий рев больших дизелей. Через некоторое время явилась орава человечков; пятясь и выставляя перед собой копья, они выпустили нас из клетки и погнали к стене, где снова открывались ворота.

Я сказал:

- Эй, ребята! Тут сейчас колотун. - Я обхватил себя руками и выразительно задрожал. - Как насчет одеться?

Угрюмая тарабарская команда, потрясание мечами и копьями. Нас, голых, под конвоем, построеным «ежом наизнанку», в кольце оцетиненных внутрь пик, препроводили в темноту.

К звездолету с его погрузочными мощностями мы добирались около часа. Дубль-Ильва принимала происходящее в стоическом молчании, я чертыхался всякий раз, как наступал на острое или ушибал ногу о корень или камень.

В зарослях у тропы кто-то глухо рыкнул, над нами вознеслись огромные желтые глаза, горевшие не меньше чем в метре один от другого, и частокон копий дружно развернулся навстречу неведомому существу.

Оно проворно шарахнулось от маленьких воинов с их рдеющими фонарями, как шарахается от огня лесное зверье, но я успел увидеть нечто до ужаса похожее на аллозавра.

Дубль-Ильва шепнула:

- Думаю, длина волны у фонариков та же, что у светильников на корабле.

На бесхозном корабле, дрейфующем в атмосфере Урана?

Я сказал:

- Если они умеют открывать двери в воздухе, когда захотят, на кой им звездолеты?

В седьмом классе (мне было то ли одиннадцать, то ли двенадцать)

англичанка задала на дом сочинить рассказ. Я решил живописать безрассудные приключения горстки людей на дикой, свирепой Венере, в которую верил до тех пор, пока «Маринер-II» не покончил с ней по весне. В рассказе герои перемещались на летательных аппаратах, названных мной «тучерезами» - в честь виденной в какой-то книге птицы-водореза*¹³, а главной движущей силой повествования служило необычайное множество воздушных катастроф.

Возвращая мне работу с оценкой «четыре с плюсом», учительница сказала: «Хорошее сочинение, Алан. - Потом она рассмеялась. - Тебе не кажется, что тучерезы не слишком надежны?» Сейчас я испытывал сходное чувство.

Вблизи звездолет поражал великолепием и действительно был полных шестисот футов высотой. Сколько это в масштабах человечков? Около полумили. В нашей Вселенной наиболее габаритные грузовые планетолеты в продаже у ВОЛа (космические корабли величиной с океанский лайнер, космические корабли величиной с «Гинденберг») были, пожалуй, вдвое меньше.

В эпоху ракет длина самой крупной из тех, каким доводилось отрываться от поверхности Земли, незначительно превышала четыреста футов. Это заставляло трезво взглянуть на достижения человечков.

Нас доставили на борт в подъемной бадье огромного башенного крана, сперва Дубль-Ильву, потом меня. Ко мне приставили дополнительную охрану; поступок, с их точки зрения, наверное, вполне разумный - я же был гигантский ящер и все такое. Пожалуй, это кое-что говорило и о культуре человечков, усугубляя их сходство с землянами.

Нам пришлось проползти сквозь несомненно грузовой люк в пространство высотой около четырех футов - в клиновидный отсек, занимавший, быть может, восьмушку круга поперечного сечения корабля, в отсек с задраенным люком в рост человечка на узком конце. На полу - одеяла размером с вязаный коврик, на подвесном стеллаже - полулитровые емкости с водой. Пара маленьких подушек (в старину такие выдавали авиапассажирам на дальних рейсах).

Гулкие удары снаружи.

Дрожь корабля.

Дубль-Ильва сидела спиной к голой стене, подтянув колени к подбородку, и не сводила с меня темных глаз. Один взгляд, и во мне заклокотала усталая злость на себя. Быть самцом гомо сапиенс, пусть и превращенным в бессмертного распроящера, докучно и смешно еще и потому, что при наличии соответствующих раздражителей думать ни

¹³ * *Морские птицы, которые ловят рыбу, пролетая над самой поверхностью воды и «прочесывая» ее нижней частью клюва, отчего и получили свое название.*

о чем другом нельзя. Вдобавок я в очередной раз заметил, что клон читает мои мысли, как открытую книгу.

Снизу донесся басистый рокот. За ним последовали миг тишины, далекий надсадный вой, мелкая вибрация палубы; в недрах под нами что-то коротко и гулко грохнуло, корабль качнулся, будто хотел опрокинуться, и в иллюминаторах воздвиглось ослепительное сине-фиолетовое сияние.

Выход на орбиту был долгим и бурным. Пронизывая облачное небо на подъеме к черноте звездного безбрежья, корабль вокруг нас, пришипленных к месту четырьмя или пятью «g», дребезжал и сотрясался, грозя развалиться.

Пока корабль много минут, наращивая скорость, рыскал и юлил, повинуюсь горе-пилоту, отчего нас мотало по полу, я поневоле осознал, каким примитивным он должен быть в техническом отношении. Примитивным? Черта с два. Исключительно в сравнении с находкой ВОЛа, огнелисьим приводом. Судя по расположению люков и двигателей, топлива этой посудине требовалось не больше половины ее объема. На чем бы она ни бегала. Деление атомных ядер или их синтез, как было у нас, пока не состоялся колдовской дебют модуль-преобразователя? Нет. Какое-нибудь ультраплотное топливо, баснословно высокая удельная тяга реактивного двигателя? Впрыскивание рабочего тела через квантовую черную дыру по дороге к соплу? Без прямого управления основными силами Вселенной космические путешествия жестко граничили с невозможным. Нет, корабль человечков был чудом инженерии.

Двигатель отключили, и мы воспарили над палубой; кругом, словно мультяшные призраки, неспешно всплывали к потолку одеяла и подушки. Желудок перекувырнулся, меня замутило, а потом, спасибо десятилетиям полетов в невесомости, мои «ноги пространственника» вновь стали послушными, я осторожно оттолкнулся и подплыл к ближайшему иллюминатору.

Снаружи вихревая желтая Другая Венера таяла на глазах, давая понять, как быстро мы удаляемся своим неведомым курсом. Солнце в стороне казалось куда более крупным, чем с настоящей Венеры, где мне довелось побывать на китайской орбитальной станции. Более крупным и непривычно окрашенным. Астрономы относят наше Солнце к желтым звездам, однако солнечный свет - белый, а само оно напоминает пышущую зноем пробойну в небе. А тут? Пожалуй, красновато-оранжевое. По-прежнему чересчур яркое, чтобы на него смотреть, хотя я полагал, что иллюминаторы тонированные и с УФ-фильтром, но... Тьфу. Похоже на звезду с картины Боунстелла*¹⁴.

¹⁴ * Челси Боунстелл - известный художник, иллюстратор, дизайнер, отец современного «космического искусства». В его честь названы

Дубль-Ильва сказала:

- До Земли примерно неделя или чуть больше. Без непосредственного измерения скорости точнее не скажу.

- В этом смысле корабль не хуже ВОЛовьего. - Я задумался, какой окажется Земля этих человечков, мысленно перебирая все: от малюсеньких американских городов до исполинских курганов людей-муравьев. Троханадалмакус, Велтописмакус**¹⁵ и прочие чудеса воображаемого прошлого. И решил, что разгадка не за горами. Оказалось, зря.

Прошла неделя, за ней вторая; ход времени я оценивал по нашему потреблению воды, доставке пищи на порожнем в иных отношениях лифте, спрятанном за небольшой, вытянутой вдоль корабельной оси дверью, и по неуклонному сжатию красно-оранжевого солнца снаружи. Больше ничто не менялось; неподвижные, точно прибитые к месту звезды оставались неизменно далекими.

Секс в невесомости - приятная забава (не менее приятная, чем секс в бассейне, особенно если партнерша самозабвенно и истово потекает любой вашей блажи, проделывая все точь-в-точь по вашему хотению). В конце концов мне перестали мерещиться крошечные люди, жадно подглядывающие за нами с помощью скрытых камер.

Дьявольщина, может статься, мы выбились в главные порнозвезды Минани!***¹⁶

Но все приедается, как пицца, если заказывать ее изо дня в день месяц кряду. Рано или поздно ловишь себя на том, что отлыниваешь: глазеешь в окно и с тоской подыскиваешь другое занятие. Любое.

Вид из упомянутых окон, с тех пор как Венера превратилась в горошину далеко позади, а затем и вовсе затерялась в море звезд, открывался тоже не свехувлекательный. Я продолжал придиричиво изучать то, что мы с Дубль-Ильвой уговорились считать эклипстикой: может, вот это или, пожалуй, вон то - Земля...

- Ильва...

Она подплыла, чтобы вместе со мной выглянуть в иллюминатор. Она уже привыкла, что иногда я зову ее так, хотя я видел, что она по-прежнему не считает это правильным. Но обращаться к ней Дубль-Тело или Сорок-Сорок-Восемь тоже было неправильно. Я сказал:

- Вон та красная искорка - Марс?

- Возможно. - Потом она велела: - Проведите к красной искре линию из центра видимого солнца. Видите в промежутке две желтые

кратер на Марсе и астероид.

¹⁵ ** *Города людей-муравьев из романа Э. Р. Берроуза «Тарзан и люди-муравьи».*

¹⁶ *** *Страна, в которую попадает Тарзан в романе Э. Р. Берроуза «Тарзан и люди-муравьи».*

крапины?

- Угу.

- Одна - это Венера, откуда мы прилетели, другая, если я верно оцениваю ее движение, - Земля.

А? Я сказал:

- Для Земли она недостаточно голубая.

- Верно. Зрение у вас намного острее, чем у немодифов, мистер Зед.

А Луну вы видите?

Я напряг глаза. На долю градуса отвел взгляд и всмотрелся еще пристальнее.

- Нет.

- Судя по орбите, это вполне может быть Земля.

Ладно. Мы в какой-то другой вселенной. Почему бы здесь по орбите Земли не кружить какой-то другой планете? Ведь на месте Венеры была вовсе не Венера.

Дубль-Ильва сказала:

- Посмотрите вдоль той же линии влево. Видите оранжевое пятнышко?

Я видел.

- Юпитер? Ух какой яркий!

Она кивнула.

- Сатурн, вероятно, с другого борта. Во всяком случае, я не могу его отыскать.

- И?..

Она сказала:

- Мне кажется, мы летим туда.

Я обнял спутницу за плечи и привлек к себе, с радостью ощутив ее чрезвычайно человеческое тепло; чем больше надоедал полет, тем чаще я проделывал нечто подобное. Думаю, ей это тоже нравилось, хотя как знать? Ее Самость Ильва перемудрила, привив дубль-телам вкус к тому, чем они занимались.

Иногда, в редкие дни, когда меня заносит в штаб-квартиру ВОЛа, в мой кабинет, я люблю сесть перед урной с прахом Сары и предаться раздумьям. В молодости я считал объятия-поцелуйчики, на которые обожает напрашиваться женский пол, смешным и глупым чудачеством вроде бальных танцев, придуманным для того, чтобы застолбить право на близость с мужчиной, не расплачиваясь за это постелью.

Сара помогла мне понять: в них все-таки, возможно, что-то есть.

Извини, что угробил тебя, малыш. Житуха была увлекательная.

Я сказал:

- Оддни.

Дубль-Ильва пытливно взглянула на меня.

- Одни? - Чахлая искра человеческого изумления. - На борту множество человечков, мистер Зед. Почему одни?

Я расхохотался, дивясь, до чего настоящей она становится.

- Оддни звали дочь Орма и Ильвы. Тихоню.

Недоуменный взгляд.

- Дочку Ильвы Йоханссен звали...

Я приложил палец к ее губам: ш-ш-ш.

- «Рыжий Орм». Франц Гуннар Бенгтссон.

- Книга? - Взгляд у нее сделался рассеянным. - Ильва читала такую, читала давно, своим родным детям, когда те были маленькие. Сюжет в мой банк памяти так и не внесли.

Меня вдруг пронзила жалость.

- В детстве я читал эту книжку раз пятьдесят. Хочешь, перескажу?

На меня взглянули очень широко раскрытые глаза, в которых я увидел нечто совершенно необъяснимое, глянец поволоки, сильно смахивавшей на непролитые слезы.

- Хочу, мистер Зед. Пожалуйста.

Ты вовсе не Оддни, милая копия, но пусть будет так, сойдет. А «мистер Зед»? Я вовсе не мистер Зед, но тоже сойдет. Какой тебе смысл звать меня Алан Берк? Алан Берк умер в тюрьме на исходе две тысячи двадцатых.

И я начал:

- «Немало беспокойных людей подалось из Сконе вслед за Буи и Вагном, но не было им удачи в заливе Хьорунгаваг; иные же пустились за Стюрбьёрном в Упсалу и пали там с ним вместе»^{*17}.

Прежде чем рассказ завершился, Другой Юпитер в иллюминаторе чудовищно вырос; оранжевый, светящийся изнутри, он висел в черном небе как китайский фонарик. Потом внизу под нами взбухла желто-бело-голубая планета, корабельные двигатели врубили форсаж, и нас прижало к полу.

Прежде чем рассказ завершился, я заметил, что Оддни стала для себя реальной. И задался вопросом, чем же закончится наша с ней история.

Корабль, содрогаясь, пронизал толщу уплотняющейся атмосферы (небо за иллюминаторами налилось лиловой синевой) и совершил жесткую посадку. Я задумался, чему в таблице иновременных аналогов должна соответствовать эта планета - Ио, Европе, Ганимеду, Каллисто? Наверняка ни одной. Она напоминала пристроенную на орбиту недовыходца-в-звезды Юпитера терраформированную Луну, вплоть до пяти сообщающихся морей на обращенной к нам стороне.

Едва корабль сел, из осевого лифта опасно показались три человека в перьях и коже; двое без необходимости наставили на нас острия мечей, а последний заковал Оддни и меня в ручные и ножные

¹⁷ * *Перевод Екатерины Чевкиной.*

кандалы, которые по меркам маленьких людей прились бы впору Кинг-Конгу.

Грузовой люк в бок корабля открылся; нас по очереди спустили на поверхность, на обожженный, в трещинах бетон посадочной площадки. Я стоял, потрясенно разглядывая небо. Насыщенная, темная, почти фиалковая синева, по ней нежная пастель облачных шхер, за ними горит полосатый фонарик Юпитера, а над горизонтом обосновалось красное сморщенное око солнца.

Переговариваясь на своем тарабарском наречии, маленькие копыеносцы отконвоировали нас к транспортному средству, в котором без ошибки можно было узнать тягач с грузовой платформой, загнали на борт и принудили сесть. Взревел мотор; Оддни принялась и определила:

- Дизель.

- Я ожидал от них большего.

Вдоль городских улиц выстроились человечки; глядя на нас во все глаза, они щебетали, будто миллиард птах. И опять, похоже, значительно больше интересовались Оддни, чем мной. А на Земле? Неужели толпы зевак пренебрегли бы плененным динозавром ради зачарованного созерцания прекрасной нагой великанши? Ну разумеется!

Сам город был... диковинный. Назовем его архитектуру китайско-русско-майяской: синие крашенные луковичные куполов и золотые шпили вперемешку с пагодами и уступчатыми пирамидами.

Наконец тягач задним ходом сдал в большую дверь в торце пустующего гулкого здания, возможно, складского; нас согнали на бетонный пол в пятнах солянки и подъемную дверь опустили. Послышался тяжкий лязг входящих в гнезда массивных щеколд, и все стихло.

- Ей-богу, от них бы не убыло, если бы с нас сняли наручники и выдали подстилку.

Оддни сказала:

- С нами обходятся плохо по любым приемлемым стандартам. Кому судить, что здесь считается приемлемым обхождением?

- По большому счету, это не люди, так что...

- А по-моему, люди.

- Правда? Лилипуты?

Она улыбнулась и пожала плечами - шикарное зрелище.

- Скорее, пигмеи.

- Хм. Больно они маленькие для пигмеев. Даже для хоббитов мелковаты.

Поверху помещение опоясывали окна, гораздо выше роста человечка, а значит, сделанные не ради обзора, а чтобы впускать дневной свет. Привстав на носки, я сумел выглянуть наружу: городской пейзаж.

- По-моему, мы в промзоне. Вероятно, ничего лучшего у них не нашлось.

Быть может, пока не готова клетка в зоосаду?

Я дотянулся и постучал по стеклу. Похоже, прочное. С улицы долетели слабые отголоски тарабарской речи, и в поле зрения качнулся наконечник копья, потом другой.

Оддни спросила:

- Вам не кажется странным, что быстроразгонный планетолет у них есть, а огнестрельного оружия нет, только мечи да копья?

Я сказал:

- С тех пор как мы прошли на Уране через гипердверь, мне все кажется странным. Бессмыслицей.

Она улыбнулась.

- Думаю, ножные кандалы будут немного мешать сексу.

И не хотел, а рассмеялся.

- Я переживу, Оддни.

По ее лицу скользнула тень.

- Вам иначе нельзя. - Потом она прошептала: - Спасибо за имя.

Наутро я чувствовал легкое утомление и умеренную скованность движений; Оддни - обыкновенной (если забыть о молчащей теперь линии радиосвязи в ее мозгу) женщине - было, наверное, чуть хуже. Изрядную часть неведомо сколько длящейся здесь ночи мы проболтали о том, куда попали, где были и что видели с тех пор, как ушли через гипердверь с бесхозного корабля на Уране.

Я гадал, пытается ли Ильва отыскать нас. Быть может, в эту самую минуту целые армии сотрудников службы безопасности НПО «ВОЛ» врываются через гипердверь на Другую Венеру, хватают человечков из поселка, заставляют объяснить, куда мы делись? Быть может, они даже перенесут на ту сторону по частям и вновь соберут ВОЛовий военный корабль, оснащенный преобразователем модуля поля. Я подозревал: ничего, способного дать отпор даже самому маленькому из моих легких крейсеров, в этой вселенной не сыскать.

Мы, как сумели, обнялись и поговорили о себе - о моей износившейся и подновленной жизни после жизни, об Оддни... нет. Не о ее подлинном «я», которое медленно высвобождалось из мглы. Всего лишь о радостях бытия дубль-тел. О том, как ей недостает присутствия Ильвы.

Оддни попросила продолжить историю про Орма с Токой и про тех, что, сев на весла, уплыли служить господину Альмансуру, и я рассказывал, пока обоих не сморило. Разбудило нас алое сияние чужой зари. Понятия не имею, сколько мы проспали, однако на то, чтобы скоренько обогнуть Юпитер и вновь встретить солнце, у здешней луны безусловно ушли часы, а не дни.

Вскоре после восхода мы услышали снаружи приглушенную возню,

невнятный певучий говор; в замке маленькой двери для персонала рядом с большой, через которую нас доставили, бренькнул ключ. Дверка отворилась, и мы увидели, как облаченный в кожу человек с тетрадкой избавляется за порогом от меча и перевязи. Человек вошел, и дверь за ним заперли.

Я сказал:

- Приятель, ты, похоже, мал да удал.

Он как будто смутился, а потом, непривычно растягивая слова, произнес нараспев:

- Я быть Тэнь кай Каль, наиглавнейший изучатель Машинная эра. Ты быть Челомат, а... - Озадаченный взгляд в сторону Оддни, долгий, полный глубокого восхищения, но от этого не менее озадаченный. - Нет Челомат, нет Бессмертный, нет первобытень Эпоха Грез, так, да! Э?

Я усмехнулся и сказал:

- С грамматикой полный швах, но я рад, что вы хоть немного говорите по-английски. По-гречески мы оба ни бум-бум.

Недоумение. Он раскрыл тетрадь, полистал и с нескрываемой досадой переспросил:

- Английски? Гречески?

Меня вдруг осенило. Тетрадка-то - пожалуй, самодельный словарик.

- Английский - это язык, на котором мы сейчас говорим. Греческий - тот... - Я указал на него, потом на дверь.

В ответ - неопишное изумление.

- То речь Челомат. Я... мы... Зейя. - Он опять повернулся к Оддни, приблизился, обошел вокруг, глядя вверх, и отвел глаза, качая головой. Вернувшись ко мне, он сказал: - Найти Челомат на Афродитэ быть дичь. Челомат нет ходи за пределами. Челомат с Греза? - Сердитый взгляд, грозное потрясение тетрадь. - Агент Бездна Времен? Объяснять, не то... Пеняй на себя.

Я уселся на пол, чтобы наши лица пришлись вровень, и уставился на «изучателя», отчего тому, похоже, сделалось неуютно, хотя глаза во мне - самое человеческое.

- Послушайте внимательно, мистер Тэнь кай Каль. Я не представляю, о чем вы. Что за «Челомат», черт побери?

Он сунул тетрадь под мышку и довольно долго смотрел на меня в упор, стараясь пробуровать взглядом череп, потом сказал:

- Челоматы явись из Эра Грез, летай к звездам, видай все чудеса, вертай домой умирать и оставляй вся наука Бессмертным. Сами сгинуть. Давно сгинуть.

Оддни прошептала:

- Он что же, думает, будто мы пришли сквозь время?

В ее голосе так и слышалось: «Невероятно».

Человек тотчас обернулся, ошарашенно взглянул на нее и опять

отвернулся ко мне.

- Запах Грезы... вторгайся. Отвлекай.

Я тихонько фыркнул. Бедняга понятия не имел, как мощно Ильва Йоханссен раскачала феромоны своей дивизии дубль-тел, чтобы держать меня, чешуйчатого, на боевом взводе.

- Она права?

Тревога. Пожатие плечами.

- Челомат нет ходи за пределами. Бессмертные нет ходи за пределами. Грезы нет верно! Души из Бездна Времен на Аресе? Может, так, да. Титаниды говори... - Снова сердитый взгляд, прищур, подозрение: меня морочат!

Я сказал:

- Вы не видите, что для нас все это чушь собачья?

Но Оддни вмешалась:

- Последовательность... Эпоха Грез, Машинная эра, Бессмертные, Бездна Времен...

Неприятный взгляд: до человечка дошло.

- Что ты знай еще? После Бездна Времен?

Она сказала:

- Здесь и сейчас?

Он сказал:

- Откуда, по-твоему, берись народ Зейос? Кто создал мы?

Я сказал:

- Ручаюсь, не Господь по своему образу и подобию, верно?

- А кто такие «души из Бездны Времен»? Вы сказать, на Марсе. Марсиане?

Вдали заголосили сирены, и срез неба в окнах под потолком омыли переливы жемчужного света. В дверь забарабанили; наш дознаватель вдруг перепугался и кинулся наутек, выкрикивая что-то на местном гнусном изводе греческого. Дверь открылась, выпустила его и со стуком захлопнулась; языки замков со скрежетом вошли в пазы.

Опять крики. Опять сирены, громче прежнего. Что теперь? Я поднялся на цыпочки у окна и увидел расплавленную звезду, истекавшую в вышине молочным сиянием, достаточно ярким, чтобы отбрасывать тени в оранжевом свете Юпитера и солнца. Оглушительный рев в стороне космопорта, и - один, второй, третий - в воздух взвилось что-то вроде реактивных снарядов. Нет, не снаряды. Они походили, скорее, на выталкиваемые с пусковой площадки порохowymi ракетными двигателями истребители-перехватчики середины двадцатого века, вроде «Старфайтеров F-104»: разворот, сброс стартовых ускорителей - и вперед, изрыгая светлые струи ослепительно синего пламени, лечь на курс к расплавленной звезде.

Расплавленную звезду меж тем точно вспороли; прореха расплзлась клоком звездного мрака. «Старфайтер» выпустил по ней маленький

снаряд, стремительное пятнышко белого света, но, прежде чем оно добралось до цели, из черноты вихрем вынеслась эскадрилья летающих блюд.

Я отвел взгляд, посмотрел на Оддни:

- Знаешь, если в следующие пять минут здания на горизонте растопчет Годзилла, меня это ни капли не удивит.

Она кивнула и сказала:

- Интересно, может ли дубль-тело сойти с ума и бредить.

Я вернулся к событиям в небе и успел увидеть, как из одного блюда ударил тонкий зеленый лучик, прямой, словно луч лазера. Он подшиб мчавшийся все быстрее снаряд, превратив его в шарик туманного света, и - раз, два, три - ликвидировал ракетные корабли.

Вой сирен не смолкал, по улицам бежали толпы маленьких людей. А этот звук?.. Истошные вопли. Блюда снизились, сломали строй и рассредоточились, пикируя к самым крышам и обстреливая город зелеными лучами. Чего бы ни коснулись эти лучи, следовал туманный взрыв.

Оддни сказала:

- Отойдите от окна, мистер Зед. Осколками стекла вам может поранить глаза.

Но... мне хотелось смотреть... Где-то поблизости рвануло; здание вздрогнуло, окошко перечеркнула длинная волнистая трещина. Я попятился к простенку. Участок большой двери, через которую нас доставили, сделался мутно-зеленым, замерцал и распался, оставив дыру с тлеющими краями. Через горячий металл осторожно перешагнул человек в простом доспехе из кожаных ремней, в плотно прилегающем серебряном шлеме и с несомненным бластером в руке.

Приметив меня, он крикнул что-то себе за плечо, бойко подбежал, блестя глазами, и встал передо мной.

- Клянусь, Герой, лазутчики не ошиблись! - Такой британский английский сделал бы честь даже Рональду Колмену*¹⁸. - Юпитерианцы и впрямь изловили на Венере Челомата. - Он обратил потрясенный взгляд к Оддни. Та улыбнулась и приняла позу.

Титанидам в скромной кожаной амуниции удалось вскрыть двери склада, и, едва луч бластера избавил нас от оков, мы смогли выйти на дебаркадер и спуститься к изрытой воронками площадке, где стояло на приколе летающее блюдо десяти метров в поперечнике. Взгляд то и дело наткался на пестрые перья и алмазный блеск: это распростерлись среди своих клинков и копий мертвые зейянские ратники, окровавленные, если пали под ударами клинка, или с сожженными (вероятно, огнем зеленых лучей) руками-ногами.

Я выбросил их из головы, отчаянно пытаюсь не злорадствовать, и

¹⁸ * *Английский актер.*

осмотрел причаленное блюдце. Плоский диск сероватого матового металла, прозрачный купол многоместной кабины откинут на шарнире. Внутри - панель управления и ряд дополнительных сидений; сейчас человечки споро их развинчивали.

Наш спаситель непонятно переговорил с экипажем, повернулся к нам и сказал: ,

- Почтенный Челомат... - Он покосился на Оддни. - Челомат со спутницей, вскоре для вас освободят место. Тогда мы сможем отбыть.

Я прикинул объем кабины с убранными сиденьями и захлопнутым кокпитом и сказал:

- А ваши люди?..

Он словно бы улыбнулся.

- Как только мы улетим, другие корабли совершат посадку и подберут их.

- Хорошо. Не хотелось бы, чтобы кто-нибудь пострадал...

Он сказал:

- Жизнь Челомата, которому открыто запределье, дороже жизни сколь угодно многих титанидов. Даже моей...

Оддни пробормотала:

- Он знает, кто важен...

Я закатил глаза.

- Глупости. Парень понятия не имеет, кто мы на самом деле. Будто это вообще имело значение, в какое бы проклятущее место-время мы ни угодили.

Оддни сказала:

- Он думает иначе.

В выпотрошенном наконец блюдце поднялся галдеж, экипаж гурьбой хлынул наружу, и человек жестом пригласил нас под купол, где мы улеглись на пол и, пригибая головы, осторожно свернулись внутри герметизирующей прокладки. К нам присоединилась стройная красавица-брюнетка с блестящими, точно обсидиан, волосами. Она заняла уцелевшее кресло и положила руки на приборную панель.

Человек привел в действие какой-то рычаг; купол с легким шипением опустился, в ушах у нас щелкнуло из-за перепада давления. Титанид постучал кулачком по пластику и знаком велел пилоту: летим, летим отсюда.

Блюдце оторвалось от поверхности так, что мы вовсе не почувствовали движения, только земля в иллюминаторе резко ушла назад и вниз, кренясь в падении; сила тяжести была с железным постоянством направлена ко дну. Оддни сказала:

- Никакого выхлопного факела в отличие от модуль-преобразователя. Может, эта конструкция лучше огнелисьей?

Человек поднялся, подошел и встал внутри разомкнутого кольца наших тел, мы же, постаравшись принять относительно сидячее

положение, прислонились к стене, задевая головами купол из твердого, напоминающего пластмассу материала.

- Я, - сказал человек, - Кам-Рен Вейяд, командующий Первым космическим флотом Титана, командир Юпитерианской эскадрильи оказания чрезвычайной помощи. Это, - он кивнул в сторону пилота, - моя возлюблённейшая спутница, принцесса Та-Рен Аруэ из рода Сангеджази. - Он продолжал: - Ученые мужи Титана узнали имена многих великих исторических деятелей той давнишней эпохи, почтенный Челомат. Возможно, им будут знакомы и ваши прозвания?

Он спрашивает: «Ты кто? Какой-нибудь туз? Пресловутая Важная Птица?»

Что ответить? Чучело-Беркучело, презираемый всеми мальчишка? Алан Берк, который с горсткой очень близких друзей в один прекрасный день Все Изменил - и был уничтожен за свое чрезмерное доверие к миру? Или...

Я сказал:

- Меня зовут мистер Зед. А это моя возлюблённейшая спутница... э... Оддни. В прошлом - дубль-тело некоей...

Кто ты теперь? Ведь определенно не Ильвино дубль-тело? Кем я хочу тебя видеть? Ее Самостью Ильвой? Нет. Я хочу... Мне вдруг явился образ покойной Сары и исчез, призрачное мимолетное видение.

Оддни с веселым ужасом вмешалась:

- Мистер Зед! Я вовсе не...

Титанидов будто громом ударило; их лица отобразили напряженное сомнение. Кам-Рен Вейяд громко ахнул, воззрился на мою даму, потом опять на меня.

- Мистер Зед. - Неверие.

Женщина, Та-Рен Аруэ, белая под искристой смолью волос, как карикатурное привидение, вымолвила:

- Первый Челомат?!

Вейяд сказал:

- Кто бы мог подумать... - Он благоговейно повернулся к Оддни. - А вы... Вы, должно быть, воплощение богини Ильвы?

Богини Ильвы. Ох ты ж раны Господни! Оддни кивнула:

- Да, я одно из ее дубль-тел. Одно из многих.

- Вообрази! - сказала Аруэ из кресла пилота.

- Вообразать теперь ни к чему, - отозвался, стоя между нами, ошеломленный Вейяд. - Теперь можно знать!

Мы поднимались ввысь, от маленькой планеты зейян к лучистой прорехе в небе, к прорехе, уже вновь сжимавшейся в яркую, сочащуюся светом звезду; рядом набирали высоту другие блюдца, а за ними гнались, обстреливая, ракетные истребители. Наконец мы единым строем пролетели в прогалину, и небеса сошлись.

В новом небе, звездном небе, очередным китайским фонариком горел

желтый Сатурн с кольцами и всем прочим, а поодаль висел внушительный шарик дымчато-красной планеты, по-видимому, Титан. Я сказал:

- Кольца...

Вейяд глянул вверх, на Сатурн, и ответил:

- Когда Души из Бездны Времен сотворили на Марсе людей, а затем пригодные для нас миры, они воссоздали и кольца Сатурна - по своим соображениям.

Души. Сотворили людей. По своим соображениям. Мифические боги? Я обнаружил, что сомневаюсь. И, сомневаясь, просто спросил.

Род человеческий, ответил Вейяд, зачинался в грезах - и сам витал в облаках, пока не построил машины, тоже не чуждые игре воображения. Люди с машинами грез улизнули с Земли и со временем узнали, где явь, а где нет. Адски самонадеянные, кичась сознанием своей власти, они отправились покорять большую вселенную и были разгромлены в пух и прах, лишь жалкая кучка уцелевших, точно побитые псы, приковыляла домой.

Домой, где они превратились в блеклых, бесполох Бессмертных и с перепугу навсегда зареклись от опасных затей, не страшась одного - жить вечно. Почти вечно. Кто-то умирал по ошибке, кто-то от скуки, кто-то погружался в сон, чтобы не проснуться, а двигатели Земли между тем сбавляли обороты, грозя заглохнуть, и солнце судорожно моргало, требуя дозаправки.

Пока мы снижались, пронизывая бурлящие гряды туч над мгlistо-красным Титаном, меня захлестнули воспоминания о собственном, настоящем Титане: там я впервые посадил прототип «Бентодина» и... Ага. Настоящем? Если титанид не врет, передо мной не менее настоящий Титан, преображенный, с позволения сказать, Душами-с-Марса. Терраформирование? Маловероятно. И все же...

Кам-Рен Вейяд сказал:

- Когда наши агенты среди зейян донесли, будто на Венере обнаружен Челомат, удивление титанидов не знало границ. Челомат и Греза... Нас не убедили даже переданные изображения. А как вы попали сюда, мистер Зед?

Я рассказал о ничейном корабле в атмосфере Урана и о загадочной гипердвери.

- Ваше добро? Вроде лаза между Юпитером и Сатурном?

Вейяд и Аруэ обменялись долгим взглядом, и Вейяд сказал:

- Нет, не наше. Мы пытались ее украсть.

Аруэ уныло добавила:

- Успешнее, чем рассчитывали.

Мы прорвали нижний облачный слой, и внизу в ржаво-рыжем свете раскинулась поверхность Титана, панорама, от которой ёкало в груди: горы и доли, холмы и равнины, и поля, и реки, и сверкание седых

морей. Ничего общего с подлинным Титаном, таким холодным, таким мертвым... но все это было и на Титане в моей памяти, на Титане, похожем на живую планету больше, чем любой другой уголок Солнечной системы, кроме самой Земли.

Я всегда мечтал успеть на своем веку повидать иные миры, хоть один настоящий; я мечтал об этом сколько себя помню, мечтал так рьяно, что только это и удерживало меня в живых много лет спустя после того, как пробил мой час навеки сойти в могилу. Я трудился во имя дня, когда мы построим корабль, способный скользнуть через межзвездную пропасть к древней, мертвой планете земного типа, к планете, которая, сказали мне астрономы, обращается вокруг альфы Центавра, к дразнящей планете, расположенной, если верить приборам, в дальней дали, близ дельты Павлина.

Пока эскадрилья летающих блюдечек молниеносно снижалась к большому городу из поблескивающего мрамора, к городу шпилей, куполов и ступенчатых пирамид, очень схожих с зейянскими, но более строгого абриса, Вейяд одолевал меня расспросами, сводившимися к одному: «Как вы стали первым Челоматом?».

Я призадумался и выдал упрощенную версию о непредвиденном побочном действии препаратов от радиации, а потом рассказал, как обнаружил затерянный на Гекторе звездолет огнелисов.

- Так значит, Челоматы отправились к звездам и с позором вернулись. Кто нас уделал, огненные лисы?

- Мы очень мало знаем о закате эры Челоматов. Бессмертные не потрудились запомнить, что произошло, и, следовательно, не передали потомкам. Но огнелисы, как вы их называете, ни при чем. Насколько я понимаю, они лишь слуги более могущественных господ, а произошло всего-навсего вот что: злосчастное человечество ненароком угодило под перекрестный огонь в войне Звездузы с Вертопрядами, о ком помимо имен известно только, что сражались они долго и по неведомым причинам. Галактика принадлежит им. Возможно, и вселенная за ее пределами тоже.

Говорят, гордыня пробуждает зависть богов.

Титаниды, опережавшие противников-зейян в сфере техники не только в космосе, но и на планете, провезли нас по своему стольному граду на чем-то вроде тягача с прицепом, но таком, который бесшумно проплыл по широким проспектам мимо толп шепчущихся зевак к одному из мраморных дворцов, паря примерно в метре над мостовой.

В ответ на мой вопрос Вейяд сознался, что титаниды не вправе гордиться этими технологиями: что-то найдено, что-то похищено.

- Мне давно следовало бы догадаться, - сказал он, - что эра Челоматов начиналась похоже. Хотя я полагал, что в столь древние времена наверняка...

- И все-таки, - вмешалась Аруэ, - из истории мы знаем, что война

Звездузы с Вертопрядами вспыхнула намного раньше, чем на Земле зародилась первичная слизь.

Основное внимание здешнего народца сосредоточилось для разнообразия на мне, а не на прелестях Оддни. Меньше легкомыслия? Нет, в большем почете прошлое. А что же я, Первый Челомат, Дивный Мистер Зед? Насколько я понял Вейяда и Аруэ, в Риме двадцатого века примерно так принимали бы Иисуса, воскресшего ради торжественного шествия по улицам.

Вообразите в подобной толпе местных безбожников, которые, трепеща, ломают голову над тем, во что уверовать и в чем покаяться.

Место, куда нас привезли, напоминало огромный банкетный зал с такими громадными дверями, что, проходя в них, мы лишь слегка ссутулились, и с таким высоким потолком, что нам удалось выпрямиться в полный рост. Мебель титаниды сдвинули к стенам и середину пола слой за слоем устлали тонкими покрывалами размером с детское одеяльце, зато мягкими, достаточное же их количество в сборе обеспечивало вполне сносное место для отдыха.

Аруэ сказала:

- Полагаю, вы оба голодны? Хлебосольство зейянцев печально известно.

Я рассмеялся, Оддни тоже. Это удавалось ей лучше и лучше; все человеческое давалось ей легче день ото дня. А однообразная, пресная страстность, страстность-послушание... Невелика хитрость воображать, как славно жить с женщиной, покорной во всем, - пока не встретишь ту, которая знает, чего хочет, и поступает по своему усмотрению, и тогда выясняется, что в конечном счете именно это тебе и нужно.

Я начинал припоминать, какой была жизнь в дни оны.

Оказалось, обед - это большие плоские блюда с дымящимися ломтями жареного мяса (среднего между говядиной и курятиной и, пожалуй, слегка отдающего страусятиной, хотя я не пробовал ее так давно, что припоминал весьма смутно), щедро сдобренного чем-то пряным, острым, зеленым. Среди овощей попадались кругляши не крупнее стеклянного шарика (неправдоподобная помесь печеного картофеля с брюссельской капустой), застывшие в горячем прозрачном желе, которое на языке отчасти напоминало дешевый маргарин и чуть больше - «Кей-Уай», джонсон-и-джонсоновскую смазку для интима.

Я умял все без разбора, подчистую, и стал следить, как ест Оддни: чрезвычайно изящно, не торопясь, восторженно смакуя каждый новый вкус, каждое новое ощущение. Впервые в жизни живая? Трудно сказать. Трудно спросить. А сколько ей лет? Я мысленно вернулся к той ночи, когда ее в первый раз доставили к порогу моей спальни. Два года? Или чуть больше? Боже. Я представил себе, как она очнулась в

инкубаторской вакуоли. Примерно так просыпаются в затопленном кровавой слизью гробу...

Каково ей было?

Почему я боюсь спросить? Я не раз становился свидетелем таких пробуждений; я знаю, на что это похоже; я наблюдал, как клоны ведут себя, впервые увидев свет. Наблюдал изумление, смятение, растерянность.

Думаю, если спросить, она расстроится. Боюсь, она вспомнит, как ее привели под дверь моей спальни для ритуального насилия и принудительного оргазма, вспомнит ужасную наездницу в своем сознании, мое блаженство - источник ее воли к жизни.

Оддни подняла на меня сияющие глаза, утерла тыльной стороной руки блестящие губы и улыбнулась.

- Меня всегда удивляло, - сказала она, - с каким нескрываемым удовольствием вы едите. Теперь я начинаю понимать.

После обеда нам принесли что-то вроде использованных малярных ведер и наполнили их, сливая туда целыми бутылками шипучку с мерзостным вкусом дешевого мускателя, разбавленного хинной водой; пока мы освежались этим пойлом, титаниды установили проектор, и тот вытолкнул в воздух перед нами куб туманного света, заполненный объемными изображениями.

- На обратном пути с Юпитера, - сказал Вейяд, - я вкратце изложил вам общий исторический очерк, охватив миллиарды лет, разделяющие ваше и наше время.

- Сколько миллиардов?

Он пожал плечами.

- Мы просто не знаем. Возможно, три? Бессмертные что-то намудрили с солнцем: у них оно очень долго не гасло, и геохимический цикл Земли не прерывался.

- Фактические данные уничтожены, - сказала Оддни.

- Да, - подтвердила Аруэ. В глазах маленькой женщины читалось откровенное любопытство, вопрос, явно сродни моему: каково быть таким созданием? Но женский интерес лежал, несомненно, в иной плоскости, нежели мужской.

В кубе света соткалась тонкая девичья фигурка; заметно было, что ее обладательница чрезвычайно юна, почти дитя. Стройная, бледная, безгрудая, с паклей коротких волосиков на голове и между ног. Пожалуй, миловидная, но и только. Вейяд сказал:

- Вот во что превратили себя Бессмертные вскоре по окончании эры Челоматов. Все, что мы знаем, известно благодаря крохам древнего искусства, найденным на Венере и земной Луне среди наиболее поздних руин, оставшихся после Бессмертных.

Я спросил:

- А что на самой Земле?

- Ничего. В какой-то момент ее сожгли дотла. Моря выкипели, кора растопилась в лаву. За минувшие с тех пор двести миллионов лет планета остыла, однако... Камень и соленая вода, атмосфера в основном из азота и углекислого газа. Если бы солнце пекло по-прежнему, туда никому не было бы ходу.

Оддни спросила:

- Все Бессмертные были женщинами?

Ответила Аруэ:

- Нет. Они нарочно лишили себя пола; женский облик - иллюзия из-за отсутствия противоположного - мужественности. Если у них и оставалось что-то внутри или сохранялись механизмы сексуальной активности, нам об этом неизвестно.

Вейяд:

- Для нас эти люди даже не герои легенд. Мы узнали о них совсем недавно, при археологическом исследовании внешних планет.

Участь шумеров или Мелуххи: забыты историей, возрождены наукой.

- Нет, мы узнали лишь вот что...

Куб мгновенно заменил девушку одним из предполагаемых калданов, подобием безобразной головы, взгромоздившейся на спину исполинскому крабу.

Я сказал:

- На Уране, на борту найденного звездолета, мы видели изображение подобной твари, окруженной вашими соплеменниками с копьями. Кажется, она была чуть выше вас.

Он кивнул:

- Примерно в треть вашего роста.

Что я почувствовал бы, столкнувшись нос к носу с двадцатипятифутовым гуманоидом?

Аруэ сказала:

- Их-то мы и называем Душами на Марсе.

Оддни спросила:

- Почему «Душами»?

Женщина улыбнулась.

- Старые предания. Не более. В священных книгах говорится: Души на Марсе, зная, что в конце концов их роду суждено пресечься, создали расу-преемницу, дабы заселить сотворенные ими планеты вокруг Юпитера.

- Откуда же взялись эти Души?

Вейяд сказал:

- Судя по картине, которую удалось собрать по крупичкам, они последние из Бессмертных.

- Что их так изменило?

- Вопрос к ним. Мы не знаем.

Я вздохнул:

- Они похожи на существ из одной выдуманной истории.
- Выдуманной в Эру Грез?
- Наверное, можно сказать и так.

Он нахмурился.

- Быть может, они знали эту историю. А мы...

Он заметно огорчился. Эти создания - боги. Творцы человечества. Наши творцы. И мысль о том, что все происходило вполне буднично...

Я сказал:

- Не исключено. Они до сих пор там, на Марсе?

Вейяд кивнул.

- Зейяне вышли на просторы космоса - по сути, из каприза - лишь несколько сотен лет назад. Наладили торговлю между четырьмя своими мирами, освоили пустую планету, обнаруженную около Сатурна, разослали исследовательские корабли на Марс, Землю и Венеру...

Оддни перебила:

- Это ничего не говорит нам ни о летательном аппарате с Урана, ни о гипердверях.

Вейяд сказал:

- Вскоре после войны за независимость Титана мы начали запускать на Марс автоматические зонды. Спутники для фотосъемки поверхности. Потом пилотируемые корабли. Они садились в отдаленных областях, в стороне от зоны, где пропадали звездолеты зейян.

- Корабли? Зачем?

- Мы понимали, что технические достижения таинственных обитателей Марса превосходят наши самые сумасбродные мечты. И желчно завидовали. - Он взмахом руки обвел город, весь свой мирок.

- Все, что вы здесь видите, все, что поднимает нас над зейянами, что препятствует им вернуться и вновь впрячь титанидов в ярмо, - это итог первой такой экспедиции.

- То есть была и вторая.

- Первая экспедиция выявила объект, который мы посчитали межзвездным транспортом, построенным в эру Бессмертных, одним из кораблей для полетов к ближним звездам - на разведку природных богатств. Кое-кто пошел дальше и предположил, что это, возможно, корабль Челомата...

Аруэ сказала:

- В любом случае нам хотелось его заполучить. Особенно, когда вторая экспедиция прислала зашифрованный отчет о других неожиданных находках. Узнав о марсианских порталах запредельного перехода, мы... м-да.

Оддни попыталась уточнить:

- «Запредельный переход» - это путешествия во времени?

Опять пожатие плечами.

- Так мы думаем. Но точно не знаем. По мнению наших ученых, единственный способ превзойти скорость света - двигаться еще и во времени.

Я возразил:

- Не совсем так, - и растолковал ему азы теории перемещения в конформных и вероятностных пространственно-временных матрицах.

- Значит, в начале эры Челоматов об этом уже знали? Это очень многое объяснило бы.

Казалось, он доволен.

Я признался:

- Только подозревали.

Аруэ сказала:

- Но тогда вы были первым Челоматом, мистер Зед.

- Я легенда или ископаемое?

Вейяд ответил:

- И то, и другое. Священные книги зейян величают вас Предтечей.

Я услышал, как охнула заинтригованная Оддни.

Аруэ сообщила:

- Первая экспедиция привезла на родину ваше трехмерное световое изображение, найденное в заброшенном марсианском городе. Потом я вам его покажу. Очень миленькое.

Да чтоб меня! Если я когда-нибудь доберусь домой, то-то будет обуза...

Позже мы с Оддни разлеглись на титанийских одеялах, наконец-то вновь одни в мглисто-красном подобии вечерних сумерек, рассеиваемых Сатурном: солнце давно зашло, а окольцованный шар знай висел в небе, будто измалеванный желтой краской. Понятия не имею, как им удалось добиться такого эффекта.

Оддни полулежала, опираясь на локоть, вытянув ногу, согнув в колене другую; лицо заливал румянец недавно выплеснутой страсти, взгляд был одушевлен. В ней явственно проглядывала личность, разительно не похожая на невозмутимую девицу из пробирки, лишь изредка оживляемую Ильвиной мертвой волей.

Когда я начал так думать про Ильву? И когда дубль-тело превратилось в иное существо? Оддни улыбнулась и сказала:

- Мне нравится, когда вы так на меня смотрите.

Я слегка устыдился, но...

- Как - так?

- Смотрите мне в лицо и видите меня. - Она рассмеялась. - Мистер Зед, я не обижаюсь, когда вы смотрите на меня по-другому. Или не в лицо.

Я знал: ее поза почти наверняка перенята у Ильвы, выявлена посредством проб и ошибок и добавлена к фильтру правил машины.

Или, возможно, это воспоминание из погубленной жизни мертвой женщины. «Сделай то-то, и он почувствует то-то». Интересно, мужу Ильвы тоже нравилось, когда она так лежала?..

- Было проще, пока ты оставалась... - начал я и прикусил язык, чтобы не сболтнуть: вещь. Даже в ту пору у Оддни, вероятно, были свои чувства.

Кого там изумляло в мужчинах именно это?.. Однажды в чудесный вечер - с начала нашей связи минуло две или три недели - мы с Сарой лежали, сплетясь потными телами, лежали в темноте и беседовали о нас прежних, о былом, о давнишних знакомых. К сорока годам успеваешь накопить изрядно прошлого.

Наудивлявшись, отчего бывший муж так свински с ней обращался, Сара взглянула на меня (глаза, влажные плавучие блики, едва заметны в ночи) и произнесла: «Ты, кажется, настоящий, Алан. Настоящий, да? Я хочу сказать, по-настоящему настоящий...».

Здесь и сейчас от Оддни я услышал:

- Не переживайте, мистер Зед.

Мне вдруг захотелось, чтобы она звала меня подлинным именем, но... нет. Я давно уже не Алан. Перебьюсь. Буду Зед. Мистер Зед, последний человек, первый Челомат...

Она потянулась:

- Я не в обиде, что меня создали из ничего, только чтобы служить вам, дарить радость. Теперешний антракт...

- Это непременно должен быть антракт?

Всего на миг в ее чертах проступило легкое отчуждение.

- То, что с нами случилось, не изменило моей природы ускоренно живущего клона. Если мне не удастся вернуться к Ильве, то, когда я умру - лет через пять, - она даже не вспомнит меня; и все, чем я была, безвозвратно исчезнет.

Я расстроился. Совсем скоро от нее останется лишь след в памяти киборга, на девять десятых машины. Или того хуже - увядающие воспоминания потенциально бессмертного Челомата. Я задумался, доживу ли до поры, когда таинственные обладатели выразительных имен, Звездузы с Вертопрядами, разделают человечество под орех и ползком пустят восвояси.

Что меня тогда ждет? Превращение в Бессмертного, в бесполоую мальчишкодевочку? А затем в уродливого калдана, грезящего на Марсе? Черт, может, я и сейчас на Марсе? Кто-то должен быть последним. Что если я?

Оддни сказала:

- Обожаю наблюдать за вами, когда вы такой: будто где-то за тридевять земель видите что-то свое, улыбаетесь и хмуритесь попеременно, пока в голове у вас рождаются и исчезают бысролетные мысли. Вот что останется со мной... - Нет, не навсегда. - После.

- Ты действительно хочешь воссоединиться с Ильвой? Раствориться в ней?

- В этом моя единственная надежда. - В глазах Одди что-то брезжило... не знаю что. Ее единственная надежда в том, чтобы вернуться к прежнему существованию игрушки для утех, одержимой самым натуральным призраком из самой натуральной машины? А чего бы ей хотелось, если бы... только если бы... Не спрашивай. Вдруг ответит!

Я сказал:

- Если радушным титанидам можно верить, вся наша надежда - на Марс.

Одди кивнула, потом попросила:

- Займитесь со мной любовью еще раз, мистер Зед. Пожалуйста.

Мне захотелось спросить, чему обязан, но... черт побери, я знал.

Утром Вейяд и Аруэ отвели нас пред светлые очи Совета, в который входило десятка два титанидов обоего пола, в основном пожилых. Эта смехотворно нелепая в кожаной амуниции и серебряных шлемах пузатая и вислобрюхая братия словно выпала из комедийного садомазо, немецкой порнушки того сорта, что пользовалась успехом лет сто назад, до появления интернета.

Помню, на заре деятельности ВОЛа я давал показания не помню какому комитету американского Конгресса. Положение было щекотливое: кое-кто силился доказать, что я по-прежнему гражданин Соединенных Штатов и вдобавок преступник, подлежащий судебному преследованию. Основное, что отложилось у меня в памяти, - никто не пытался докопаться до истины, каждый норовил только уесть другого к собственной вящей славе; охорашиваясь и кривляясь перед камерами, эти мошенники не гнушались ничем, лишь бы добавить грошик в копилку предстоящей избирательной кампании.

В тот давний день я обратил против конгрессменов их собственную надменную глупость; теперь, слушая Вейяда, который шепотом переводил, я счел, что не грех прибегнуть к испытанному приему. Чего боялся Совет? Главным образом, как бы чего не вышло. В чем его требовалось убедить? В том, что игра очень-очень стоит свеч.

Да вы знаете: «Внесите сейчас пятьдесят долларов, и через полтора месяца на ваш счет поступят десять тысяч! По рукам? А теперь, чтобы провести платеж, мне понадобятся номер вашего банковского счета, имя клиента, пароль, код доступа через систему безопасности и контрольные вопросы. Пароль - девичья фамилия вашей матушки? Вау! Кто бы мог подумать...»

Похоронить чаяния конгрессменов тогда оказалось раз плюнуть. Козырем стал секрет модуль-преобразователя, припрятанного на веки вечные там, где им до него не добраться. А сейчас?

Долго ли, коротко ли, среди боданий, грызни и общего маразма настал

черед Оддни высказаться. Она поднялась, и это их уgomонило, а когда открыла рот, тишина вскоре установилась такая, что слышно было бы и знаменитую муху из поговорки.

Речь Оддни сводилась к тому, что, не имея доступа к надлежающим вычислительным мощностям, она вынуждена описать процесс упрощенно, однако путешествия во времени и со сверхсветовыми скоростями осуществляются следующим образом...

В заключение она сказала: «На самом деле нужна только действующая модель - для обратной сборки. Остальное - пустяки, не сложнее космического двигателя огнелисов».

Прежде чем проголосовать за утверждение Третьей марсианской экспедиции, Совет рассусоливал еще час.

Когда мы снова устроились на своем ложе из одеялец, чтобы съесть непривычный, но довольно вкусный обед, я заметил:

- Молодец, Оддни. Подход верный.

Она отозвалась:

- Это наверняка сработает, мистер Зед. Компьютеры здесь лучше тех, что были у землян до появления Ильвы и ей подобных. А я и без доступа к базам данных многое помню, правда. - Она улыбнулась. - Но даже если бы не помнила, у вас было шестьдесят лет на то, чтобы стать хорошим инженером. По-моему, вы знаете больше, чем согласны признать.

Может быть. Ненавижу ставить под удар свою репутацию прилежной посредственности. Я спросил:

- Допустим, дело выгорит. Отправимся обратно?

Пристальный взгляд.

- Думаю, это было бы самое лучшее. Времени у меня не так уж много... а вам рано или поздно понадобится подкрепляющая доза антирадов.

До сих пор я гнал от себя подобные мысли. Она права: рано или поздно чешуя с меня начнет облезать, замещаясь обычной человеческой кожей. Волосы пойдут в рост, и... не знаю. Возможно, после этого я протяну еще лет тридцать-сорок.

- Ты сохранишь самосознание, когда... когда вновь сольешься с Ильвой?

Оддни ответила:

- Неизвестно. Просыпаясь поутру, вы действительно тот, кто накануне ложился спать? - Она усмехнулась. - Ильва - все, что у меня есть. И это надежнее любого придуманного рая, если хотите знать.

Вот и Ильва рассуждает так же. Конечно, я мертв. Сыграл в ящик, зарыт, сгнил в компост. Кроме пары унций нервов, промаринованных и втиснутых в гущу микросхем. Но эти нервы убеждены, что они и есть я. Зачем же разубеждать их? Жива настоящая Ильва или нет, я-то жив.

- Вдобавок, - сказала Оддни, - с недавних пор у меня копятя

изумительные воспоминания. Было бы некрасиво не поделиться ими с девочками.

Я похолодел.

Мы покинули Титан тем же манером, как прилетели, скрючившись под пузырем колпака в летающем блюдце - Аруэ за пилота, Вейяд на корточках между нами, - во главе маленькой эскадрильи таких же тарелочек с теми, кто уцелел в Первой экспедиции и не пропал со Второй. Корабль взмыл в небо, выпростался из пелены красных туч на подъеме к черным звездным просторам, устремился к точке сбоку от бледного, озаренного изнутри Сатурна и... оп-ля.

В небе вновь повисла расплавленная звезда.

Вейяд сказал:

- Она у нас единственная, настраивается на разные пункты назначения внутри Солнечной системы... Сделать другую мы не сумели.

Оддни заметила:

- Удивительно, что ее удалось переместить, ведь обязательна жесткая привязка ко всем точкам прибытия.

- Вам виднее. Мы не знали. Да и забрали с Марса лишь семя. И, пока не прочли несколько тысяч справочников Бессмертных, понятия не имели...

Дверь открылась, и мы пролетели в нее. На другой стороне в небе висел румяно-розовый Марс, оплетенный паутиной каналов. То-то Скиапарелли*¹⁹ порадовался бы, подумал я.. Не говоря уж о Ловелле**²⁰.

Подлинный Марс - наш Марс - представлял собой видимый с орбитальной высоты красный полумесяц с неровной, бороздчатой поверхностью. Если смотреть в сторону лимба, наличие атмосферы выдавала только кайма высотной дымки на черноте безвоздушного пространства. Здесь же край планеты обозначала смазанная синева, а

¹⁹ * *Джованни Вирджинио Скиапарелли (1835-1910) - итальянский астроном. Занимался наблюдением двойных звезд и объектов Солнечной системы, в частности планеты Марс. В 1877 году открыл марсианские каналы, как он назвал обнаруженные им прямые линии на поверхности планеты. Во многом благодаря такому названию в конце XIX - начале XX века получила распространение точка зрения об искусственном происхождении «каналов» и существовании на Марсе цивилизации.*

²⁰ ** *Персиваль Ловелл (1855-1916) - американский бизнесмен, востоковед, дипломат, астроном и математик, исследователь планеты Марс. Основатель и первый директор крупнейшей частной обсерватории в США. Разрабатывал псевдонаучную теорию о существовании на Марсе высокоразвитой цивилизации.*

над красной пустыней плыли розоватые облака.

Мы со свистом вошли в атмосферу, снизились, резво проскочили над вороненой сталью водных артерий и, укрываясь в полумраке, махнули через громадную систему глубоких каньонов. Хотелось думать, что это может быть Долина Маринера или расщелина Копрат, вообще места, где я бывал, где с минувших дней сохранились какие-нибудь знакомые вехи, но... нет. Слишком много времени прошло. К тому же по дну этого ущелья текла мутная красная река.

Мы сели, фонарь кабины открылся; воздух Марса, разреженный и холодный, бритвой полоснул по ноздрям, но дышать было можно. Я без удивления увидел, что титаниды с головы до пят покрылись гусиной кожей, прелестные смугло-коричневые соски Аруэ затвердели и торчат, будто маленькие шишечки, а Оддни дрожит, ёжась.

Оглядев свою шкуру ящера, я сказал:

- Обычно меня бесит, что приходится так выглядеть, но...

Оддни улыбнулась:

- Вы симпатичнее, чем думаете, мистер Зед.

Даже в бытность человеком, услышав такое от женщины, я не верил.

- Сюда, - позвал Вейяд, - вход здесь. Скорее, а то замерзнем!

Экипажи блюдец, держа бластеры на изготовку, строем двинулись вперед и образовали хвост перед металлическим люком, утопленным в стену каньона; их жаркое дыхание длинными султанами колыхалось над головами. Вейяд провернул маховик, и люк отворился; за ним был залитый красным светом коридор. Титаниды по одному полезли внутрь, мы с Оддни - последними: чтобы проникнуть в проем высотой в лучшем случае метр, понадобилось согнуться в три погибели.

Вдвойне довольный тем, что у меня такая дубленая чешуйчатая кожа, я головой вперед нырнул в люк, готовый к тому, что придется долго ползти по узкому туннелю, и...

Шмяк.

Ничком на шершавый серый бетон.

Какого...

Внезапно оробев, я шустро извернулся, присел и, горбясь, щурясь на яркий желтый свет, огляделся, гусакон вытягивая шею, чтобы не набить шишку о... хм. Никакого потолка. Нигде поблизости. Возможно, где-нибудь высоко вверху, далеко-далеко... Краем глаза я заметил, как неуклюже поднимается на ноги Оддни, ободряюще привычная, утешительно голенькая...

- Мистер Зед!

Я полуобернулся на зов, встал и поглядел туда, куда с беспокойством смотрела Оддни. Ч-черт.

Калдан был мне чуть выше колена. Пожирая меня выпученными голубыми глазами без век, он сопел сдвоенной прорезью носа. Рот-сфинктер сложен трубочкой, как для непрерывного свиста, длинные,

тонкие членистые руки с пальчатыми клешнями угрожающе подняты.

Он и впрямь свистнул, тоненько, негромко, и только потом сказал:

- Вот как. Челоматы! Я думал, мелкие паршивцы врут.

Невыразительный среднезападный говорок, как... у кого? Рэймонда Мэсси?^{*21} Обхохочешься. И тогда (дураком родился, дураком помрешь) я выпалил:

- Гхек? И без рикора?

Не знаю, чего я ожидал. На рожон меня толкает неизбывное чувство своего полнейшего бессилия. В ответ он разразился сиплым хихиканьем.

- Нет, меня зовут Варк Фан'ши, и я знаю больше, чем ты думаешь. - Тварь смерила нас взглядом, задержав его на Оддни: - Что ж, определенно не феминный Челомат и едва ли Грезоперсона. - И снова мне: - Кто же ты будешь?

- Можете называть меня мистер Зед, - сообщил я. В ответ - глубокое равнодушие. О-хо-хо. - А это мой добрый друг и коллега Оддни Ильвасдоттир.

Разумеется, по его шарам навывкате ничего нельзя было угадать, однако калдан воззрился на Оддни, приклеился к ней взглядом.

- Ильва? Ильва Йохансен?

И опять мне:

- Прошу извинить. Запомню, что Кавалер-Компаньон Высокочтимой Прародительницы любил называть себя «мистер Зед».

Я подумал: вот ведь хрень. Что дальше? Возвышаясь над маленьким уродцем, Оддни сказала:

- Вы действительно сознаете, что на самом деле я не Ильва Йохансен?

Углы его рта поехали в стороны, кривясь. Эту своеобразную ужимку я посчитал попыткой улыбнуться; обнажилась несимметричная совокупность беззубых розовых десен.

- Да-да, понимаю. Стало быть, дубль-тело?

- Верно.

- И тем не менее ипостась Высокочтимой Прародительницы, пусть и не столь опасная для текущей реальности.

Оддни сказала:

- Я знаю, что Ильвы Йохансен нигде поблизости нет, не то я... услышала бы ее.

- Любопытно, - сказала существо. - Нет, уничтожив Землю, Высокочтимая Прародительница превратилась в Первообраз.

Я переспросил:

- В первообраз?

- В компьютерный призрак, существующий лишь благодаря подпитке

²¹ * *Американский актер.*

от ноосферы.

- Ого!

Новая ужимка.

- Вижу, вы понимаете.

Оддни (в ее глазах стояла утонченная боль) сказала:

- Почему она убила себя?

- Неизвестно. И почему ей вздумалось прихватить с собой всех Бессмертных, кроме тех немногих, кто тоже перебрался на Марс. - Калданы по определению не владеют мимикой, но так и хотелось высмотреть в этих громадных глазах что-нибудь вроде щемящей тоски.

- Мы не собирались задерживаться здесь по окончании проекта «Второе цветение», однако...

Я сказал:

- И тогда вы с сородичами создали маленьких людей, населяющих окрестности Юпитера и Сатурна.

- Их предков. Около семисот миллионов лет назад мы расселили человечков на Марсе. А относительно недавно, когда затея нам наскучила и Марс стал возвращаться к исходному состоянию, перебросили их на Юпитер.

- Сколько вас в этом участвовало?

- Сначала? Ну-у... тысяча... две... три... Большинство давно покончило с собой, разумеется. Все, кроме горстки тех, что грезили и грезили в своих убежищах, ожидая невесть чего, а возможно, ничего не ожидая. Я, вероятно, последний ныне здравствующий Бессмертный.

Последний Бессмертный? А я?..

- Я в числе грезящих? Или в числе мертвых?

- Вы?.. А, понятно. Нет, мистер Зед. Если память мне не изменяет, вы не вернулись с Войны.

Меня пробрал озноб.

- Пал в бою?

- Наверяд ли. Согласно преданию, вы связали судьбу с осколками империи Вертопрядов, с последними из Звездоз, с оптимодами и ордой рободеток из эры Челоматов.

- Но не с Ильвой?

- Полагаю, вы велели ей приглядывать за уцелевшими людьми, и, выполняя наказ, она сотворила Бессмертных.

Оддни сказала:

- Зачем вы создали маленьких людей?

Сдавленный смешок.

- От скуки. Исключительно от скуки.

Это я мог себе представить. Так много времени. Так мало дел. Не диво, что их потянуло сводить счеты с жизнью. Неудивительно, что Ильва в конце концов прикончила их.

- Куда вы дели Вейяда и Аруэ? И экипаж?

- Отрядил в состав Второй экспедиции.
- На Уран? - Люди на борту того корабля были мертвы.

Глазищи на долю секунды остановились на мне.

- Какой Уран? Я поместил их в изолированную петлю времени.

Я ненадолго онемел, внутренне заметавшись между сногшибательными возможными толкованиями этих слов, а затем рассказал Варку Фан'ши о брошенном звездолете и о том, как мы попали в его здесь и сейчас.

Огромные глаза смотрели без выражения. Калдан сказал, пришепетывая:

- Да, скверно.

- Почему?

- Ах-х... Техника устарела. Сильно устарела. Не всегда оправдывает ожидания.

Оддни проговорила:

- И вы скинули кусок будущего - свое настоящее - в ближнее прошлое. Конформный парадокс? - изумился я.

Калдан сказал:

- Это полбеды. Беда, что вы вообще здесь очутились. Ничейный звездолет унесло в прошлое. Вы нашли его. Из этой точки пересечения должна была прорасти новая временная нить, параллельная моей, чтобы в конце концов вы попали в будущее по ней. А на поверку...

Я сказал:

- Насколько мне известно, перемещения в конформном времени невозможны.

Существо ответило:

- И насколько известно мне. Но случайности... риск...

- Как вы намерены с нами поступить? - спросила Оддни.

Долгое молчание.

- Э... Отослать вас обратно тем же путем, каким вы сюда попали, нельзя...

Я спросил:

- Почему это?

Опять гримаса.

- Даже если бы все получилось - о чем можно узнать лишь на опыте, - это означало бы, что мы сами застряли в петле времени, которую я нечаянно мог создать, пытаюсь водворить в подобное же образование Вторую экспедицию.

- Серьезная загвоздка.

- Да. Я виноват. Мне и расхлебывать. Нет, даже будь это в моих силах, вы двое - особенно вы, мистер Зед, - теперь знаете о грядущем слишком много. Вдруг вам вздумается предвосхищать события, или ускорять, или обеспечивать их непременность... все это могло бы закольцевать мою собственную веточку, отщипнуть и... Нет. Чересчур

опасно.

- Значит?..

- М-м... вероятно, я пристрою вас туда, где вам, будем надеяться, удастся породить новую ветвь, собственную. Куда-нибудь подальше в прошлое, чтобы это не сказалось на мне.

Послышался мягкий треск, словно что-то рвалось, и в воздухе открылась дверь во мрак; оттуда пахнуло холодным ветром, смрадом мокрой растительной гнили.

- Ступайте, - Варк Фан'ши указал клешней на дыру в ткани пространства-времени, - пора.

Невидимая рука толкнула нас за дверь, пальцы инерции безжалостно увлекли за порог. Мы, дрожа, стояли в холодной сырой тьме, босиком на колкой крошке. Из пространственно-временной прорехи лился свет. Варк Фан'ши на той стороне приподнял клешню, словно прощаясь. Калдан крикнул: «Счастливо оставаться...»

Прореха срослась и исчезла. Мы остались наедине с тихими шорохами ночи.

Оддни сделала глубокий вдох и сказала:

- Пахнет отвратительно. - Ее неясный силуэт тихонько попрыгал, белая кожа в скудном свете неизвестного происхождения. - Сила тяготения - примерно один грав. Может, мы на Земле.

Я осторожно принюхался.

- Гм. Плесень и что-то... странно знакомое, будто бы... а! Побочные продукты окисления углеводов. - Мои глаза мало-помалу привыкали к темноте, и наконец я сумел различить очертания обступавших нас деревьев; сквозь кроны сочилось свечение ночного неба, местами яркое, кое-где потусклее. Звезды. А то и луна. Такая апельсиновая?.. - Идем-ка вон туда.

- Зачем?

- Что-то подсказывает мне: это светятся пары натрия. - Ее устремленные на меня глаза заблестели. - Уличные фонари.

- Кажется, вы знаете, где мы...

Я сказал:

- Айда.

Мы зашагали среди деревьев. Почва под ногами шла под уклон, уводя вниз; ночь становилась все более сырой и холодной, встречный ветер - пронизывающим. Лес внезапно кончился. Мы стояли на вершине длинного травянистого холма. Повсюду у его подножия и оторочкой на одном боку пестрели коробочки домов... домов, каких я не видел с тех пор, как на исходе третьего десятилетия двадцать первого века навсегда покинул Землю.

- Мистер Зед?

Я вздохнул. Это место. Это время. Такие четкие в фокусе памяти, такие обыкновенные и такие незабываемые.

- Вы знаете, куда мы попали?

- Да. Посреди восточного побережья Соединенных Штатов. Близ Вашингтона, округ Колумбия. Что касается «когда»...

Оддни оглядела окрестный пейзаж, дома, звездное небо над головой.

- Немножко похоже на воспоминания, доставшиеся мне от Ильвы.

Я сказал:

- Она родилась на полстолетия позже, чем я. Жизнь успела измениться.

За домами у подошвы холма урчал мотор, по улице медленно ехала машина, выхватывая фарами закоулки, скрытые во мраке между фонарями. Перед капотом промелькнула неясная тень; машина резко притормозила, потом умчалась.

- Эти плоские плавники сзади... пожалуй, «шевроле-бискейн» пятьдесят девятого года? Отец ездил на таком, когда я был мальчишкой.

- И?..

- Намек, в каком именно «когда» мы могли очутиться. - Будто я еще не понял! Я предложил: - Надо бы одеться. Если нас застукают в таком виде, в полиции тебя изнасилуют, а потом нас обоих передадут ВВС.

- ВВС? Зачем?..

Я негромко рассмеялся.

- Посмотри на меня, Оддни. Я похож на человека? Люди из проекта «Синяя книга» обгадятся от счастья. Идем. Машина показалась мне довольно новой. Если сейчас начало шестидесятых, в каждом дворе сушится белье. Отдельные граждане, помнится, ленились уносить его на ночь в дом... а от росы оно просто отсыревает.

Она спросила:

- Мы здесь застряли?

Я пожал плечами.

- Если я верно угадал место и время, чертова бестолочь калдан целился сварганить еще одну петлю времени. Отсюда вывод: как это делается, ему невдомек.

- И нам тоже?

Прожить в этом здесь и сейчас оказалось на удивление легко, хотя оно помнилось мне трудным и опасным, пугающим и мудреным. Законы перспективы, я полагаю. Избирательность памяти. Стоило умыкнуть с безнадзорных бельевых веревок одежду, и нам в распоряжение достался почти пустынный мир, участки неухоженной лесополосы, где ни души: до бездомных еще лет тридцать, бродяги в большинстве своем - достояние кинематографической мифологии прошлого.

Бесконечные квадратные мили тесных коробочек. Дети приговорены к заточению в так называемых школах. Домохозяйки пьют кофе и ведут

усобицы. Строить глазки некому: рассыльные повывелись, молочника разорили сетевые супермаркеты, а газеты затемно разносит ребятня. Помню, уединение Марумско-Виллидж, где перемолвиться словечком не с кем, разве что с младенцами да друг с дружкой, доводило мамулю и ее приятельниц буквально до исступления.

Совпадение ли, что Варк Фан'ши выдворил нас именно сюда? Не узнать. Не спросить. Случайность? Маловероятно.

К северу по трассе № 1^{*22}, чуть южнее реки Ококван, лежали трущобы - лачуги, стоянки трейлеров и старая типовая застройка, где приходилось ютиться белой бедноте. Я отправился туда разжиться монетой, оставив Оддни в укрытии, и ограбил пьяного, который брел вдоль железной дороги. Разумеется, он отлично разглядел меня при свете полной луны и, пока я выворачивал его карманы, то жалобно причитал, то бранился. Обозвал меня «черномазым», и я смекнул, где полиция станет искать злоумышленника, если вообще почешется.

Однажды студеным промозглым утром мы отправились в «Аптекарский магазин Рексолла» к исконному въезду в Марумско-Виллидж, по соседству с обшарпанным зачатком торгового центра на шоссе № 123 (те, кому привелось жить в самом начале двадцать первого века, назвали бы его моллом): бензоколонка «Тексако», круглосуточный магазинчик «Полезная мелочь, филиал № 2», «Лунная пицца Мэнни», - и купили по экземпляру всех газет, какие отыскались.

Поразительное разнообразие. «Вашингтон пост», «Ивниг стар», «Дейли ньюс», «Джорнал мессенджер», «Потомак ньюс», остальных я не припоминал вовсе. Когда они почили в бозе, эти средоточия скучнейшего суесловия?

Газеты были от 3 декабря 1962 года, и новости решительно не совпадали с тем, что сберегла моя память. То, да не то... Помнится, «Восток-3» и «Восток-4» провели в августе групповой космический полет, но ведь два следующих, пятый и шестой «Востоки», последний - с женщиной на борту, запустили чуть не годом позже? По всему выходило, что в этом здесь и сейчас «Восток-5» с экипажем из двух человек стартовал с Земли в День благодарения, и полет еще продолжался: Павел Попович и Владимир Комаров, успешно завершая первую неделю в космосе, вели с борта корабля прямую телетрансляцию; прилагались полученные с орбиты снимки - дым над австро-венгерскими рубежами, где кипели боевые действия.

Президент Кеннеди, говорилось в передовице «Пост», рассматривает вопрос о санкционированном применении тактического ядерного

²² * Трасса № 1 - главная трасса Соединенных Штатов Америки, проходящая с севера на юг через всю страну вдоль побережья Атлантического океана, от Ку-Уэст во Флориде до Форт-Кента (Мэйн) у канадской границы. Общая протяженность 3825 км.

оружия в случае, если советские войска в двадцать четыре часа не прекратят наступление на Вену.

Сколько я помнил, к этому времени Карибский кризис уже миновал и люди с облегчением перевели дух, осознав, что, пожалуй, им суждено отпраздновать еще одно Рождество.

Толстая кассирша, прыщавая деваха с уложенными как у героини сериала «Я люблю Люси» короткими, медно-рыжими крашеными локонами (я смутно припоминал ее, отчего она словно бы слегка двоилась), тарасилась на меня, не решаясь взять мелочь с моей ладони, пока Оддни не нагнулась к ней и не прошептала сердитой «Ради бога! Папу очень смущает состояние его кожи. Это не заразно!».

Деваха буркнула «извиняюсь», но мешкала. Я шваркнул деньги на прилавок, развернулся, ринулся прочь. И прирос к месту.

Трое мальчишек зашли в магазин и сворачивали к выгородке «Печать» у входа, где вдоль стены, около вертушки с комиксами и стойки с книгами в мягких обложках, были расставлены газеты и журналы. Один из мальчиков, рослый, раскормленный, с взъерошенными черными волосами, уже тянулся к нижней полке, к «Плейбою», который в эту пору невинности продавали без полиэтиленовой обертки. Второй, пониже ростом, симпатичный курносый шатен, встав у приятеля за спиной, с улыбкой разглядывал через его плечо холеную, упитанную, аккуратно подретушированную молодую фотомоделю.

Третий мальчик - темноволосый, обросший, взлохмаченный, в мятой, грязной одежонке - зарделся, попятился, отвернулся к стойке-карусели и выбрал комикс с пещерным человеком и птеродактилем на обложке. «Турок, сын Камня»? Меня вдруг обуяло яростное желание присоединиться к нему у вертушки, в голове стучало: «Господи Иисусе! Все отдам, лишь бы прочесть это... здесь и сейчас...».

Мальчик внезапно поднял голову, возможно, почуяв на себе мой взгляд, и присмотрелся ко мне, без брезгливости, только с любопытством и... неприязнью? Почему? В свое время взрослые мужчины не вызывали у меня отвращения или ненависти. Я просто опасался их и того, на что они способны. Взгляд мальчика двинулся дальше, упал на Оддни Прекрасную, дрогнул, скользнул вбок, вернулся, задержался. Мальчик покраснел и уткнулся в комикс, повернувшись к нам спиной, - очень скованный, страшно смущенный.

Я обратился к Оддни.

- Ты что сделала?

- Сделала? Ничего. Посмотрела ему в глаза.

Хорошенькое «ничего»! Бедняга, наверное, сейчас грянется в обморок от жгучего стыда в сочетании с мучительным желанием. И от привычного уже страха, что каждому понятно, о чем он думает, особенно женщинам.

Оддни спросила:

- Вы знаете этих мальчиков?

Я со всем усердием постарался воскресить в памяти этот день. Слишком много их было, таких. Мы приходили сюда не реже раза в неделю, полистать комиксы и выпить у фонтанчика с газировкой по шоколадной коле. Боже ты мой, я и сейчас помню ее вкус! Ничего подобного в нашем наиновейшем мире не было.

Запомнил бы я день, когда увидел старикана с физиономией в парше, слегка похожего на Бена Гримма, человека с ну очень сильной экземой? Вероятно, нет. А как насчет потрясающей красоты, несуразно выряженной в грубые, скверно сидящие мужские шмотки?

Возможно. Но я не помнил.

- Жирдяя звать Ларри, смазливого - Нил. Противный юнец с комиксом

- Алан. Двое других дразнят его Чучело-Беркучело.

Она испуганно взглянула на меня.

- Алан Берк? Но...

Снова посмотрела на троицу. Я медленно кивнул.

- Да.

- Значит, мы в вашем прошлом? Не стыкуется с тем, что говорил калдан.

Я сказал:

- Да, но к моим двенадцати годам Карибский кризис благополучно миновал. Здесь и сейчас - нет. Я, кажется, подозреваю, куда Варк Фан'ши мог нас отослать. Прорастить собственную ветвь? Сволочь!

Я повысил голос; Алан Берк опять обернулся. В его глазах пылало то, что литературные поденщики прежних дней, чьими опусами я тогда зачитывался, не сговариваясь, назвали бы «безумной догадкой». Я грубо бросил Оддни:

- Потопали. Лучше убраться отсюда, пока он не догадался, кто мы.

Снаружи с серого неба вяло сыпалась ледяная морось.

Тяжело было сообразить, что следует предпринять - что можно предпринять - в этой диковатой версии прошлого. В лесах над Марумско-Виллидж, откуда вскоре предстояло вынырнуть автостраде I-95, царило относительное безлюдье. Мне удалось стянуть большой кусок брезента, и мы соорудили маленький шатер, чтобы оставаться неподалеку от того места, где нас вытряхнуло из гипердвери.

Бессмысленно, но... что делать? Куда податься? Угнать машину? И укатить... куда, даже если допустить, что в эпоху до компьютеризации отделов дорожной полиции нас не поймают? Вся старая фантастика, все, о чем я читал и думал, все, о чем противный сопляк Алан Берк, должно быть, думал и теперь, внезапно напомнило о себе, но... без толку. Ну да, конечно - угнать машину, рвануть во Флориду, украсть деньги, вложить их в определенные акции. Кеннеди на будущий год убьют, и, пожалуй, я мог бы...

А убьют ли?

Если верить ежедневным газетам, которые я продолжал покупать, обстановка ухудшалась. Советы форсировали Дунай и взяли Вену. Кеннеди только бушевал попусту. Советы вторглись в Западную Германию и напали на Мюнхен. Опять пустые угрозы.

Солнечным воскресным утром перед Рождеством я сидел на опушке леса и смотрел с длинного, припорошенного снегом склона в сторону близкой окраины Марумско-Виллидж, зная, что в сером доме с синими ставнями Алан Берк гадает, подарят ли ему вождеденный химический набор за сто долларов.

А моя Сара? Где она сейчас? Где-то на севере, в Мичигане, и ей двенадцать. Поехать бы туда, познакомиться... Вот бы жизнь пошла, совсем новая, и для нее, и для меня!.. Вздор. Не для меня. При чем тут дряхлый челоющер?

Сара и Алан Берк? Чучело-Беркучело, не укрощенный десятилетиями горестей и невзгод? Трудно представить.

По улицам ехали машины, где-то лаяли собаки. Я понимал: нужно выбираться отсюда, пока кто-нибудь не обнаружил нас и не вызвал полицию. Снова один как перст. Снова победа или смерть. Давай, блесни! Ты всегда побеждаешь, при любых раскладах... Но Оддни не прожить и пяти лет. Как быть с этим?

Почву под моими ягодицами пронизала легчайшая дрожь.

Землетрясение? В Северной Виргинии? Маловероятно, хотя не исключено. Или большой грузовик на соседней улице? А ну-ка поглядим... Чувствуя непонятный зуд в загривке, я задрал голову и посмотрел на небо. У северного горизонта догорал странный желтый свет. Мягкая дрожь повторилась, и чуть восточнее первого зарева расцвело новое, ярче прежнего, - слепящая дуга чуть шире предыдущей.

Взвыли пожарные сирены, установленные на телеграфных столбах по всей Марумско-Виллидж.

Должно быть, в сером доме внизу родители Алана Берка оцепенело всматривались в экран старенького черно-белого телевизора «Моторола», где, если им повезло, висел значок оповещения о радиационной опасности и голос за кадром вещал: «В случае объявления в стране чрезвычайного положения...».

Сам Алан, точно зная, к чему все эти сполохи, подземные толчки и сирены, наверняка прилип к окну своей спальни. Что он чувствует? Страх? Ликование?

Я поднялся. Оддни тотчас вышла из леса и остановилась у меня за спиной, прикрывая глаза ладонью.

Она сказала:

- Полагаю, это керн-атомные взрывы?

Я кивнул. Балтимор?.. Во всяком случае, севернее Вашингтона. Никто

пока не знает, насколько точны советские МКБР. Может, промазали?

Что-то крепко наподдало мне в подошвы. Я едва устоял на ногах и испуганно отпрянул от нестерпимо яркой сине-лиловой вспышки в небе, а когда опять посмотрел, из-за горизонта поднимался пухлый шар клубящегося оранжевого огня. За ним тянулся столб красного дыма, и этот дым уже принимал форму грибовидного облака.

Мы без единого слова развернулись и припустили в лес, к биваку. Мир был объят тишиной, но я вдруг расслышал вкрадчивый шорох: поднимался ветер. Далеко? Как это будет? Как в учебных лентах, которые показывали в школе, и в рассекреченных фильмах, которые я видел много позже: деревья согнутся, резко хлестнут обратно и, ломаясь, полягут на землю, а нас расплющит ударной волной?

Добраться до шатра не удалось. Мы пробежали мимо полянки, над которой когда-то открылась гипердверь, и внезапно в воздухе возникло мельтешение, словно что-то появлялось и исчезало.

Налетел губительный ветер, дохнул над нами, деревья со стоном заходили ходуном, однако довольно далеко.

Оддни повернулась ко мне и сказала:

- Керн-атомные взрывы создают гравитационные и электромагнитные возмущения во всех частях эфира.

По меньшей мере, гравитационные и электрослабые.

- А двери неперемещаемы.

- Нет, если семя посеяно.

Земля жажнула по ногам, лучи ярчайшего белого света прошли голову, в животе ворохнулись колючие мурашки. Мне нечего бояться. Почти. Но Оддни... никакими челящерскими лекарствами ее не...

Деревья вокруг нас принялись трещать и гнуться. В воздухе отверзлась дверь, словно разинуло зубастую пасть кусачее чудище из комикса ужасов.

Я схватил Оддни за руку (или она меня), мы шагнули в проем - и оступились, обо что-то споткнувшись. Выпустив Оддни, я, раскинув руки, рухнул на зеленый дерн. Перевернулся, загородился ладонью от неба, где разливалось желто-белое резкое сияние, и оглянулся на гипердверь.

Она зияла, непристойно раззявленная, как порнографические губы, а за ней в мире, объятom воющим ужасом, рушились деревья, буйствовало алое пламя, и я подумал: Алан. Алан Берк. Чучело-Беркучело. Погиб. Как пить дать погиб... Гипердверь с тихим бульканьем захлопнулась, будто сглотнула, превратилась в клочок синего дыма и испарилась.

Наверху ослепительное небо было просто светлым, ярким, васильково-синим; высокая, мягкая трава подо мной - изумрудной; вокруг деревья, шелест ласкового ветерка, негромкая птичья переключка: трели, щебет, и кто-то один изредка вставляет не в лад

звучное «чирик».

Оддни стояла подбоченясь и то озиралась по сторонам, то с изумлением оглядывала небо.

Я поднялся и спросил:

- Все еще на Земле?

- Полагаю, да, - сказала она, - но где? И когда? И, кстати, в каком «когда»?

- Будем надеяться, за следующим холмом не рыщет стая аллозавров...

- Водятся ли аллозавры в мире, где есть птицы и трава? Нет. В юре птицы, пожалуй, уже могли быть, но не певчие. А трава появилась не раньше мелового периода.

- И пахнет здесь как-то чудно. Не горелым белком, а как-то... неестественно.

Я потянул носом. Слабо веет... чем? Черт, не знаю. Электричеством? Озоном?

- Можно побродить по округе. По крайней мере, на этот раз мы в башмаках. - Украсть ботинки не составило труда. Тип, у которого я их отобрал, так перетрусил, что, стоило ткнуть в обувь пальцем, скинул ее и, всхлипывая, босой задал стрекача. За туфлями для Оддни пришлось вломиться в обувной магазин. К счастью, охранную сигнализацию почти нигде еще не устанавливали.

И все же заметка в «Потомак ньюс» насчет «обезображенного грабителя» дала мне понять, что наше время здесь истекает. В каком бы «там» это «здесь» ни оказалось.

Лес кончился раньше, чем я ожидал, в километре от точки нашего перехода, не больше. Мы вновь очутились на вершине обширного склона. От изумления я аж присвистнул, тихо, протяжно. На многие гектары - море зеленой травы, а на траве повсюду отдыхающие на ярких пледах. Пикники. Стайки резвящейся детворы. Кое-где молодежь обоего пола играла в бейсбол, клянусь! Большой черный пес с радостным лаем гонялся за красной тарелочкой фрисби.

Еще дальше к окутанному дымкой горизонту уходил замысловатый городской пейзаж, мозаика белых, охряных и красных кирпичных зданий. Мы развернулись и двинулись вдоль края леса, и, чем дальше шли, тем больше видов склона и города открывалось перед нами, разных, но неизменно вариаций на тему, что вкупе слагало однообразие.

В конце концов я сказал:

- Что ж, определенно не северные штаты. Не Трантор и даже не столичная планета из уродских «Звездных войн», как ее...

Оддни откликнулась:

- Ильва обожала это кино. И телесериал, и комиксы, и книги по фильмам. И игрушки, и альтернативную историю...

Мы спустились с пологого холма в собственно город. Несложно было приблизительно угадать, где мы и в каком времени. Бесспорно на Земле, и...

М-да. Все здесь лакомились на свежем воздухе. И выглядели более или менее по-человечески. Одни - люди как люди, другие - ящероватые, вроде меня. Кто в одежде, кто нагишом, и, похоже, никого не волновали чужие предпочтения. Пожилой чешуйчатый челоящер с бисеринками глаз, которого сопровождала роскошная блондинка в старинной, середины двадцатого века, мешковатой робе с чужого плеча, конечно же, не привлек внимания. Между отдыхающими кое-где попадались девчушки - маленькие, похожие на мальчиков, странно одинаковые.

Уже в городе, шагая по длинному, широкому проспекту, я сказал:

- Здесь чертовски тихо.

Слабо посвистывает, огибая углы зданий, свежий ветерок. Клейко прошуршат по мостовой пружинящие шины случайного автомобиля. Однако не слышно ни рычания двигателей, ни жужжания электромоторов, как у гибридов начала двадцать первого века, ни лязга поршней пневматики, как в более поздних моделях.

Шаркают ноги сотен людей, идущих по той же улице. Изредка кто-нибудь чихнет или высморкается.

Я спросил:

- Почему все молчат?

Одна из мальчикодевочек рядом со мной немедленно обернулась, окинула меня странным взглядом, отвернулась к такой же девчушке и пожалала плечами; обе прыснули, с веселым изумлением переглянулись и пошли дальше.

Оддни сказала:

- Максимально усиливая сигнал, мне удастся перехватывать значительную часть радиообмена, но ничего, что я могла бы дешифровать. - Быстрый затравленный взгляд. - От этого я еще острее чувствую свою... потерянность.

Там, в нашей реальности, у нее было хоть одно утешение - постоянная связь с Ильвой. Обещание вечности в грядущем мире, пусть жизнь Оддни мало отличалась от жизни механического приспособления, устройства для вычерчивания проекций бытия мертвой особы, которой хотелось видеть свою дублершу преимущественно моей постельной игрушкой.

Оддни зримо стряхнула неведомые мне чувства и сказала:

- Не знаю, по чистому везению или нет, но мы, кажется, попали в какую-то разновидность эры Челоматов. Если и существует вероятностная нить, где мы могли бы отыскать помощь, это она.

Везение? Чертовски сомнительно!

Но я сказал:

- Возможно... У меня кишки свело. Давай посмотрим, нельзя ли где перекусить.

Мы двинулись дальше, и в зловещем молчании масс я начал приглядываться к макушкам горожан, гадая, не увижу ли рано или поздно какие-нибудь золотистые щупики.

Опознать ресторан удалось без особых усилий. Перед ним на тротуаре стояли кофейные столики, распахнутую дверь перегородивала завеса мерцания, давшего о себе знать, когда мы прошли насквозь, лишь эфемерным покалыванием.

Я помнил это из миллиона книжек. Силовое поле. Воспетый старой фантастикой великий технологический прорыв из тех, которым вещественный мир отказал в праве на существование ввиду их умозрительности. Что есть силовое поле, в конце-то концов? Межмолекулярные или межатомные взаимодействия внутри материи, сохраненные в отсутствие материи?

Миллион раз самопровозглашенные гении с презрением объясняли мне, почему это возможно, вы поймите, только... правильно. Никаких треклятых силовых полей в треклятом реальном мире, присно и вовеки.

В ресторанчике мы постояли и подождали, наблюдая, как люди за столиками безмолвно общаются за трапезой. Ладно: ножи, вилки, ложки - стало быть, едят здесь, обходясь без телекинеза. Однако ни официантов, ни роботов, ни маленьких подъемников, которые доставляли бы заказ прямо из столешницы. Просто кто-то уходил, кто-то приходил, а стоило на секунду отвлечься, и они уже потребляли другую пищу из другой посуды.

Телепортация?

Хорошо бы увидеть, по крайней мере, как тарелка с объедками исчезает, уступая место дымящимся горкам новой еды. Значит... что? Какая-то разновидность эффекта наблюдателя, местный антропный принцип? «Пока я смотрю, ничего произойти не может»?

Я скосил глаза на Одди: не заметила ли она чего-нибудь необычного? Нет? Я вздохнул и сказал:

- Чувствую себя кроманьонцем в «Макдональдсе».

Она взглянула на меня и улыбнулась:

- Тогда кто я, неандерталец?

Опять продолжительный осмотр зала, полного едоков.

- Надо думать, братцы ящеры - это Челоматы, а девочки-худышки - первые Бессмертные, но немало и нормальных людей. Если бы только кто-нибудь что-нибудь сказал... - Дудки. За столиками ели, жестикулировали, строили выразительные мины. Но челюстями двигали, исключительно чтобы жевать. - Обыкновенное радио, верно?

Она кивнула.

- Скорее всего. Думаю, умеют они читать мысли, надобность в языке

тела отпала бы.

- И так, у всех тут мозги подключены к единой информационной сети. - В мире, который мы покинули, произошло почти то же: виртуальная реальность на Земле развивалась и совершенствовалась, и чем изощреннее становились технологии, тем безнадежнее отставал прежний интернет. Позволить себе вживание могли немногие, но нейроиндукционные обручи на головах стали обыденностью почти повсеместно.

Оддни сказала:

- Логично. Я очень старалась дешифровать поток сигналов, которые удается засечь. Бесполезно. Слишком многое изменилось.

И никак не определить, сколько конформных лет отделяет нас от того дня, когда мы спустились в атмосферу Урана. Что до лет вероятностных... Бог знает. Наверное, он один. Разве еще калдан? Вряд ли. Я бы сказал, он сел в калошу. Отсек себя вместо нас.

- Ты пробовала вещать по их сети?

Медленный кивок.

- Если я для них хотя бы треск помех, определить это невозможно. Обычным разговором мы добьемся большего. - Беглые взгляды из всех концов зала, неодобрение. - Думаю, говорить вслух на людях считается здесь... дурным тоном.

Как ковырять в носу или почесываться?

- Давай подберемся к только что накрытому столику и отоваримся. Что скажешь?

Она ухмыльнулась.

- А вдруг нас арестуют?

Тут пятючок воздуха между нами сделался стеклянистым, и в нем развернулось знакомое изображение Ильвы Йоханссен.

- Наконец-то, - сказала она с видимым облегчением!

Повсюду вокруг нас едоки в смятении вскакивали из-за столиков и устремлялись к двери, внезапно позабыв про тарелки, от которых валил пар. Удивительно? Теперь уже не знаю. Я вздохнул.

- Похоже, это единственный способ пообедать.

Я уселся за ближайший освободившийся столик и окинул взглядом миски и тарелки с непонятной размазней и... рисом? Восточная кухня? Эта пакость - шаурма?

Оддни села напротив меня, однако смотрела только на изображение своего истинного «я». Этакое набожное восхищение с примесью... не знаю. Сожаления?

Ильва рассмеялась и, глядя на свое блудное дубль-тело, сказала:

- Вижу, вижу, по-прежнему молодцом. Прости, родная, восстановить связь и провести наложение текущих данных я не могу. Технологии изменились слишком сильно.

Оддни не поднимала глаз, но... что это, робкий лучик надежды? Какой,

черт побери, надежды - умереть без покаяния? Неужели ей так дорого собственное «я»? А насколько мне дорого мое? Отрекся бы мистер Зед от себя ради бессмертия, цена которому - растворение в чужой личности? Я говорю «нет», но я не поставлен перед таким выбором. Покуда мне доступны мои снадобья, жизнь челоящера хочешь не хочешь продолжается.

Оддни прошептала:

- Значит...

Ильва на картинке ужаснулась:

- Да нет же, дорогие! Прежде чем отослать вас обратно, я могла бы провести определенные обновления, чтобы помочь вам воспрянуть духом. За минувшие несколько тысячелетий я кое-чему научилась.

Несколько тысячелетий! Я вполголоса сказал:

- Что значит «прежде чем отослать вас обратно»?

Свой дворец, Капитолий Солнечной системы, Ильва Йоханссен окрестила Венерарием, воздавая должное богине... и с шутливым намеком.

В детстве, незадолго до того как Третья мировая развеяла их на атомы (или незадолго до того как вырасти в более или менее ничтожных взрослых), Алан Берк и Ларри Пернотто сочинили роман под названием «Венерийцы». Ларри выступал в нем в обличье Ритериона, виакора материка Ситнальты, Алан же, притязая на большее величие, стал Алендаром, виадетом планеты.

Их мир был густо замешан на Эдгаре Райсе Берроузе и тонко приправлен приключениями звездного кадета Тома Корбетта. Полагаю, будь Алендар в то время достаточно зрелым, чтобы понимать подобный юмор, с него сталось бы назвать столицу Венеринхольм. Однако он нарек ее Венерарий - острота совсем иного пошиба.

Мы с Оддни в вышине, на балконе у парапета, любовались подступавшими вплотную к великолепию лиловых гор янтарными равнинами, перевитыми, сколько хватал глаз, лентой туманного, сказочного городского пейзажа. Дворец стоял на высоком пике с плоской вершиной - на Гатоле, а то и на Венеринхольме. Обнаружив, что Ильва в честь сами-знаете-чего переименовала Марс в Татуин, я боялся спросить.

Очеловеченному суперкомпьютеру позволено куролесить напропалую. Никто слова поперек не скажет. Каким крошечным адом могли быть последние три тысячи лет?

Оддни, душистая после ванны, переоделась в платье из полупрозрачного шелка, чуть парусившее на теплом ветру, который дул с отягощенной плодами равнины внизу. Я обнимал Оддни за талию, наслаждаясь мягкостью кожи под нежной тканью. Мысли вертелись около сами-знаете-чего. Не того сами-знаете-чего, где

Татуин, но вертелись, вертелись.

Я тоже с удовольствием принял душ, однако от одежды отказался и теперь стоял в своей пупырчатой, сизо-зеленой наготе рептилии, дерзко бросая вызов... тому, чему здесь и сейчас можно было дерзко бросить вызов.

Ильва с парившей возле нас «камеи» в оспинках статики сказала:

- Простите великодушно, что картинка такая плоская. На протяжении двадцати трех веков люди рождались с нейрорадиотелепатическими трансиверами в стволе головного мозга, и старые средства коммуникации в буквальном смысле отправились на свалку. Вы видите лучшее, что удалось состряпать на скорую руку.

Я попробовал представить себе последовательность манипуляций с генами, которая привела бы к подобному результату, и решил: лучше думать о чем-нибудь другом. О чем угодно другом.

Оддни в моих объятиях повернулась к Ильве и сказала:

- Если бы нам захотелось остаться здесь, мы могли бы получить имплантаты? - Легко было догадаться, что у нее на уме. Диббук вновь угнездится в ее сознании, и она обретет целостность. Потом я подумал про собственный «имплантат» и что это означало бы. Меня передернуло.

Ильва сказала:

- Без малейшего труда. Вскоре после ваших времен я научилась успешно выращивать частичные дубль-тела, и посмотрели бы вы, что мы умеем теперь! - В ее глазах зажегся маниакальный огонь.

Меня вдруг посетило видение грядущих времен. Не только Оддни, повторно включенная в более грандиозное целое Богини Ильвы, но и я сам. Череп вскрыт и начинен биологически совместимой машинерией; очнувшись, я обнаруживаю... что?

Ильва сказала:

- Извини. Вам нельзя остаться.

Оддни потупилась.

Значит, смерть. Настоящая смерть. Совсем скоро.

Но я пережил миг эгоистического облегчения: спасен.

- И куда мы? Снова через дверь на Уран? Что в этом проку?

Ильва улыбнулась.

- Варк Фан'ши постарался разыскать и уничтожить все гипердвери в истории человечества, на всех вероятностных ветвях времени, кроме той, где правит сам. Его цель - наглухо замуровать любые лазейки в метаисторию, тогда ничто не сможет влиять на его судьбу. Мои телесные воплощения - единственное препятствие на его пути.

Здрате, приехали! «Война перемен»? Не совсем, но очень похоже. Я спросил:

- И?..

- Звездолет из атмосферы Урана исчез. Я отправила людей за

«Бентодином-II». Оказалось, что и на борту, и вокруг пусто. Мне потребовалось немало времени, чтобы вникнуть в происходящее и начать искать вас, мистер Зед.

- Значит, нам нельзя вернуться, - сказала Оддни, и я увидел в ее глазах душераздирающее смешение надежды и отчаяния. Иисусе. Не хотел бы я сейчас решать за нее.

- Мы все равно не можем отправиться назад прямо по ветви конформного времени. При условии, - я посмотрел на Ильву, - что именно с нее мы сорвались.

- Не можете. То прошлое уже не существует. Сохранилась лишь его тень, запечатленная поверх субстанции настоящего. Зато калдан прозевал гипердверь, укрытую титанидами на Венере. Юпитериане о ней не знали, и Варк Фан'ши не додумался ее поискать. В конце концов ее нашла я.

Оддни сказала:

- Итак, нас выставляют за гипердверь... Куда?

Ильва окинула нас серьезным взглядом.

- В отражение вашего родного континуума.

- Отражение, - повторил я.

Медленный кивок.

- Я выявила сегмент вашей исходной временной линии, примыкающий непосредственно к точке пересечения, где вы покинули свой континуум, и отделенный от нее только двойниковым событием, которое породил, изымая с Урана угнанный межвременной транспорт, Варк Фан'ши. И тем самым перекрыл вам путь к возвращению.

- А смысл?

Она улыбнулась.

- Эта точка - еще и корневой узел, откуда прорастает ваша ветвь времени. На моей параллели вы находите дорогу назад только теперь и ни минутой раньше. На своей...

Я сказал:

- В конце концов нам придется вернуться домой.

Оддни спросила:

- Какая вам в том польза? Вы будете отрезаны от нас, и... - В ее глазах недвусмысленно отразилось «ой». На этой линии времени Ильва - верховная богиня. И может захлопнуть за нами дверь.

- Там, куда вы отправляетесь, у вас будут и теория, и механизм исполнения. Вам не хуже моего известно, что обратная сторона паравременной медали - сверхсветовые скорости. Если для пересечения конформного пространства применять теорию вероятности, причинная взаимообусловленность событий навсегда закроет возможность путешествий в параллельных временах. Стоит звездолетам выйти в космос, и все ветви времени, где самовольничают калданы и над человечеством властвуют богини,

будут обрублены.

Я сказал:

- И что тогда? Вы все исчезнете?

Ильва рассмеялась.

- Никому не дано заглянуть за данный горизонт событий, дражайший мистер Зед. Его волновой функции коллапс не угрожает.

Наконец мы остались одни в пещере под Венерой.

Венера была настоящая, настоящее некуда. Пещера в чреве горы Максвелл-Монтес в Земле Иштар, погребенная под сотней атмосфер тысячеградусной двуокиси углерода и дождем серной кислоты. По крайней мере, так сказала богиня Ильва Йоханссен, прежде чем мы в последний раз безнадежно махнули ей на прощание, прежде чем последняя гипердверь, плавясь, сомкнулась, фыркнула и погасла.

Округлив темные глаза, Одди, бледная как полотно, зажала рот рукой, словно в испуге, потом сказала:

- Просто помехи. Ничего внятного. Никто со мной не говорил. Но эта тишина...

Опять осиротела, подумал я.

Полагаю, мне никогда не узнать, каково это.

Мы в большинстве своем вечно одиноки в склепах своих черепов. В пещере, огромной и очевидно рукотворной, громоздились штабеля ящиков, большие круглые баки, какие-то конструкции на пружинах; вдали смутно маячили стены - гладкие, отполированные, почти ровные. И прохладные. У венерианской коры были миллиарды лет на то, чтобы, нагреваясь, раскалиться вровень с атмосферой, поэтому можете себе представить, какая техника нужна, чтобы сделать подобное место пригодным для жилья и сохранять его таким сколь угодно долго... Я сказал:

- Поневоле задумаешься, зачем это им понадобилось.

- Кому?

- Строителям пещеры.

- Вы не думаете, что ее создала Ильва специально для нас?

- Нет.

Тогда она пожала плечами.

- Не все ли равно? Вот пещера, а в ней наверняка все необходимое, чтобы решить намеченные для нас Ильвой задачи. Все, что нужно иметь под рукой. Все, что нужно знать.

Ах, да. *Задачи.*

В континуумах у калданов историю баламутило существование параллельных времен и путешествующих по ним идей, людей, мест, которые беспрестанно кочевали с ветви на ветвь, отчего различия между точками перехода стирались, а причинно-следственные цепочки непоправимо запутывались. Но все перечисленное объединяло одно:

неспособность перемещаться быстрее света. Такой обмен информацией между сопряженными вероятностями строго ограничивал их странствиями в паравремени, свивая в непроницаемый колтун.

На лучшей из временных ветвей, объяснила Ильва, человечество вязалось в вялотекущую распря между империями, именовавшими себя Вертопрядами и Звездзой, в нескончаемую опустошительную войну, спалившую небо. В этой вселенной мистер Зед жил-поживал, а домой не вернулся.

- На выбор, - сказала Ильва. - Есть другая вселенная, где НПО «ВОЛ» уже раскрыло секрет преобразователя модуля поля и, взяв его за основу, приступит к разработке источников энергии для сверхсветовиков. Корабли выйдут в космос и, снуя в нем, соткут между вселенными заплот, который не перелезть никакому калдану, не пронзить взглядом никакой богине.

- Тогда вы будете вольны, - сказала она, - избирать собственный путь.

После чего прибавила только:

- До свидания, мистер Зед. Удачи!

- Думаешь, у нас получится? - спросил я. - Оправдаем мы ее ожидания?

Оддни отвернулась, хмурая, взгляд рассеянный. О чем она думает? О том, что ей сулят эти задачи? Или борется с искушением пойти иным путем, искать бессмертия в слиянии с богиней?

Она смежила веки. Потом подняла ладонь, словно призывая к тишине, и сказала:

- Я их слышу.

- А?..

Ее глаза открылись; в них ярко горел свет возрождения? Надежды? Не знаю. Оддни сказала:

- Я засекла стандартные дешифруемые радиопереговоры китайской исследовательской станции. Сейчас она проходит по орбите над нами.

- Оддни...

- Погодите... - Потом: - Есть! - Напряжение ушло, она с улыбкой вновь повернулась ко мне.

Ужасное беспокойство. Ощущение, что предложенные мне на выбор возможности проносятся мимо в неподвластном хороводе, со скрипом захлопывается тысяча дверей.

- Что ты сделала?

Она ответила:

- Отправила через один из активных спутников-ретрансляторов внутри Солнечной системы личное сообщение в сеть НПО «ВОЛ». Пройдет несколько часов, и оно достигнет Ильвиного главного центра связи на Нереиде, но тогда сюда нагрянет Ильва. На китайскую станцию уже доставлен базовый набор комплектующих для «Бентодина-III».

Я сказал:

- Ах, вот как? Является Ильва и за ручку отводит нас домой? Мы строим звездолеты и улетаем в будущее, написанное под диктовку богини?

Да неужели? Интересно, каково будет этой Ильве Йоханссен узнать, что - встрянут калданы или нет - она и на другой ветви времени станет божеством? Как я поступил бы на ее месте? Дьявольщина. Я часто задаю себе этот вопрос и никогда не могу найти удовлетворительного ответа.

Тогда я сказал:

- Знаешь, мне даже жаль, что мы вернулись. Знаю, для тебя это лучший выход, но человек во мне полюбил человека в тебе. Я буду скучать.

Ну вот. Сказал наконец. Что бы ни случилось, она хоть будет знать.

Взгляд Оддни смягчился.

- Мне больше не грозит смерть от износа, мистер Зед. Я теперь истинная Ильва - по крайней мере в той же степени, что машинный искусственный интеллект. С моим совершенствованием настоящими станут и другие дубль-тела. Таков дар богини всем нам, переданный ею из будущего сквозь время.

Что тут скажешь?

Ничего.

Оддни прибавила:

- Когда связь восстановится, Ильва поймет. Со временем мы все пойдем.

Пойдем что? Я боялся спросить.

Она сказала:

- Нас подберут, но не прямо сейчас. Мы успеем последний разочек побыть наедине... друг с другом... если вы не против.

Последний разочек.

- А что потом? Выберемся отсюда, построим космические корабли и умчимся в будущее без калданов и богинь, в неведомое, непознаваемое будущее?

Она наградила меня долгим, пронизывающим взглядом темных глаз.

И сказала:

- Тут вам решать, мистер Зед. Ильва не лишит вас этого права. Дело за вами и только за вами.

Я сказал:

- Ты о чем?

Она ответила:

- Где-то есть вселенная, где Сара жива, а вы - нет, где она изнывает по вас так же, как вы совершенно явно - по ней. Хотите, можно отыскать это пространство-время, это «где-то», «когда-то»...

- Но только если звездолеты никогда не полетят.

Она сказала:

- Да.

Я задумался всего на мгновение: долго ли проживу и сколько мне доведется увидеть?

Перевела с английского Катерина АЛЕКСАНДРОВА

© William Barton. The Sea of Dreams. 2009. Печатается с разрешения автора.

Повесть впервые опубликована в журнале «Asimov's SF» в 2009 году.

Видеодром

интервью

**Александр БАЧИЛО, Игорь ТКАЧЕНКО
«ИДЕЙ ХВАТИТ НА КАЖДОГО ЗРИТЕЛЯ»**

Одним из главных событий осеннего телесезона стал отечественный фантастический сериал «Башня», показанный каналом ТВЗ. Придумали идею и написали сценарий хорошо известные читателям журнала «Если» фантасты Александр Бачило и Игорь Ткаченко. Мы попросили писателей рассказать о том, как все начиналось, и в очередной раз убедились, насколько могут разниться взгляды на конечный «продукт» - даже в таком сложившемся творческом тандеме.

- Что же все-таки было раньше: яйцо или курица? Сериал возник из идеи такой вот Башни или, наоборот, сначала вам предложили идею цикла?

Игорь Ткаченко: Однажды весной 2008 года, в час небывало жаркого заката, мы вместе с Александром оказались у меня дома - решили составить заявки. Это такое действие, которым мы занимаемся чрезвычайно редко, примерно раз в два года. На одной-двух страницах излагаем идеи фильмов, сценарии которых нам было бы интересно написать. Потом эти заявки рассылаются знакомым компаниям, и следующие пару лет мы, матерясь и проклиная тот день, когда писали заявки, работаем над сценариями. Так было и в этот раз. Пришел А.Бачило, хмуро уселся в кресло: «Ну что?». Вопрос, понятное дело, требовал ответа, мысль моя заметалась по совершенно пустой черепной коробке в поисках выхода. Но его не было: Поэтому я честно признался: «Вот представь, попал куда-то, а выхода нет. Например, в какое-то высокое здание, Не сам попал, а с друзьями. Или не с друзьями, а просто еще с несколькими людьми. Вот! Несколько людей попадают в высотное здание и не могут оттуда выбраться! А?».

Вот так все и началось. Полторы странички текста о людях, оказавшихся в высотном здании, из которого они не могут выбраться, К нашему великому удивлению, заявка понравилась сразу нескольким компаниям, но канал ТВЗ оказался самым резвым, и договор на сценарий мы заключили в мгновение ока.

Потом мы долго придумывали, что это за люди и почему они не могут выбраться из здания, которое мы сразу окрестили Башней. Затем к работе подключился Иван Вырыпаев, приглашенный режиссером фильма, - и мы выкинули на свалку все, что придумали раньше. И начали придумывать заново. Так продолжалось около года. А потом Иван Вырыпаев уехал ставить спектакль куда-то за границу и вместо себя порекомендовал Дениса Нейманда, с которым мы и продолжили работу.

Александр Бачило: Сначала появилась идея истории о небольшой группе людей, запертой в ограниченном пространстве, откуда они не могут выйти. Мы рассматривали разные варианты - от маленького городка до отеля в горах. Башня как место действия показалась нам наиболее точным воплощением идеи.

- Как два таких веселых человека, экс-КВНщика, экс-ОСПшника, и прочая, и прочая, смогли создать такое мрачное и жесткое телеполотно? Не тяжеловато ли было?

А.Б.: У нас в анамнезе не только КВН, ситкомы и детские книги. В первую очередь, мы писатели-фантасты. Почитайте «Академонгородок» А.Бачило или политические детективы с

элементами мистики И.Ткаченко. Веселого там мало.

И.Т.: Вообще-то, мы парни мрачные. Если шутим, то с каменным лицом. Так страшнее получается... Во время работы над сценарием «Башни» мы стали еще мрачнее, потому что пришлось задуматься (кстати, нам 100 лет на двоих) о смысле жизни, предопределенности судьбы, свободном выборе и прочих невеселых вещах. Работать было тяжело...

- Понятно, что многие зрители найдут предшественников «Башни». Тут и Lost, и многие фильмы классического жанра haunted house, и Стивен Кинг с «Сиянием» и «Лангольерами», и Мартин Гарднер с его топологической фантастикой... Ну, а есть ли истинный вдохновитель?

И.Т.: Конечно, мы видели все эти «Кубы», «Пилы», «Неизвестные лица», «Парадоксы», «Лангольеры», «Вспомни, что будет», и прочая, и прочая... Но все время где-то внутри зудело: не так! нужно по-другому!

Вот по-другому мы и постарались сделать. А что до того, кто вдохновлял... Можете верить или нет, но все те же - Булгаков и Гоголь! По-моему, самые большие мистики и философы в российской литературе.

А.Б.: Конкретного источника нет, Мы писали «Башню» совершенно самостоятельно. В основе сценария нет чьей-либо книги, фильма или сериала. Но, разумеется, нас вдохновляло все мировое наследие книжной и кинематографической фантастики. Оно же и мешало.

- Совпала ли получившаяся «картинка» с ожиданиями авторов? Насколько телеверсия близка вашему первоначальному образу? И уж совсем начистоту: не вызывают ли отторжения режиссерские решения?

А.Б.: Если и была у нас собственная картинка в воображении, она трансформировалась, стоило посмотреть первые серии фильма. Теперь мы невольно представляем героев и место действия такими, каковы они на экране.

Возможно, видение некоторых сцен у нас не совпадает с режиссерским, но если сценарист уверен, что он способен снять фильм лучше режиссера, то пусть берется и снимает. Я лично считаю, что каждый должен заниматься своим делом. Мы, надеюсь, достаточно профессионально написали сценарий и передали его режиссеру, который, надеемся, достаточно профессионально снял кино.

И.Т.: Мы не планировали помещать Башню в центре Москвы. В сценарии просто город, просто здание,.. Привязка к месту - заслуга режиссера и продюсеров. Но они молодцы, появился дополнительный смысл, которого мы, честно говоря, не вкладывали.

- Насколько актеры попали в задуманный образ? Не мешали ли «звезды» остальным? Кто больше всех понравился?

И.Т.: Отличный вопрос! Ясное дело, когда пишешь, представляешь своего героя: как он ходит, как говорит, как, в конце концов, он дергает щекой! Но наступает момент, когда появляются режиссер и продюсер, которые читают твой сценарий и видят героев по-другому! Я считаю, что нам повезло. И режиссер, и продюсер увидели героев почти на сто процентов нашими глазами. У меня поначалу вызывали сомнения два героя - Максим и Юля. Но Юлю играет великолепная актриса, которая авторские сомнения разнесла вдребезги. Что касается Максима... Актер - большая умница, он все верно делает, даже больше. Но лично мне он виделся немного другим, чуть более мачо, чуть более Казанова...

А.Б.: На наш взгляд, каждый из актеров создал запоминающийся и яркий образ. И звезды никого не затмили, у каждого героя - своя ария. Другое дело, что арии, исполненные звездами, вероятно, запомнятся лучше.

- Все-таки какой это жанр: НФ или фэнтези?

И.Т.: А это важно? Есть истории, рассказанные хорошо, есть истории, рассказанные плохо. Мы поведали свою историю так, как смогли. Жанр - всего лишь инструмент, которым автор пользуется для того, чтобы донести до читателя или зрителя свою мысль. Впрочем, любую историю можно рассказать в любом жанре. Например, «Ромео и Джульетта» могут быть отличным ситкомом!

А.Б.: Наши герои по очереди примеряют разные версии происходящего и вынуждены отбрасывать их одну за другой. Получается, что в сериале есть все: научная фантастика, мистика, эзотерика, даже фэнтези. А по сути-то он про самопознание человека.

- В классических сериалах такого рода почти всегда присутствует антагонист. У вас же все герои - нормальные люди, со своими достоинствами и недостатками, одинаково остро проявляющимися в критической ситуации. Так и задумывалось?

И.Т.: Антагонист - это хорошо! Антагонист полезен и нужен. Но что делать, когда ты сам себе антагонист? Когда нет у тебя врагов, кроме самого себя? Попробуйте шире раскрыть глаза - и увидите, что ежедневно, ежечасно мы боремся не с внешней угрозой, а с самим собой. Эта борьба начинается с момента рождения и кончается... Нет, она и после смерти не кончается.

А.Б.: У каждого из героев есть собственный скелет в шкафу. Трудно кого-то из них назвать однозначно положительным персонажем. Просто потому что в реальной жизни людей вот так запросто не разведешь по полюсам, как это делают в кино.

- А насколько серьезно повлияло на сюжет мнение продюсеров, маркетологов или фокус-группы?

А.Б.: В битвах с редакторами и продюсерами нам пришлось сменить несколько вариантов концепции сериала. Например, один из редакторов интересовался, в первую очередь, кто на ком женится, а не этим «вашим саспенсом и прочей мистикой», Но нам удалось отстоять свое видение и свою концепцию, где мистика, фантастика и человеческие отношения присутствуют в должной пропорции.

И.Т.: Никак не влияло, потому что не было ни фокус-групп, ни маркетологов. Вообще, ситуация у нас была уникальная. Нам дали карт-бланш. Пишите, придумывайте, мы снимем! О таком отношении можно только мечтать.

- Главная беда телепоказов - реклама. Когда вы делали сценарий, «резервировали» места, где вместо страданий героев будут возникать сникерсы и памперсы?

А.Б.: Нет, специальным учетом мест под рекламу мы не занимались, хотя в других проектах этого иногда требуют от сценаристов. Но производственная группа «Башни» настолько мощная и квалифицированная, что способна избавить вдохновенных творцов от хозяйственных забот,

И.Т.: Конечно, нет. Сценарий - это не фильм. И у режиссера, и у продюсера есть свое понимание того, как история должна быть рассказана. Сценарий для них - всего лишь отправная точка. Во время просмотра для нас самих было неожиданностью - как переставляются эпизоды, рвутся сцены и обозначаются акценты.

- Когда-то давно Аркадий Стругацкий на вопрос из зала: «Как вы пишете вдвоем?» - произнес: «На этот вопрос я, пожалуй, отвечу, но на вопрос, есть ли жизнь на Марсе, отвечать не буду». С тех пор я задаю этот вопрос всем писателям...

А.Б.: По-разному пишем, Иногда это похоже на пение дуэтом, иногда - на скандал в коммунальной квартире... Технически же наше соавторство выглядит примерно так: сперва обсуждаем концепцию, сюжет, какие-то ключевые сцены, потом разбредаемся по углам, где каждый пишет свою часть сценария. Затем пытаемся срастить написанное, снова переделываем, спорим.

И.Т.: Иногда сидим вместе и вместе пишем каждую реплику героев. Иногда оговариваем общее направление сюжета и потом пишем какие-то куски самостоятельно. Никакой тайной технологии тут нет. Секрет в другом: мы - с перерывами - пишем вместе уже 25 лет и за это время ни разу не поссорились! Почему? А вот это и есть наш секрет.

- Завершена 16 серия, все нити сведены, все акценты расставлены. О чем будет второй сезон? Хватает ли сценарных идей?

А.Б.: Идей у нас даже слишком много, хватит на каждого зрителя! Впрочем, все они, как обычно, взаимоисключающие. Чем кончатся попытки сложить их в единую, связную историю, мы сами пока не знаем.

И.Т.: Идей хватает. А этот сериал для нас - уникальная возможность высказаться. Но дадут ли нам такую возможность, не знаю.

- Есть ли у сериала перспективы в иностранном телевидении?

А.Б.: Официальный прокат - это забота продюсеров канала и производящей компании. Однако уже сейчас с сайта фильма и торрент-трекеров сериал качают в обеих Америках, Европе и других частях света, где имеет хождение русский язык.

И.Т.: По-моему, сериал слишком русский. Это ведь только нам свойственно искать причину всего в себе... Кстати, нас упрекали, что «Башня» очень похожа на американский сериал «Unknown Persons». Так вот, уникальная ситуация: в разных частях планеты разные сценаристы одновременно придумали удивительно похожее начало истории. Наши продюсеры общались с продюсерами «Unknown Persons»: поговорили, удивились и разошлись делать каждый свою работу. Очень похожая завязка истории и очень разное разрешение ситуации. Я бы сказал, что это два принципиально разных подхода к изложению истории - русский и американский.

Поэтому, насколько близок будет зарубежному зрителю наш метод, полюбит ли он наш фильм, судить не берусь.

Беседовал Дмитрий БАЙКАЛОВ

рецензии

СКАЙЛАЙН

(SKYLINE)

Производство компаний Black Monday Film Services, Hydraulx и Relativity Media (США), 2010.

Режиссеры Колин Штраус и Грег Штраус.

В ролях: Эрик Бальфур, Скотти Томпсон, Дэвид Зайас, Дональд

Фэйсон, Бриттани Дэниэл, Кристал Рид, Нил Хопкинс. 1 ч. 30 мин.

«От создателей спецэффектов фильма «2012» - гласила одна из фраз, призванных подогреть интерес к кинокартине. Прямо сказать, не самый удачный рекламный ход. Нет, в «2012» со спецэффектами все было прекрасно, но, что греха таить, яркие взрывы, вспышки и падающие небоскребы не имеют никакого отношения к драматургии. Ну, а знание того, что в режиссерских креслах опять братья Штраус, снявшие, например, глупый и никому не нужный «Чужой против Хищника: Реквием», лишь усиливало сомнения. Как выяснилось, создателям удалось превзойти самих себя. То есть снять фильм, который оказался еще хуже их последней ленты.

После просмотра «Скайлайна» сразу закрадывается подозрение: а был ли у фильма хоть какой-то сценарий? Или все съемки проходили на скорую руку, а пресные диалоги и неизобретательные сцены придумывались на ходу? Сюжет картины способен уместиться в одном предложении. На американский мегаполис напали пришельцы, зомбировали почти всех жителей, а уцелевших потихоньку дожимают, несмотря на их отчаянное сопротивление. Все это безобразие напоминает среднестатистическую компьютерную игру, где герои должны добраться из пункта «А» в пункт «Б», попутно уничтожив кучу мелких тварей и несколько монстров побольше.

В «Скайлайне» нет ни одного момента, который даже с натяжкой можно назвать оригинальным. Летящие тарелки жгут город голубыми лучами, как в «Дне независимости». Злобные пришельцы с кучей электрических щупальцев смахивают на охотников из «Матрицы». А похищение персонажей подсмотрено в «Войне миров». При этом герои, которые вполне могли бы вытянуть картину своими переживаниями и поступками, получились совершенно безликими. Первые двадцать минут фильма, когда не происходит вообще ничего, они себя никак не проявляют, А потом только и делают, что паникуют да бегают с криками от здания к зданию.

Очевидно, все десять миллионов долларов бюджета ушли на красочные спецэффекты, На внятный сценарий и актеров денег не хватило. А ведь впереди продолжение...

Степан Кайманов

МЕГАМОЗГ

(MEGAMIND)

Производство компаний DreamWorks Animation и Paramount Pictures (США), 2010.

Режиссер Том МакГрат.

Роли озвучивали: Уилл Феррелл, Брэд Питт, Тина Фей, Джона Хилл, Дэвид Кросс, Джастин Теру и др. 1 ч. 35 мин.

Мегамотг - обаятельный синеголовый злодей-неудачник, много лет пытающийся захватить власть в мегаполисе Метросити и уничтожить непобедимого супергероя по имени Мачомэн. Но когда Мегамотгу это наконец-то удается, он вдруг понимает, что без равного противника ему решительно нечего делать. Никто на него не охотится, никто не пытается его поймать, чтобы посадить в тюрьму. Поэтому, не успев толком насладиться победой, Мегамотг решает собственными руками сотворить нового супергероя. Но тот не очень-то хочет снимать кошек с дерева, переводить бабушек через дорогу и спасать похищенных девушек...

С первых же минут «Мегамотг» приятно удивляет. Создание мультфильма как будто поручили лучшим авторам криминальных комедий вроде «Карты, деньги, два ствола». Герой с выпученными от страха глазами падает с небоскреба, пытаясь поймать какой-то неведомый прибор. И уже в падении начинает вспоминать, почему с ним это стряслось.

Несмотря на вышедший ранее мультфильм «Гадкий, я», обыгрывающий схожую тематику, «Мегамотг» не выглядит блекло. Прежде всего, благодаря проработанному и интересному сценарию. Сценарий нового мультфильма, по сравнению с появившимся одновременно «Скайлайном», выглядит вершиной драматургии. Ничего лишнего: все - от диалогов до антуража - работает на атмосферу анимационной ленты. Также заслуживает всемерного одобрения внимание создателей к деталям: костюмы героев, их тайные убежища, гаджеты выполнены со вкусом и любовью. И конечно, не стоит забывать про юмор. Шутки действительно удачны, а ситуации, в которых оказываются герои, по-настоящему смешны.

Мультфильм понравится как детям, так и взрослым. Первые придут в восторг от вида и действий милых персонажей, вторые - от серьезной звуковой дорожки, аллюзий и сюжетных перипетий. В ленте нет никаких раздражающих моментов, зато достоинства можно перечислять долго.

Степан Кайманов

НОСФЕРАТУ. УЖАС НОЧИ

Производство кинокомпании «СТВ» (Россия), 2010.

Режиссер Владимир Мариничев.

В ролях: Владимир Мариничев, Михаил Хрусталев, Анатолий Петров, Роман Бурлаков и др. 1 ч. 15 мин.

Начать с того, что Стокер был мертв, когда на экраны российских кинотеатров вышел новый мультипликационный фильм режиссера, сценариста, бывшего сотрудника уголовного розыска Владимира Мариничева. И за Брэма можно только порадоваться: он не видел новую интерпретацию своего известного романа.

В Трансильванию к графу Дракуле приезжает Джонатан. Но слишком долго плести интригу вокруг того, что и так ясно из названия, смысла нет. Кровосос, своим внешним обликом явно обязанный Мурнау и его фильму почти девяностолетней давности «Носферату, симфония ужаса», опаивает молодого клерка и впрыскивает ему что-то из шприца - по-видимому, собственную кровь. И теперь все, чего хочет юноша, щеки которого еще недавно озарял приятный румянец (разумеется, в воображении зрителя: на экране картинка очень скудная), - это стать профессиональным кровопивцем. Дракула же мечтает отомстить за то, что триста лет назад его несправедливо обвинили в поджоге Лондона. И единственно возможный ответный шаг - геноцид. Так два главных героя отправляются в Лондон, чтобы уничтожить всех его обитателей. Там их ждет встреча с профессором Ван Хельсингом, полицией Скотланд-Ярда и прекрасной Миной.

Пожалуй, единственное достоинство картины - саундтрек. Есть какой-то приятный резонанс между тем, что происходит на экране, и звуком, доносящимся из колонок. Но после второго такого «клипа» начинаешь понимать, что это не прием режиссера, а просто непрофессиональный, некачественный мультфильм. И ничего нового в этом произведении нет. Танцующих зубастиков мы видели у Романа Полански в «Бале вампиров», поющих - в «Королеве проклятых» (экранизации книг Энн Райс). Артхаусные, томные, непонятные дети ночи - это «Голод» Тони Скотта с прекрасной Катрин Денев и загадочным Дэвидом Боуи.

А «Ужас ночи», скорее, похож не на мультфильм, а на какой-то допотопный квест с отвратительной графикой да еще и лишенный опции управления. И после просмотра остается только один вопрос: «Господа, я не понял, а где кино-то?».

Анастасия Шутова

экранизация

ВЕК ТРИФФИДОВ

Книга Джона Уиндема «День триффидов», увидевшая свет в 1951 году, впервые была издана на русском языке в 1966-м и стала едва ли не откровением. Перевод был сделан Аркадием Стругацким, что придавало произведению особое очарование. И когда пошли слухи, что «День триффидов» экранизирован, оставалось только завидовать миру капитала... Сегодня экранизаций культового романа уже три, и крупнейшая кинокомпания мира неожиданно заявила о готовности приступить к четвертой. Попытаемся вместе с писателем-фантастом разобраться, что же нам, зрителям, предъявили предыдущие?

Чем, собственно, впечатлял роман?

Во-первых, это был редкий для отечественного книжного рынка тех времен роман-постапокалипсис. Во-вторых, эта книга рассказывала о воссоздании человеческого социума без каких-либо признаков торжества идей марксизма-ленинизма (что в те времена казалось просто невозможным) и представляла читателю картину, как создаются и лопаются утопические социальные идеи. И в-третьих, Уиндему удалось попасть в гармонию с популярными мотивами из «Робинзона Крузо». Помните: мы зачитывались описанием того, как Робинзон добывает с затопленного корабля всякую утварь, которая может пригодиться в жизни вне цивилизации - топоры, мешки муки, ножи, как он подбирает несчастных голодных собак... Эта тема в другом «оформлении», но столь же ярко проходит через весь роман Уиндема.

Однако, несмотря на все конспирологические (триффиды появились из некоей страны, самолеты которой несут на крыльях красные звезды), социальные и экономические изюминки, роман в первую очередь повествует о том, как будет выживать простой человек - не супермен или харизматический вождь - в новом мире.

* * *

Первая попытка экранизации была осуществлена в Великобритании в 1962 году режиссерами Стивом Секели и Фредди Фрэнсисом. По непонятным причинам Уиндем не имел никакого отношения к написанию сценария, над которым работали Бернард Гордон и Филип Йордан.

Завязка фильма практически идентична авторской: госпиталь, метеориты, истерика ослепших людей, паника, разбой и распад общества. Однако в отличие от оригинала главный герой здесь хоть и Билл Мейсен, но не биолог, а моряк.

Скорее всего, режиссеры рассчитывали создать фильм, который затронет души англичан, всего лишь пару десятилетий назад переживших ужасы немецких бомбардировок. Ослепшие люди пытаются бежать на поездах, кораблях и самолетах, которые падают, переворачиваются и тонут. Города горят. А вместо гитлеровцев в Лондон врываются толпы триффидов...

В это время на далеком острове в домике у маяка живут двое ученых, муж и жена. О всемирной катастрофе они узнают только потому, что перестало работать радио. И тут на остров нападают триффиды. Весь фильм, перебивками, показывают эту семью ученых, которая, с одной стороны, ищет средство, как уморить триффидов, а с другой - сама воюет с монстрами.

Главный герой, подобрав по пути зрячую девочку лет десяти и путешествуя по Англии в поисках пристанища, находит виллу некоей мадам Кристины Дюррант, которая с группой слепых и зрячих пытается создать коммуну. Но после прихода бандитов и нашествия тварей удается спастись только главному герою, девочке и мадам Дюррант.

А в это время ученый-ихтиолог находит средство против триффидов: оказывается на них надо побрызгать водой. Причем даже не святой, а просто морской. И триффиды тут же растворяются, превращаясь в гадкую зеленую жижу. Немедленно приплывает лодка, посланная колонией зрячих, куда прибился и главный герой, и отвозит ихтиолога в убежище, где собрались почти все герои фильма.

Ну что сказать... Если сравнивать фильм с фантастическим кино того времени, то, наверное, он неплох...

Вторая попытка была предпринята режиссером Кеном Хэннамом в 1981 году также в Великобритании. Эта экранизация в шести сериях, снятая силами телеканала ВВС, наверное, ближе всего к оригиналу. Создатели сериала отнеслись к тексту автора очень бережно. В спокойной и неспешной манере зрителю демонстрируют добротную иллюстрацию книги, используя доступные на тот момент средства.

Даже триффиды здесь реалистичны и именно таковы, как их мог представить себе читатель. Фильм смотрится легко, зрителей не испытывают провалами в сценарии и немотивированными поступками героев.

Картина появилась в 1981 году, видимо, не случайно. Противостояние с Империей Зла, как называли СССР, достигло пика, и страх апокалипсиса способствовал популярности сериала.

* * *

Прошли годы. Империя Зла исчезла, мир вышел из гипотетического ядерного пике и оказался во временах политкорректности, парникового эффекта и компьютерной анимации. И в 2009 году в Великобритании появился двухсерийный телефильм «День триффидов» режиссера Ника Копуса по сценарию Патрика Харбинсона.

В глухих застенках томятся триффиды, которых люди перегоняют на биотопливо, Вокруг плантаций выстроен многоуровневый контроль: компьютеры, камеры наблюдения и тому подобное... Но не все люди доброй воли могут стерпеть такое издевательство над угнетенными растениями. Некая тайная организация стремится освободить триффидов. Пытаясь остановить одного из борцов за свободу, главный герой, доктор Билл Мейсен, получает ядом в глаз и оказывается на больничной койке.

А далее на Солнце происходит вспышка, и все слепнут. В Лондоне - содом и гоморра. Главный герой знает, что надо немедленно ехать на ферму триффидов и проследить, чтобы те не сбежали, Но, как выясняется в дальнейшем, триффиды-мужчины (это находка режиссера) улизнули, а если выпустить сексуально изголодавшихся «самцов» на волю, то контролировать рождаемость, вернее их семенование, невозможно.

Билл стремится в свой дом и по пути попадает в некий монастырь, где всем руководит Кристина Дюррант (Ванесса Редгрейв). Монастырь живет в равновесии с природой. Там не жгут электричество, не обижают триффидов и даже кормят их теми, кто не поладил с настоятельницай. Тоже вариант построения социума в условиях всемирной катастрофы... Возмущенный герой наводит порядок в монастыре и следует дальше.

Главный зрячий злодей Торренс хочет построить новое общество, где бы он стал господином, а слепые - рабами. А Билл Мейсен тем временем находит колонию детей, которые были единственными, кто догадался носить очки для защиты от триффидов (в этом фильме монстр поражает исключительно глаза). Старший в этой колонии - отец Билла. К тому же много лет назад мать героя перед смертью открыла

сыну тайну, как можно бороться с триффидами: необходимо надеть африканскую маску, а в глаза закапать их же яд...

Но не так все печально. В будущем году Warner Brothers планирует начать съемки полнометражного фильма, режиссером которого, вероятнее всего, станет Сэм Рэйми, снявший «Человека-паука».

Так что День триффидов для нас еще наступит. Будем надеяться, что только на экране.

Сергей СЛЮСАРЕНКО

преьера

ИГРА В КЛАССИКУ

Предлагаем вашему вниманию традиционный для январского номера обзор российских кинопремьер грядущего полугодия. Напоминаем, что даты выхода фильмов на отечественный экран могут изменяться - информация о них берется по состоянию на конец ноября 2010 года.

Как начнешь год, так его и проведешь - это утверждение вполне может коснуться и кинопроката, Начать нам прокатчики предлагают с самой что ни на есть классики. Британо-венгерскую игровую трехмерную постановку знаменитой сказки *«Щелкунчик и крысиный король 3D» (Nutcracker in 3D)* осуществит не менее знаменитый российский режиссер Андрон Кончаловский, получивший на создание картины 90-миллионный бюджет. Музыка к ленте написал Эдуард Артемьев. Продолжит **январский** репертуар еще одна киноверсия великой книги - *«Путешествия Гулливера» (Gulliver's Travels)* Роба Леттермана с Джеком Блэком в главной роли. Чуть дальше - в Средние века - отправит зрителя мистика-историческая картина *«Время ведьм 3D» (Season of the Witch)*: чума, инквизиция, рыцари, Николас Кейдж, Рон Перлман и настоящая ведьма создадут весьма гнетущую атмосферу в зале. Таинственный доктор, знающий даты будущей смерти каждого человека, станет сюжетообразующим элементом психологической драмы *«Заложник смерти» (Afterwards)*. В жанре хоррор все больший сегмент захватывают неприкаянные души убиенных детей или же общение детей с какими-нибудь потусторонними силами - об этом и гонконгский *«Глаз ребенка» (Child's*

Eye), американский «Астрал» (*Insidious*), испанский «Скелеты Железного острова» (*Hierro*), а также римейк киношной архаики «Не бойся темноты» (*Don't Be Afraid of the Dark*). Впрочем, и здравствующим детям будет что посмотреть, хотя итальянская анимационная история о дружбе маленького мальчика с людоедом «Орландо 3D» (*Orlando*) все-таки вызывает некоторые сомнения - нужно ли это детишкам. А вот российская мультирежиссерская сказочная лента из трех новелл «Сказка.Есть» (*Skazka XXI*) подобных мыслей не вызывает. Сразу понятен и электорат российской молодежной комедии «Поцелуй сквозь стену» - о молодом человеке, научившемся проходить сквозь... ну вы догадались...

Репертуар **февраля** не так богат, как хотелось бы: ведь когда еще сходить в теплый кинотеатр, как не во время зимней стужи. Поклонники творчества Виктора Пелевина уже, пожалуй, потеряли веру в то, что они смогут увидеть экранизацию культового романа «Поколение «Пи»» (*Wow! Generation P*). но в феврале (или в апреле) ее вроде бы опять обещают... Супергерои в кинематографе неистребимы: это докажет очередной опус на тему - «Зеленый шершень» (*The Green Hornet*). Тема клонирования не только популярна, но и банальна - о несчастной жизни клонов поведает драма «Не отпускай меня» (*Never Let Me Go*). Порадуют мультики: сказочную классику «Муми-тролли и комета» (*Moomins and the Comet Chase*) представят финские аниматоры (хотя вряд ли их герои получатся столь же обаятельными, как созданные замечательной художницей Евгенией Стерлиговой). Еще одна версия классики, но уж очень нетривиальная, оригинальная, расскажет о шекспировской любви в момент жестокой войны садовых и домашних гномов - «Гномео и Джульетта 3D» (*Gnomeo and Juliet*), с песнями и продюсированием от Элтона Джона. Еще одна модная тема будет задействована в детективе «Дилан Дог: Хроники вампиров» (*Dylan Dog: Dead of Night*). Инопланетяне устраивают охоту за девятью соотечественниками, осевшими на Земле. Трех уже нашли. Спасется ли четвертый, расскажет лента «Я - четвертый» (*I Am Number Four*), продюсерами которой выступили Майкл Бэй и Стивен Спилберг.

Особенно богатым на мультфильмы станет **март**. О тараканьей жизни поведает отечественный «Кукарача 3D», к теме похищения инопланетянами обратится лента «Тайна Красной планеты» (*Mars Needs Moms!*), о судьбе странного домашнего питомца «Ранга» (*Rango*) расскажет знаменитый режиссер Гор Вербински, об истории зебры-изгнанницы поведает фильм «Кумба 3D» (*Khumba*), а о банде неудачников, решивших похитить перо Ганса Христиана Андерсена, - «Банда Ольсена» (*Olsen Banden på de bonede gulve*). Российский кинематограф будет представлен двумя игровыми киносказками: взрослые посмеются над триквелом «Любовь-морковь 3», детишки поужасаются на премьере ленты «Волшебный кубок Поррима Бо»,

повествующей о том, как в старшую пионервожатую детского лагеря вселился дух древней ведьмы. Взводу храбрых морских пехотинцев предстоит отразить «Инопланетное вторжение: Битва за Лос-Анджелес» (*Battle: Los Angeles*), а британские фанаты фантастики, приехав в Америку на конвент, наоборот, с инопланетянами подружатся - в ленте «Пол: Секретный материалчик» (*Paul*). Могущественная служба под названием «Меняющие реальность» (*The Adjustment Bureau*) зачем-то начнет мешать американскому конгрессмену встречаться с понравившейся девушкой. В мир романтической любви и жесткой виртуальности окунет зрителя французская драма «Черные небеса» (*L'autre monde*), а в фильмецатастрофе «Последнее чувство» (*The Last Word*) самих чувств будет мало - ведь жители начнут их лишаться. Достанется и классике - в своеобразном готическом прочтении сказки «Красная шапочка» (*Red Riding Hood*). Жанр мистической фэнтези будет представлен лентой «Запрещенный прием» (*Sucker Punch*), мистического триллера - фильмом «Области тьмы» (*The Dark Fields*).

В этом году **апрель** скуден на фантастику. Стоит отметить разве что квадриквел «Крик 4» (*Scream 4*) и эпик о войне богов за Асгард «Тор» (*Thor*). Но событием месяца станет опять-таки новое прочтение классики. Уже третья киноверсия знаменитого рассказа Джона Кэмпбелла «Кто там?» о твари-метаморфе, захватившей полярную станцию, будет носить прежнее название «Нечто» (*The Thing*). Обе предыдущие экранизации стали киноклассикой.

Последний месяц весны, **май**, прокатчики обычно берегут под одну-две знаковых премьеры, раскидывая «мелочь» по другим месяцам. Главное событие - четвертая часть диснеевской саги «Пираты Карибского моря: На странных берегах» (*Pirates of the Caribbean: On Stranger Tides*). Это самая фантастичная часть цикла, ведь в ее основу положен классический фэнтези-роман Тима Пауэрса «На странных волнах». Разбавят премьеру фэнтези о пастыре, вмешавшемся в войну людей и вампиров «Пастырь» (*Priest*), сказка о ленивом принце «Ваше Величество» (*Your Highness*) и сиквел боевого мультлика «Кунг-фу Панда 2» (*Kung Fu Panda: The Kaboom of Doom*).

Июнь также считается временем крупных премьер. Очередная часть комикс-саги «Люди Икс: Первый класс» (*X-Men: First Class*) поведаст о школе для начинающих иксменов, Суперменская тема продолжится в ленте «Зеленый фонарь» (*Green Lantern*), где летчик-испытатель станет почти всемогущим, когда найдет зеленое кольцо-фонарь в разбитом звездолете. Фильм «Восстание обезьян» (*Rise of the Apes*) станет приквелом ко всей многолетней истории о Планете Обезьян и расскажет о том, откуда взялись сверхразумные приматы. Детишек в начале каникул порадует сиквел пиксаровской истории о разумных машинках - «Тачки 2» (*Cars 2*).

СЕРГЕЙ СИНЯКИН

СМЕРТЬ В ТИХОМ ПАРКЕ

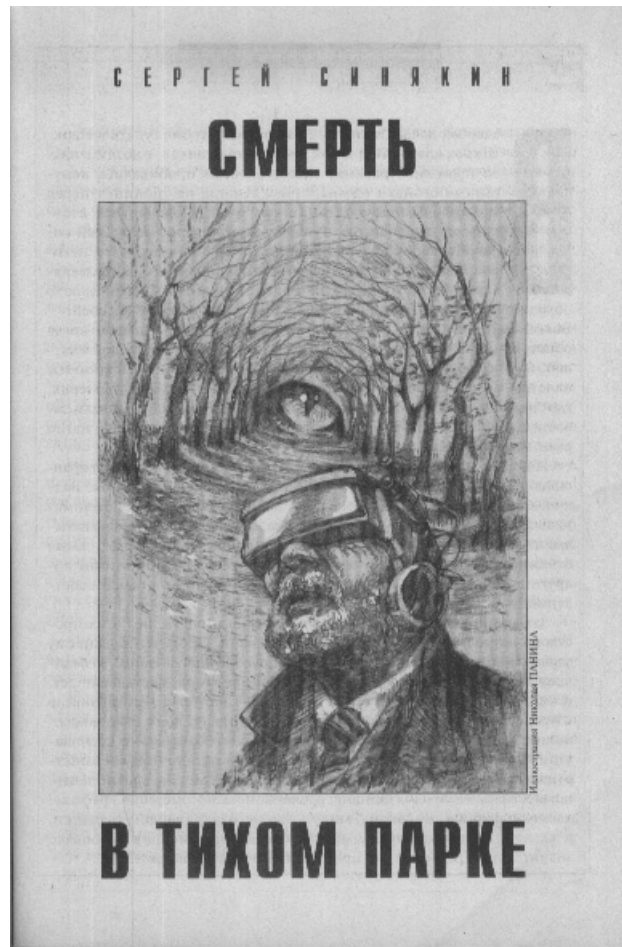

Иллюстрация Николая ПАНИНА

Вечером, возвратившись с работы, он уходил гулять в Парк. Шорох влажной зеленой листы успокаивал, в воздухе пахло пряными травами, сквозь заросли пробивались испуганные огоньки оленьих глаз. Иногда на тропинку перед Измайловым выбегал пыхтящий ежик. Поначалу еж, сталкиваясь с человеком, пугался, сворачивался в круглый колючий шарик, но постепенно начал понимать, что неторопливо идущий человек с тросточкой в руках не представляет для

него никакой опасности. Теперь они просто обходили друг друга: ежик шел своей дорогой, а человек - своей.

Более всего Измайлов любил гулять по Парку после дождя, когда обострялись все лесные запахи. В воздухе сладко пахло прелой листвой, нарождающимися грибами, лесными цветами, и в эти ароматы вплетался запах сырости, скрытого меж деревьев болотного озерца, где среди ряски и широких глянцевых листьев кувшинок плавали забавные лягушки, топырящие в стороны перепончатые лапки и нагло разглядывающие человека.

Посидев на скамье около заросшего озерца, Измайлов отправлялся в сосновую рощу кормить беспокойно цокающих белок. Белки к лакомствам привыкли быстро - заметив Андрея, они принимались забавно верещать на разные голоса, спускались ниже, выхватывая из рук очищенные орехи и черные сухарики, а некоторые, самые отважные, садились к нему на плечи, зорко следя за тем, чтобы подруги не перехватили угощение, которое они считали своей собственностью.

Завершив прогулку, Измайлов отправлялся спать. Без этих прогулок он просто не выдержал бы ритма жизни. Прогулки давали ему заряд на весь следующий день. А силы, особенно душевные, Измайлову были просто необходимы. Ему исполнилось шестьдесят лет, и он был основателем империи «Трикстер», которая изготавливала и продавала разнообразные детские игрушки, начиная с пластмассовых кубиков и заканчивая сложнейшими многобайтовыми компьютерными игрушками. В империю Измайлова входили мощное конструкторское бюро, разрабатывающее новинки, компьютерный центр, осуществляющий сложнейшие расчеты по многомерной графике, десятки фабрик по всему миру, где изготавливались игрушки, и склады во всех столицах мира. Содержание империи требовало значительных расходов, но прибыль была еще большей.

Несмотря на финансовое благополучие, Андрей Измайлов не был счастлив.

Семья у него не сложилась, два предыдущих брака оказались неудачными, а когда он все-таки нашел свою половину, заводить детей было поздно. При мысли о том, что его империя достанется каким-то дальним родственникам, которые не приложили к ее финансовому благополучию ни малейшего усилия, настроение Андрея портилось. Он навел справки: основным его наследником был племянник Вячеслав, неудачник по жизни, дважды уже отсидевший в тюрьме за какие-то кражи, но так ничего и не понявший.

В число возможных наследников его состояния входила двоюродная сестра Ангелина. Она была моложе Измайлова на двадцать пять лет и производила впечатление расчетливой хищницы. Два раза Ангелина просила у Андрея денег. Измайлов ей не отказывал, памятуя о том, что

слово «нет» чаще плодит врагов. Да и суммы, которые называла Ангелина, были незначительными. В браке кузина была неудачливой. Первый муж - русский - ее нещадно бил; второй - англичанин - оказался пресным и скучным; третий - хитроумный и бессовестный араб из Сирии - ободрал ее, как липку, даже все вещи вывез из квартиры, которую Измайлов им купил. С арабом Измайлов, конечно, разобрался: дал команду своей службе безопасности, и крепкие ребята к нарушителю брачных соглашений приложили руку. Не до смерти, конечно, а так, чтобы уже никогда не смог к чужому лапу загребущих протянуть. А все украденное арабом оставили ему в качестве компенсации за увечье. Тяжело ведь безруким на свете жить!

И все-таки не были эти двое настоящими наследниками, при них империя Измайлова неизбежно пошла бы ко дну, а это Андрея бесило больше всего. Не для того он ее возводил!

Некоторые надежды он возлагал на двоюродного племянника Александра, который закончил Пермский университет, работал в родном городе инженером на одной из многочисленных фабрик металлоигрушек, входящих в империю «Триксстер», и, если судить по докладам начальника службы безопасности Нефедова, зарекомендовал себя крепким хозяйственником и неплохим конструктором. По крайней мере «Блуждающий пес» был разработан именно по его идее и принес Измайлову солидную прибыль.

И все-таки старик колебался.

Впрочем, почему старик? Человеку именно столько лет, на сколько он себя чувствует. А самочувствие Измайлова позволяло ему лично руководить империей, держать в кулаке совет директоров и шустрых реализаторов. И благодарить за хорошее самочувствие надо было именно Парк.

Вот и сегодня он шел по одной из заветных тропинок, с наслаждением вдыхая густой свежий воздух и вслушиваясь в щебет птиц. Земля пружинила под ногами, среди зеленой травы проглядывали бледно-розовые цветы земляники. А кое-где уже показывали красно-белые бока медленно вызревающие ягоды. Слева от тропинки высился конической грудой огромный муравейник. Измайлов любил останавливаться около него, совать длинную травину в глубину муравейника и ждать, когда ее обкусают обитатели. У муравьиной кислоты был запах детства.

Он вышел к пруду.

На той стороне бродила в поисках лягушек большущая цапля. Заметив человека, она замерла на месте, стоя на одной ноге, потом, сообразив, что человек не улетит, собралась сама - взмахнула огромными крыльями, тяжело поднялась в воздух и плавно заскользила над окружающими пруд кустами.

Измайлов сел на скамейку.

Сбоку от него по длинной тонкой ветке куста ползла улитка. Некоторое время Андрей наблюдал за ней. Улитка останавливалась, словно собиралась с силами, и продолжала путь, оставляя на коричневой кожице влажный след. «Упрямая», - одобрительно подумал Измайлов. Его длинная дорога к успеху походила на пройденный улиткой путь. Всю жизнь он полз, подобно этой улитке, навстречу успеху, довольствуясь малым и ожидая большого. И вот, когда он достиг вершины, оказалось, что усилия потрачены напрасно. Никому, кроме него самого, пройденный путь не был нужен. Да, он на вершине. А вокруг толпятся шакалы, которым нужны лишь деньги. Ради этого они, не задумываясь, разрушат все, что он создавал долгие годы.

«Надо поговорить с Александром, - подумал старик. - И не стоит затягивать с этим. Время не ждет».

Так звали героя его любимого романа Джека Лондона. Вообще-то его звали Харнишем, а кличку он заработал за то, что спешил жить. Измайлову очень хотелось походить на Харниша, но по жизни получилось не так: не надо было рисковать жизнью, не надо было обмораживать щеки и душу, следовало неторопливо покупать одно предприятие за другим, поштучно подбирать специалистов, закладывая основы будущей империи. Если и приходилось чем рисковать, так это деньгами.

И мечты о кругосветном путешествии остались мечтами.

В юности Измайлов надеялся, что станет богатым и объедет весь мир. Когда он разбогател, оказалось, что ехать некуда - мир везде был похож на Сходню: многоэтажки офисов и жилых домов, купола и прямоугольники промышленных предприятий, закольцованные в бетонные туннели реки с многочисленными очистными сооружениями, призванными избавить речные воды от промышленных ядов, которыми их отравил человек. И свалки, свалки, свалки... Не зря кто-то сказал, что мир - это большая помойка. Слава богу, к тому времени Измайлов уже был достаточно богат, чтобы позволить себе этот Парк...

От подобных мыслей настроение Измайлова испортилось. Да и без того надо было идти - на западе небо потемнело от низко нависающих туч, блеснули молнии, и ветер принес раскатистый треск грома. Попасть под дождь не хотелось. И он заторопился.

Возвращался он все по той же тропе. Остановившись у муравейника, он некоторое время с улыбкой смотрел, как муравьи суетятся, торопливо закрывая входы и готовясь к дождю.

Он был слишком увлечен насекомыми, чей труд так напоминал человеческий, поэтому не сразу заметил вмятины на травянистом грунте тропы, а когда заметил, даже надел очки, чтобы внимательнее разглядеть странный след.

След был крупным и отчетливым.

Измайлов почти ничего не знал о повадках диких животных. Откуда?

Последний зоопарк исчез еще до того, как он стал подростком. Обрывочные знания, полученные из книг, не давали возможности сделать окончательный вывод, но, судя по отпечатку на траве, след принадлежал большой кошке. В первый раз Измайлов пожалел, что привык полагаться на специалистов.

2.

- Не может быть, босс! - сказал инженер Маккрейн. - Все делалось по вашему проекту. Кто бы осмелился изменить ваши планы. Вам показалось, ручаюсь. Вы же знаете, Парк - дорогое удовольствие.

Некоторое время Измайлов внимательно смотрел ему в лицо, постукивая карандашом по столу.

Лицо Маккрейна оставалось спокойным.

- И все-таки, - сказал Измайлов, - я хочу, чтобы ты еще раз просмотрел всю документацию на Парк. Мне не нужны сюрпризы.

- Я могу считать это отдельным заданием? - спросил инженер. Измайлов усмехнулся.

- Задание, - кивнул он. - Причем срочное и хорошо оплачиваемое. Брось все и займись этим немедленно. Скажешь Зотову, что это мое указание.

Маккрейн был хорошим инженером, Измайлов сам нашел его в Ирландии во время Второй европейской депрессии, когда многие хорошие специалисты потеряли работу. Ее просто не было, поэтому Маккрейн был готов поехать к черту на рога, а не то что в жиреющую на глазах Россию, которую многие недолюбливали. А что еще оставалось делать ирландцу, обремененному многодетной семьей? Но в России Маккрейн, к своему удивлению, быстро прижился и теперь, пожалуй, если бы ему предложили перебраться в Страсбург или Марсель, он бы крепко подумал. Измайлов платил ему щедро - хватало и на содержание семьи в Голуане и на девочек в Москве. Подобное отношение к людям было принципом Измайлова: человек, который добросовестно работает на империю, должен получать в соответствии с вложенным трудом. Как говорили раньше: от каждого - по способностям, каждому - по труду.

Проводив инженера взглядом, Измайлов вызвал секретаршу.

Он уже вышел из того возраста, когда в помощницы берут длинноногую красотку с коровьими глазами и чувственным ртом. Секретарше было около сорока, но в ней чувствовался стиль: костюм от Абрамова, по которому сходила с ума Европа, прическа модельного агентства «Дидилай» и соответствующая косметика - неяркая, но дорогая и качественная, такая продается лишь в фирменных японских бутиках и стоит кучу денег. «Интересно, сколько я ей плачу? -

неожиданно подумал Измайлов. - Неужели ей хватает на все это барахло? Или бабонька подрабатывает? Надо бы поинтересоваться, какую сумму она у меня получает, и велеть Нефедову, чтобы пригляделся к ней».

Вслух он сказал лишь дежурное:

- Ну, что там у нас сегодня?

День оказался не очень загруженным - предстояла встреча с представителями Сибирского торгового дома по вопросам поставок «Красоток Мини» в восточные регионы России. Сибиряки просили скидку в три процента, упирая на объемы закупок, но Измайлов накануне долго совещался с работниками отдела реализации, и они пришли к единому мнению, что скидка не может превышать два с половиной процента. На переговоры Измайлов шел с твердо обозначенной позицией. Подобные вопросы Андрей Измайлов привык решать сам, ему нравилась сама атмосфера торга, спора, в котором тебя стараются переиграть, используя все накопленные человеческим опытом психологические приемы.

На вторую половину дня Измайлову назначил встречу губернатор области. Сомневаться не приходилось: глава станет просить денег, как будто ему не хватает налоговых отчислений. Может, и в самом деле не хватает - аппетиты, как известно, растут во время еды. Экономический отдел подготовил Измайлову справку: за последние два года область приняла законопроекты, позволившие империи сэкономить почти сто десять миллионов рублей. «Потребуется половину», - подумал Измайлов. Разумеется, никто таких денег областному администратору давать не собирался, на листочке была выведена цифра, которую экономисты обозначили как предельную, пренебрегать советами специалистов Измайлов никогда не стал бы, но и губернатора обижать не хотелось - достойный человек, принимает достойные решения. И не забывает тех, кто в него на выборах вложил. Мысленно Измайлов уже выстроил предстоящую встречу в областной администрации. Поэтому он только махнул рукой, показывая секретарю, что на этом вопросе останавливаться не стоит. А затем сказал:

- Вызовите из Перми Александра Крачко... Или нет, это будет слишком долго, дайте указание послать за ним мой самолет.

Секретарша промолчала, но посмотрела на босса удивленно. Измайлову было наплевать, что она думает. Разумеется, в империи знали о его близких, степени их родства, а главное, как относится шеф к тому или иному родственнику.

- Когда записать его на прием? - поинтересовалась секретарша, обретая обычный невозмутимый вид.

- Я сам его встречу, - отрезал Измайлов. - Пусть держат со мной связь и сообщат, когда будут возвращаться.

Решение он принял спонтанно, еще не понимая, зачем ему

понадобился племянник, поэтому немного досадовал на себя за неожиданный порыв. А с другой стороны, надо же когда-то принимать решение!

- И еще одно, - сказал он хмуро, прежде чем секретарша поднялась из кресла. - Пригласите ко мне Нефедова.

- У вас двадцать пять минут до встречи с сибиряками, - предупредила помощница.

Двадцать пять минут!

Измайлов едва не фыркнул. Кто-кто, а он-то умел ценить время!

На беседу с начальником службы безопасности у него ушло ровно восемь минут.

Служба безопасности «Трикстера» не даром ела свой хлеб - информация, полученная от ее начальника, заставляла смотреть на многие, казалось, устоявшиеся и привычные вещи совершенно иначе.

3.

За ночь в Парке прошел дождь.

Пахло свежей землей и травой, дикие ароматы леса будили инстинкты.

Серебряные капли висели на паутине, натянутой расторопным пауком прямо через тропинку. Паутина выглядела красиво, крупные капли казались драгоценными камнями, оправленными в ажурное потемневшее серебро. Андрею Измайлову не хотелось рвать паутину, созданную кропотливым трудом, поэтому он заставил себя наклониться, пропуская паутину над головой. Капля дождя упала на голову, заставив хозяина Парка вздрогнуть и поежиться.

Небо было чистым, над молодой березовой рощей горела полоска зари, она была похожа на паутину, в которой красно светился шарик заходящего солнца.

Три года назад, давая указание спроектировать Парк, он оговорил важное условие: в Парке не должно быть крупных зверей, тем более хищников. Парк создавался как место отдохновения, а не как зверинец. Несколько косуль, птицы, лягушки, улитки, мелкие рыбешки, зайцы и ежи, некоторые насекомые, только, упаси боже, не комары.

Глава империи «Трикстер», тяжело опираясь на трость, поднялся на вершину небольшого пологого холма, поросшего степными травами. Среди зелени желтели ирисы и львиный зев, с холма открывался вид на ровное пространство, откуда доносилось тревожное посвистывание сусликов.

День прошел не зря - переговоры с Сибирским торговым домом закончились подписанием выгодного договора, разговор с губернатором оказался менее болезненным и неприятным, чем ожидал

Измайлов. Те два миллиона, которые просил губернатор для работ по сносу Второго квартала городка, Измайлов давно уже решил выделить - империи не хватало производственных площадей.

Завтра ожидался приезд племянника Александра. Пора было решаться. Измайлов давно уже подумывал о новом завещании, теперь час настал. Это только кажется, что возраст ничего не значит, что ты еще крепок и протянешь не один десяток лет. Пора было уходить на покой, оставаясь, конечно, при этом председателем Наблюдательного совета корпорации, способным влиять на ключевые решения. Измайлову хотелось поддержать племянника подле себя, присмотреться к нему, возможно, научить некоторым своим приемам, которые позволили создать корпорацию, определить степень его подготовленности к плаванию в беспокойном океане бизнеса. Были и еще некоторые соображения, заставляющие Измайлова спешить.

Что ж, если все пройдет, как он задумал, можно будет удалиться от дел и отдать все свое внимание совершенствованию Парка. Это пока Парк занимал всего несколько десятков гектаров, планы Измайлова простирались дальше - Парк замысливался как жемчужина империи. Пока он был доступен лишь ему одному, но Андрей не сомневался: люди будут охотно платить деньги за возможность побродить по росистой траве или ощутить себя удачливым рыболовом у богатого рыбной озером.

Все игрушки, производимые империей «Трикстер», не стоили маленького участка Парка.

Люди утратили дикую природу, а Измайлов был способен вернуть им первозданный мир. Каждый город должен иметь свой парк, открытый для всех.

Размышляя об этом, старик дошел до водопада, некоторое время постоял в мраморной ротонде, любясь радугой, вспыхивающей среди струй воды.

За подобное зрелище обязательно станут платить. И за коршуна, парящего в небесной синеве, - тоже.

Измайлов вдруг подумал, что тем самым он уподобится Создателю, правда, инженеры и конструкторы его не годились на роль ангелов. «Как там было сказано? - с улыбкой подумал Измайлов. - Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою... И сказал Бог: да прорастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так».

С улыбкой на губах он стоял в ротонде, глядя на кусочек воссозданного мира, и вспоминал: «И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной.

И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных

пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо».

Это и в самом деле должно было выглядеть хорошо, просто великолепно все это должно было выглядеть. Мысленно он представил себе отары овец на зеленых лугах, щебечущих синиц в березовых рощах, курлычащие клинья журавлей, улетающих в неведомые дали, застланные синим туманом закатов и рассветов. Потом он вообразил петухов, поющих на ограде из жердей близ потемневшего бревенчатого дома, и увидел, что это действительно хорошо.

В задумчивости он спустился с холма, неторопливо ступая и при каждом шаге тяжело опираясь на трость. Тропинка вилась меж пахучих смородиновых кустов, где среди зеленых изразцовых листов уже наливались красные кисти ягод, кисло-сладко лопающихся во рту при легком нажиме языка.

Он был слишком занят своими мечтами, а потому не заметил, как некоторое время шаловливый вечерний ветер теребил пучок жестких рыжих волос, повисших на сломанной ветке, а потом подхватил его и унес к низким разлапистым облакам, готовящимся поутру спуститься вниз и блуждать среди деревьев голубоватым и загадочным туманом, похожим на дым осенних костров.

4.

Племянник произвел на него хорошее впечатление.

Александру Крачко было тридцать лет, и за время работы он успел утвердить себя в корпорации. У него были выющиеся светлые волосы и открытое лицо, костюм молодежного покроя подчеркивал достоинства спортивной фигуры. Измайлов вдруг подумал, что племянник его, должно быть, нравится женщинам, и вскоре это подтвердилось внимательным и призывным взглядом проходящей мимо столика брюнетки.

Они сидели в маленьком ресторанчике под названием «У Семеныча». Здесь подавали прекрасное жаркое, сочное мясо невозможно было отличить от естественного, а рыбу и моллюсков для морской пасты сюда ежедневно доставляли самолетом. Измайлов любил это местечко: ресторан напоминал ему заведения, которые он посещал в юности, а вышколенная прислуга давно уже знала его вкусы. Даже не хотелось думать о том, что на кухне каждое блюдо, поданное к столу, проверяется службой безопасности. Хотелось пить французское вино и наслаждаться жарким.

- Я думаю, Александр, вы понимаете, о чем пойдет речь, - сказал он, поднимая бокал и внимательно разглядывая молодого человека.

- Хочется думать, что я не ошибаюсь, - сказал Крачко.

Неопределенность ответа понравилась Измайлову. Похоже, родственник умел выбирать линию поведения.

- Я уже стар, - решительно сказал он. - Мне хочется удалиться от дел. Но на кого оставить «Трикстер»? Это мое детище, я посвятил ему всю жизнь и не могу довериться случайному человеку. Вы меня понимаете?

- Вы хотите довериться мне, - спокойно сказал молодой человек.

- Мне нравится, что вы без ложной скромности оцениваете свои способности, - улыбнулся Измайлов. - Вы угадали, я действительно решил вручить вам судьбу империи. Разумеется... - предостерегающе поднял он руку, - разумеется, я не хочу оставить вас без своей поддержки, все-таки за жизнь я накопил определенный опыт, который, смею надеяться, окажется небесполезным еще долгие годы. Сам я войду в Наблюдательный совет, поэтому не думайте, что я позволю развалить свое детище неосторожными действиями.

На губах собеседника промелькнула усмешка.

«Мальчик считает, что может обойтись без моих наставлений, - понял Измайлов. - Самоуверенность - не лучшее качество для предпринимателя. Она мешает видеть главное».

Однако вслух он ничего не сказал.

- Ваше решение бесповоротно? - спросил Крачко.

- Бесповоротных решений не бывает, - хмуро отозвался Измайлов. - Взвесьте все, оцените трезво свои возможности. Я хочу знать, справитесь ли вы с той задачей, которую я намерен возложить на вас. Даю вам неделю, за это время вы должны подготовить для меня основные тезисы того, что предпримете, заняв место главного управляющего нашей империей. И не забудьте: за вами будет не только производство, но и финансовые возможности «Трикстера» и поддерживающих его банков. Если вы пожелаете получить дополнительную информацию, обратитесь в службу безопасности, я дал Нефедову соответствующую команду.

- Я понял, - сказал Крачко.

В молчании они закончили ужин. Измайлов не терпел пустой или, как ее еще именуют, светской болтовни. Вести диалог можно лишь о вещах одинаково важных и интересных каждому собеседнику, иные разговоры не стоят и ломаного гроша.

Несколько раз за вечер Измайлов ловил на себе испытующие взгляды племянника, словно тот хотел его о чем-то спросить. Старый предприниматель был готов к любому вопросу, но кандидат в «императоры» молчал. Что ж, эта сдержанность тоже говорила в его пользу.

Во второй половине дня у Измайлова опять были деловые встречи.

В беседах с людьми он без труда угадывал расставленные ему ловушки и легко избегал их, с радостным оживлением, так

несвойственным ему последнее время, отмечая досаду противной стороны. Он знал, что в деловом мире его называют Седым Лисом, и не возражал - кличка довольно точно отражала его натуру: столкнувшись с чужим коварством, он не вспыхивал в порыве негодования, а исподволь делал все, чтобы обратить чью-то хитрость на пользу своей корпорации. Скажем так: если его партнеры играли в шашки, то он играл в покер, блефуя при необходимости, и никогда не спешил выложить перед соперником полученную комбинацию карт.

Вечером он вызвал к себе Маккрейна.

- Я проверил факты, - доложил инженер. - Все соответствует документации. Неожиданности исключены. Это усталость, босс. Она зачастую оборачивается излишней подозрительностью. Вам надо хорошенько отдохнуть.

- В таких советах я не нуждаюсь, - холодно сказал Измайлов, помолчал немного, а затем с ледяным любопытством поинтересовался: - Вы, кажется, решили вскружить голову моей ветреной родственнице?

Маккрейн побледнел, затем бледность его щек сменилась багровым румянцем.

- Я забыл о шпионах, - с некоторым смущением сказал он. - Случайная встреча, босс, это не моя вина. Вернее, не только моя. Вам это неприятно? Обещаю, что подобное больше не повторится.

- Я бы не возражал, Грегори, - равнодушно сказал старик, - но, кажется, у вас в Ирландии семья? Вы ведь не собираетесь оставить своих ребятишек?

Маккрейн, смущенно потупясь, поднял обе руки.

- Сдаюсь, босс, - сказал он. - Вы меня пристыдили.

- Вернемся к Парку, - кивком соглашаясь с инженером, продолжил Измайлов. - Значит, я могу не опасаться неожиданностей?

- По крайней мере, я ничего неожиданного не обнаружил, - развел руками Маккрейн. - Хотите, чтобы я отдал документацию в наш научный центр?

- Не стоит, - качнул головой Измайлов. - Не хочется, чтобы каждый сопляк считал, что я уже выжил из ума. Я доверяю вашему чутью, Грегори.

5.

В ручье играли серебристые мальки.

Они кружили в прозрачной воде над разноцветной галькой, суетливо метались у берега, всплывали, чтобы схватить на поверхности что-то съедобное, но невидимое простому глазу, и тогда по водной глади расплывались бесчисленные круги.

А в темной глубине изредка проносились большие стремительные силуэты, на мгновение вспыхивали крутые сильные тела и гасли, уходя еще глубже, куда не доставали лучи солнца. Ручей был глубок, как маленькая речка, на галечном мелководье перекатов вода с журчанием набирала скорость, чтобы через несколько десятков метров потерять ее и остановиться в омуте, покрытом глянцево-зелеными крупными листьями кувшинок, над которыми резными кулачками желтели цветки.

Если сесть на камень и не шевелиться, можно было увидеть, как набирается смелости и осторожно выползает из-под камня рак. Рак был молодой, недавно отлинявший и оттого с веселым зеленовато-голубым панцирем. Рак удивленно тарасил черные бусинки глаз, выдвигал их на длинных стебельках, словно хотел обозреть себя целиком.

Можно было искупаться, а потом по мелководью перейти на другой берег, где в зарослях орешника свила крошечное гнездо малиновка и где сейчас лежало несколько маленьких крапчатых яичек.

Парк пока еще был не слишком большим, но уже велась работа по его расширению - сложная, кропотливая, требующая усилий многих специалистов самого разного профиля. Измайлов предвкушал: однажды он обогнет ближайший лесок, и ему вдруг откроется предгорье - зеленая прохладная равнина, где бродят красивые кони. И хорошо бы поместить дальше горный массив с одной или двумя снежными вершинами.

Когда придет время, можно будет переселиться сюда навсегда. Стать бессмертным обитателем Парка.

Измайлов остановился. Он был слишком занят своими мыслями, но сознание отреагировало на сигналы зрительных нервов.

В прозрачной воде резвились темные струйки.

Течение сносило их к Измайлову, но рассмотреть, что они собой представляют, не удавалось - струйки расползались, растворялись в воде, к ним стремительно бросались мелкие рыбешки, они словно глотали извилисто плывущие струйки, но на смену им из-за скрытого кустами поворота ручья приплывали все новые и новые.

Потом они исчезли.

Любопытство требовало вернуться назад и попытаться разобраться, что же пачкало воду странными розоватыми примесями, но здравый смысл подсказывал: делать этого не следует.

Измайлов всегда доверял своему внутреннему голосу.

Последнее время, приходя в Парк, он чувствовал на себе чей-то недобрый взгляд. Именно поэтому он потребовал, чтобы Грегори Маккрейн разобрался в происходящем.

Однако инженер не нашел никаких причин для беспокойства.

Это настораживало и заставляло не доверять уверениям ирландца.

6.

- Мне понравилось, что одной из первостепенных проблем для него стало обеспечение вашей безопасности, - докладывал Нефедов.

Старик кивнул.

- Что же, - сказал он, - умный и расчетливый мальчик. Он понимает, что с моей смертью потеряет все. Отсюда и соответствующая постановка вопроса.

- И он просчитал, откуда и как к вам можно подобраться, - добавил начальник службы безопасности. - Честно говоря, некоторые варианты показались мне совсем уж экзотическими. Их не предусмотрели даже мы.

- И это тоже в его пользу, Геннадий, - кивнул Измайлов. - Кстати, служба должна учесть его варианты. Если до них додумался мальчик, то могут сообразить и другие.

- А меня тревожит то, что он нашел эти подходы. Слишком быстро он их нащупал: возможно, он всесторонне обдумывал эту проблему.

- Верно, - согласился Измайлов. - Но от замысла до воплощения дорога длинная, а он за это время ни разу не преступил грань, так? Вы что-нибудь проверяли?

- Работаем, - коротко сообщил Нефедов.

- Интересный ход он придумал с землей, - задумчиво протянул Измайлов. - Вроде бы просто, лежит на поверхности, но ведь мне никогда не приходило в голову, что можно совместить пищевые комплексы с предприятиями по изготовлению иной продукции. Многоярусность... неплохо, совсем неплохо. У вас что-нибудь есть против него?

- Пожалуй, вся информация говорит за него, - пожал плечами начальник службы безопасности. - Стандартная семья: две жены, четверо детей, любовница, с которой он встречается довольно редко, хорошая квартира в Перми... Кстати, любовнице жилье тоже приобрел он; с детьми проводит все выходные; друзья - приличные люди. В азартных играх не замечен, спиртным не злоупотребляет, к наркотикам относится резко отрицательно.

- Вы мне рисуете ангела, а не человека, - с иронией сказал Измайлов.

- Не знаю, как вас, а меня это несколькостораживает, - возразил Нефедов.

- Если бы вы не обращали внимания на подобные вещи, я бы вас немедленно уволил, - усмехнулся Измайлов. - В своих соображениях мой племянник упомянул о Парке. Так вот что я вам скажу, Геннадий: последнее время Парк и в самом деле пугает меня. Вы знаете, сколько сил и времени я отдал его созданию. Теперь я убежден: за ним будущее. Это уже даже не игра. Каждый человек должен иметь свой

Парк. У одного он будет состоять из десятка деревьев и кустов, у другого - раздвинется на сотню гектаров, но каждому собственный Парк поможет выжить в нашем жестоком мире. Вы не поверите, но я быстро прихожу в себя, когда гуляю в тени деревьев. Так было всегда, однако последнее время меня не покидает ощущение, что за мной кто-то следит. Я поручил Маккрейну изучить документацию, но он не нашел ничего подозрительного. А мне там не нравится! Это - довод?

Нефедов улыбнулся.

- Конечно, довод, босс. В конце концов, вы заказываете музыку. Значит, музыканты должны стараться. Будет лучше, если вы на время воздержитесь от посещений.

- Как это - воздержусь?

- Пусть туда походит кто-то другой. Человека мы подберем. Не думаю, что это будет стоить очень дорого.

- С ним ничего не случится?

- А что с ним может случиться? - удивился Нефедов.

7.

Господи, как здесь было чудесно!

Он шел по Парку, чувствуя, как постепенно намокает от росы обувь.

Между деревьями блуждал белесый туман, сквозь который проглядывал узколиственный кустарник. Еле намеченная в траве тропинка вела его дальше - к высокому холму, над которым расплескалось небо.

Он никогда не думал, что такое возможно. Раньше ему казалось, что весь мир состоит из огромных домов, соединенных переходами, где его никогда не пускали выше первого этажа. До тридцати пяти лет он воображал, будто весь мир - огромный подвал, где за переплетением труб возятся крысы и столовая находится в центре утилизации мусора, поступающего с верхних этажей.

Теперь он знал: это не так.

Он был благодарен человеку, который нашел его в подвале и дал эту работу.

Работу? Господи, неужели прогулки в Раю могут считаться работой?

Он поднялся на холм и зачарованно наблюдал, как с холма падают прозрачные струи воды. Ниже располагался голубоватый ручей, по берегам поросший камышом и кустами. Переливалось всеми цветами радуги мелководье. Все было так, как это описывалось в старых книгах, даже лучше - ведь текст никогда не может передать великолепия картинки.

Можно было стоять часами и смотреть на падающие струи воды.

Смотреть часами...

Как раз этого делать не рекомендовалось, по условиям контракта он

должен был ежедневно обходить всю территорию. А затем записывать свои впечатления в специальный журнал.

- Если вы увидите какие-то отклонения, - сказали ему при подписании контракта, - даже не увидите, а просто почувствуете, обязательно отразите это в журнале наблюдений. Это очень важно.

Господи! Какие отклонения могут быть в Раю?

Больше всего он жалел, что этой красоты никогда не увидят его дети. А все попытки пересказать райское великолепие своими словами, донести до них прелести дикой природы окажутся бесполезными - ребяташки могут поразиться красоте слов, но они не представят себе каплю росы, медленно ползущую по широкому листу платана, юркость рыб в темнеющей глубине воды, шустрость желтогрудых синиц, разглядывающих человека с деревьев.

Сознание того, что с истечением двухнедельного контракта придется возвращаться в подвал, приводило его в отчаяние.

С каждым днем он все больше думал об этом, иногда тоскливые мысли заслоняли от него красоты природы.

Вот и сегодня он шел, печально думая о том, что еще один день подходит к концу, что остается совсем немного до возвращения в ад, поэтому не сразу сориентировался, когда где-то сбоку мелькнула стремительная тень. Тяжесть чужого тела накрыла его, пальцы ощутили жесткую шерсть, а прямо перед глазами открылась красно-розовая пасть, полная блестящих белых клыков.

Он закричал, чувствуя боль в теле, а страшные когти полосовали его тело, на мгновение он увидел злые желтые глаза зверя с тонкими вертикальными зрачками. Глаза были полны превосходства и пренебрежения к слабому человечку, которые осмелился забрести в чужие охотничьи угодья.

Он снова рванулся, закричал, и лес повторил его дикий крик многократным постепенно затихающим эхом.

Мир потемнел, и в эту темноту стремительно погружалось то, что совсем недавно казалось ему божественным даром. Ад жил в Раю.

Теперь этот ад настиг его.

8.

Вечерний звонок нес в себе неожиданность.

Впрочем, они ее ждали, они ее боялись и нетерпеливо надеялись, что однажды ЭТО все-таки случится.

- Грегори, - голос Ангелины был напряженным, казалось, она едва сдерживается, чтобы не сорваться в крик. - Похоже, что все случилось сегодня. Как он кричал! Если бы ты слышал!

- Ани, погоди, - быстро сказал Маккрейн. - Я сейчас приеду. Никому ни

слова, иначе ты все испортишь. Нам надо довести дело до конца.

- Как он кричал! - повторила Ангелина. - Этот крик до сих пор у меня в ушах!

- Милая, - деловито сказал Маккрейн. - Держись! Ведь ты сама этого хотела, не так ли? Спустись вниз и жди меня. Как хорошо, что в вашей России не принято держать дворецких!

Он отключил телефон.

Мысли оставались холодными и четкими.

Маккрейн спустился в гараж и отправился к дому Измайлова.

На дорогах его задержали пробки, поэтому он приехал к дому на тридцать пять минут позже намеченного. Плохо, очень плохо. Полиция, конечно, обнаружит, что смерть наступила значительно раньше, чем раздался звонок в участок. Придется что-то придумывать. Со службой безопасности все проще: Ангелина - наследница, кто же станет портить отношения с будущим работодателем? Даже в России таких дураков нет. Конечно, придется еще полгода поизображать из себя влюбленного, получить от Ангелины все, что причитается, и можно отправляться из этой страны в благословенную Ирландию с ее сидром, виски и потином. Угрызений совести Грегори Маккрейн не испытывал: старик и в самом деле зажился, надо уступать дорогу молодым...

Ангелина встретила его у порога.

- Слава богу, ты приехал, - выдохнула она. - Меня до сих пор трясет...

Грегори небрежно поцеловал ее.

- Пойдем, - сказал он. - Мы и так запаздываем, а надо еще внести тигра в реестр программ Парка, тогда никто и никогда не узнает правды. Будут считать, что все сделано в соответствии с пожеланиями старика.

Тело лежало на полу.

Шлем закрывал голову, рубашка была смята, расстегнута и красна от крови. На груди и шее темнели глубокие рваные раны. Провода, соединявшие человеческую душу с сердцем Парка, оборвались и змеились по полу разноцветными петлями.

- Ты смотри, - с некоторым удивлением сказал Маккрейн, - у него стигматы там, где его рвал воображаемый тигр.

- Как ты можешь быть таким спокойным? - возмутилась Ангелина.

- Через пару часов ты тоже успокоишься, - Маккрейн достал флэшку, собираясь вставить ее в разъем. - А еще через неделю станешь богатой и счастливой.

Он присел на корточки, повернул голову мертвеца, желая заглянуть ему в лицо.

- Черт! - выругался Маккрейн. - Это не босс!

- Конечно, это не я, - подтвердил спокойный и тихий голос.

Вспыхнул свет. Измайлов сидел в кресле в углу комнаты. Рядом с ним

стояли люди. Не стоило и гадать, где эти люди служили.

Ангелина взвизгнула, теряя самообладание.

- Седой Лис, - выпрямился Маккрейн. - Ты опять одурачил всех. Но кто же тогда лежит на полу твоего кабинета?

- Бродяга, - ответил Измайлов. - Бродяга, которого попросили прогуляться по Парку. Ты ведь не знал, когда тигр нападет? Блуждающий клон, верно? Он не был нацелен именно на меня, ведь так? Он был нацелен на любого человека, который появится в Парке...

- Ненавижу! - истошно крикнула Ангелина. - Ненавижу!

- У тебя еще будет время полюбить меня, - невозмутимо сказал старик, в то время как умелые руки надевали на любовников наручники. - За смерть человека придется ответить, Гела. И тебе, Грегори, тоже придется ответить!

Он помолчал. Потом вдруг кивнул.

- Я ее понимаю, ее подстегивало нетерпение. Но чего тебе не хватало, Грегори? Зачем ты ввязался в эту историю? Любовь?

- Деньги, - просто сказал инженер. - И потом, вы же знаете, что лакеи всегда ненавидят хозяев. Кроме того, мне хотелось доказать, что я смогу то, чего не смогут другие. Еще немного, и никто никогда не узнал бы правды. А за смерть этого бродяги пришлось бы ответить вам.

- Системный блок придется забрать, - озабоченно сказал плотный мужчина в черной рубашке и темных брюках, - вещественные доказательства...

- Я понимаю, майор, - кивнул Измайлов. - Но, ради бога, будьте осторожны. Тигр все еще бродит по Парку, и он опасен.

Любовников увели, надев на них блестящие наручники.

Измайлов с огорчением смотрел на неподвижное тело, рядом с которым сидел следователь.

- У меня не будет каких-либо неприятностей? - озабоченно спросил он у майора.

- Вы ведь не предполагали, что такое случится, - утвердительно кивнул тот.

- Да, - сказал Измайлов, по-прежнему глядя на мертвое тело. - Такого я, конечно, не предполагал.

Он говорил правду. Этот вариант был настолько невероятным, что даже не рассматривался всерьез его службой безопасности.

Но был один человек, который предусмотрел этот вариант. На этого человека пока еще можно было опереться.

И еще один - который эту возможность использовал. Он был уже безопасен.

Измайлова тревожило то, что в мире и в его корпорации было много людей, обладающих неумемной и богатой фантазией.

И это был фактор, которого следовало опасаться.

9.

Над пустынным Парком светило солнце.

Птицы, нахохлившись, сидели на ветках, прячась в зеленой, слегка пожухлой от жары листве. В Парке у них появился новый враг, его следовало бояться. Враг скользил среди травы, извиваясь и высоко поднимая треугольную голову. Из пасти врага появлялся дрожащий раздвоенный язычок, которым враг пробовал густой воздух, напоенный ароматами трав и цветов.

Сильное длинное тело свивалось в черные кольца, глаза с желтым вертикальным зрачком зло и внимательно исследовали мир.

На птиц, как это ни странно, мамба не обращала внимания.

Запущенная в искусственный мир змея имела совсем иную цель - она была запрограммирована на одного-единственного человека. Он еще не появился в Парке, но змея была вечна, она могла ждать сколько угодно долго. Человек был обречен.

И обнаружить змею, изучая программу, никто не мог - мамбу прописали в многочисленных файлах Парка обрывками двоичного кода. Взятые в отдельности, они ничего собой не представляли, а полностью образ ядовитой и страшной змеи был доступен лишь маленькому незаметному червячку, прописанному в автозапуске Парка и являющемуся неотъемлемой частью программы.

РИЧАРД ЧВЕДИК

ОРФ

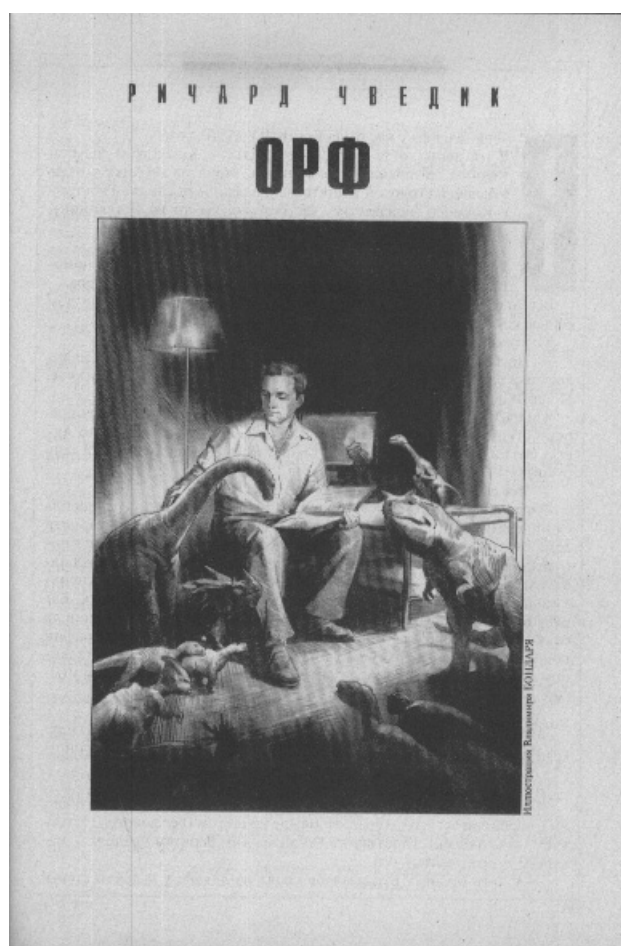

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

Вчера вечером у нас была БОЛЬШУЩАЯ гроза!

В тот день, когда умер Диоген, Аксель, маленький голубой теропод со шрамом вдоль спины, стоял на столике у окна в бывшей столовой и диктовал очередное послание Ребятам-в-Космосе (неизвестно, где они, но где-то во Вселенной), как делал с весны еженедельно.

- Молнии сверкали, гром бубухал, и вообще!

Регги (так все в доме называли компьютер Reggiesystem, помогавший заправлять приютом) послушно записала его слова.

- Все испугались, и стены затряслись, а я подумал: вдруг наш дом сейчас ка-а-ак стартует в космос и приземлится... На Марсе!

Отвлечшись от экрана, Аксель посмотрел за окно.

- Но теперь гроза прошла, небо ясное и голубое, и все такое яркое-преяркое, точно дождь его помыл! Такое чистое и... и живое! И цветы вон там, и деревья, и трава, вообще ВСЁ!

Он нагнулся, крошечные лапки почти коснулись стекла, пасть широко открылась: никогда сад не казался таким красивым. Будто Аксель его ни разу прежде не видел: таков уж был его дар - каждый день открывать мир заново.

- Все ожило!

Хотя обращался он к Космическим Ребятам, его голос разносился по

всему дому. Несмотря на то что Аксель был не выше двадцати семи сантиметров в высоту (если вытянется во весь рост), голос у него был как у завра, который в три-четыре раза больше. Он сделал пару шагов к другому концу стола. Прямо под ним, у нижней ступеньки пластмассовой лестницы, по которой он сюда вскарабкался, Барабу Боб и еще кое-кто из «малышни» (завры величиной от мыши до белки) фотографировали друг друга камерой-указкой. Фотографии появлялись в квадратиках на гибком виниловом экране, расстеленном на полу, как одеяло. А уж как они радовались собственным улыбающимся мордочкам!

Аксель рассказал про них Космическим Ребятам.

Мимо, по пути в библиотеку, как раз катил Ас во главе группы других малышей на тележках с приводом от батарейки - такие устройства у завров звались самокатами.

Аксель и про них рассказал Космическим Ребятам.

А еще поведал им про завриков, гоняющих хвостами по полу шашки в особой игре: что-то среднее между крикетом (без воротец) и хоккеем (без клюшек). И объяснил Космическим Ребятам правила - наверное, уже в десятый раз.

- А пять Мудрых Буддазавров сидят на диване у дальней стены! Они дудят в рожки - ду-ду-ду! - а то, что у них получается, надо считать музыкой! А в середине комнаты Альфонс! Он слушает радио! А рядом с ним Росс! У него осталась с обеда редька! А рядом с ними Док! Хей-я, Док, хей-я!

Аксель не мог не помахать Доку, сидевшему на пластмассовой коробке посреди комнаты. Док улыбнулся в ответ и поднял приветственно лапку, жестом того, кто привык черпать из огромных запасов терпения.

- А под столом Агнес учит! Она рассказывает малышне, что плохого в людях. Она считает: спина у них слишком болит, потому что они не ходят на всех четырех лапах! Но я-то не хожу на всех четырех, и у меня все но-о-ормально!

- Хвосты! - крикнула из-под стола серый стезагозавр. - У тебя есть хвост! Да и кто тебе сказал, что ты нормальный?

- У нее там вылупленок! - пояснил Алекс Космическим Ребятам. - Его зовут Лесли! И Ротомотоман помогал его высиживать!

Ротомотоман, полутораметровый цилиндрический робот с округлой головой, занимавший пост у стола, поднял металлическую с шарнирами руку и отсалютовал, растопырив железные пальцы над тем местом, где у человека был бы лоб, - над большими, вечно удивленными глазами.

- А в соседней комнате, - Аксель повернул морду вправо, - смотрят ки-и-ино! В телике человеческий парень! И он лезет по боку большого здания! У него такие штуки на глазах, они называются очки, их люди

раньше носили! А теперь он прилип к большущим часищам! И он висит на стрелке... и... и...

Аксель на минуту умолк, глядя, как тип в черном костюме и соломенном канотье висит на гигантской минутной стрелке. Потом он вдруг вспомнил, что все еще разговаривает с Космическими Ребятами, и дернул мордой влево.

- Ах да! А вон там - БИБЛИОТЕКА! Там всяческие книги! И ведь настоящие же! Диоген и Хуберт следят, чтобы все были на своих местах. Бронте и Кара будут там читать Хетману! Хетмана когда-то очень сильно изранили, и теперь он не может ни видеть, ни бегать! Но однажды я построю ему ЭКЗОКИБОРГА! Как руки и ноги у робота! И еще роботovy глаза! Док говорит, чтобы я даже не думал про экзокиборгов: ведь это очень дорого, и нам, вероятно, не дадут его построить, потому что люди не захотят, чтобы мы делали экзокиборгов. Но никто не сказал, что я не сумею сделать экзокиборга. Поэтому, когда соображу как, я его построю!

- А вот и не сможешь! - рявкнула снизу Агнес. Аксель почувствовал, как от ее голоса у него под ногами завибрировала столешница. - Не сможешь, потому что ты идиот и кретин!

Аксель посмотрел наверх, в потолок.

- И наверху тоже много чего есть! Там Престон пишет РОМАН! И Джеральдина работает в своей ЛАБОРАТОРИИ! И Тибор! У Тибора есть замок, и это - ЯЩИК! У него там уйма вселенных!

- Эй! - Агнес постучала хвостом по ножке стола. - Заткнись, ладно? Тебе что, каждую неделю надо им полный инвентарный список посылать?

- А еще наверху Том! Это человек, который за нами ухаживает. Он сейчас у себя в кабинете, и он говорит по ТЕЛЕФОНУ! У него есть мама и еще человек, она раньше была его самкой. Ему надо их слушать, потому что они знают, чем он якобы занят!

Рыкнув себе под нос, Агнес вдруг заметила, что группка завриков вокруг нее понемногу расплзается, и попыталась вспомнить, на чем остановилась в своих объяснениях того, как боли в пояснице ведут у людей к агрессивному поведению.

Ее партнер Слагго, который столько раз слышал нотации, что сам мог бы их читать (если бы хоть слову в них верил), шепнул:

- Противовес.

- Противовес! Баланс! Хребет всегда параллельно земле! Никогда перпендикулярно!

- А еще, - сказал Аксель, - в лесу вокруг дома у нас есть ЗЛЫЕ ДЯДИ! Они еще там, хотя их никто не видел с тех пор, как Джеральдина выстрелила - ба-бах! - в их грузовичок яркой штуковиной! Они притаились, так как хотят прознать про нас всякое! В наших генах коды и еще разное! Из этого разного мы сделаны! Поэтому они за нами

следят, но мы их не видим! - Аксель снова посмотрел на компьютер, увидел иконку Регги, похожую на детеныша морской змеи (впрочем, никто не знал, какая на самом деле Регги и даже мальчик она или девочка). - Злые дяди могли бы к нам прийти, но Регги их не пускает. И Том их не пускает. И Ротомотоман, если что, поможет!

Ротомотоман опять отсалютовал.

- И Джеральдина тоже. Ну, наверное. Я назвал ту яркую штуку, которой она выстрелила в грузовичок, «Лучом смерти», но Агнес говорит, мол, никакой это не «Луч смерти», раз никого не убил. А потом она сказала, что лучше бы мне назвать его «Не-Лезь-Не-В-Свое-Дело». Ну, никто по правде не знает, чем там занимается Джеральдина. Она посылает всякое одному типу в городе, но мы не знаем что. - Он снова повернулся к окну, рассматривая во все глаза сад, пока дыхание из его ноздрей не затуманило стекло. - А ведь там ПТИЦЫ! А у них есть клювы и крылья! Вот как они залетают на ветки деревьев. И там... там целый мир!

Под столом Агнес зажмурилась. На мгновение показалось: она вот-вот раскричится снова, но сказала она очень тихо, так что даже Слагго едва ее расслышал:

- Ну надо же!

- Аксель открывает мир, - сказал Док. В слепящем полуденном свете голубой теропод виделся ему подпрыгивающим силуэтом. - Опять.

Док думал и старался этого не делать. Не такого ведь ожидают от бежевого тираннозавра почти метр ростом, с толстыми, набрякшими веками и хромой левой задней лапой. От бежевого тираннозавра, сконструированного быть игрушкой (все заврики были «биоигрушками» или «жизнеподобными игрушками» - вот под какими названиями их рекламировали много лет назад), такого ждать нельзя. Их создали быть товарищами детям, говорить приятные пустячки и петь несколько дурацких песенок.

Певец из Дока был неважный, зато он умел слушать, и весьма терпеливо. Мысли, если это были они, приходили сами собой. Ничего серьезного: никаких великих силлогизмов, где одно утверждение следовало за другим, как ступени, ведущие... куда? Нет, никакого мышления, строго говоря, но кое-какая мысль ему в голову пришла.

Столько всего отвлекает: Аксель, и Агнес, и вереница завриков на самокатах. Так что мысль - фр-р! - пропала.

Но Док был терпеливым. И полным надежды, пусть и несколько меланхоличной. Если мысль стоящая, она вернется.

Легонько толкнув Дока, Альфонс указал на радио:

- Ты это слышал?

Радио было настроено на станцию, которая кроме круглосуточных новостей выдавала каждый час пустячные кроссворды. Через набившую оскомину литанию криминальной хроники, природных

катастроф, политических тупиков и отмеренных доз коммерческой пропаганды иногда пробивалось немного стоящих новостей.

- Эбби? - спросил Росс, который слушал радио только потому, что ему нравился голос репортера послеполуденных пробок Эбби Райли.

- Ш-ш! - Кончиком когтя Альфонс коснулся его! морды. - Пять минут. Эбби будет через пять минут.

- О'кей! - Росс пососал свою редьку. Он не спешил с ней расправиться. В редьке уже залегли узкие бороздки от острых зубов.

- Ш-ш! Слушай!

- «...внезапный рост акций «Сани Корпорейшн», приписываемый ее попыткам приобрести некую запатентованную собственность «Биоматии», в прошлом «ТойКо», чтобы способствовать дальнейшему развитию исследований «Сани» в областях здравоохранения и обороны...»

- Некая запатентованная собственность. - Альфонс посмотрел на Дока. - Это про нас, так?

- Возможно, - сказал Док. - Очень даже возможно.

- Они попытаются забрать нас назад?

- Они уже пытались, - мягко ответил Док. - Однако у них соглашение с фондом Этертона, и законным путем они ничего не добьются.

- Законным путем, - повторил Альфонс.

- Законным, - еще тише добавил Док. - Нет причин извещать остальных.

Кивнув, Альфонс повторил слова бизнес-новостей:

- «Здравоохранение и оборона». Это две категории или одна?

- Иногда ты меня пугаешь, друг мой.

- Надеюсь, у вас, ребята, все путем, - говорил тем временем Аксель. - Никакого там вторжения инопланетян или космических штормов! - Он подписался так, как Регги его научила, когда он только начал отправлять послания для Космических Ребят: «Ваш друг, Аксель!».

На мгновение Док испытал зависть к его энергии и еще большую к его энтузиазму, даже восторгу, пожалуй. В лесу «злые дяди», но «все путем». Мир за окном полон войн, нищеты, алчности и трагедий, но в отмытом дождем саду с ветки на ветку перелетают птицы. Доку хотелось бы видеть мир так: радоваться дню, не думая, что за ним последует темнота.

В лесу «злые дяди», они следят.

И, возможно, слушают.

- Мы потом поговорим, друг мой, - сказал он Альфонсу и, поднимаясь с коробки, попробовал перенести вес на хроющую левую ногу: не в сильных болях было дело, а в том, что она не всегда слушалась, когда требовалось передвигаться.

По лестнице он поднялся на свой обычный осторожный лад, в момент сделавшись иллюстрацией к нотации Агнес («Видите? Видите, как он

наклоняется вперед и передней лапой цепляется за перила? Даже карнозавры могут ходить на всех четырех!»), хотя большая часть ее аудитории к тому времени рассеялась, чтобы присоединиться к тем, кто играл с шашками, либо к тем, кто фотографировался крошечной камерой. Слушали только Слагго и вылупленок Лесли, и Доку, пока он продолжил - чуть сконфуженно - свое восхождение, показалось, что делали они это с равными долями долга и сочувствия.

Наверху Док застал Акселя перед экраном Reggiesystem, карликовый терапод зачарованно рассматривал анимированный конструктор своего экзокиборга. На нейтральном голубом фоне разъятые конечности металлического динозавра словно бежали на месте; длинный, блестящий хвост вытянулся назад, строго горизонтально (Агнес была бы довольна, решил Док, если бы заранее не объявила саму затею дурацкой); из кончиков влажно поблескивающих передних лап будто бы вылетали крошечные снаряды (Док содрогнулся, вспомнив пальцы-пистолеты из первого дизайна Ротомотомана); и ярко-желтые лучи (несмертельные, понадеялся Док) лились из светящихся зеленых глаз, возможно, вдохновленные тем лучом, которым выстрелила Джеральдина по припаркованному в лесу фургону.

- Аксель, - сказал он, когда бегущий экзокиборг распался в чехарду анимированных картинок, взявшихся, вероятно, из папки «проектов» Акселя: роботы для вакуума, космотракторы, стайка шарнирных существ, парящих по спирали и мигающих, пара взаимосцепленных вечных двигателей, что-то вроде сарая на ракетном топливе, - экран позволял заглянуть в разум Акселя.

Док посмотрел, приоткрыв пасть, и опять содрогнулся. То ли старый дом стал вдруг много больше, то ли сам он очень и очень усох.

- Хей-я, Док! - Чехарда изображений съежилась в уголке экрана, когда Аксель повернулся на пятке и улыбнулся. - Я тебе махал, когда говорил с Космическими Ребятами! Ты видел, что я тебе машу? - Он повторил жест, чтобы освежить память Дока.

Док, еще несколько шокированный, медленно перевел взгляд на Акселя.

- Верно, видел. Я просто хотел тебе сказать...

- Я не сказал Космическим Ребятам, что ты делаешь, потому что ты как будто делал то, что Агнес называет «сачковать», но ты говорил, это называется «медикация», правильно?

- Медитация...

- Но я слово забыл, поэтому и не доложил Космическим Ребятам!

- Я просто хотел упомянуть...

Он остановился: до него дошел смысл слов Акселя.

- Ты... ты этим своим Ребятам-из-Космоса все выкладываешь?

- Все, что вижу и слышу, пусть они знают, что происходит у нас на планете.

- А они... когда-нибудь отвечали?

Аксель замер, и на ответ у него ушло очень долгое (для него) время - секунды четыре.

- Космические Ребята ДАЛЕКО! Регги говорит, они от нас за миллионы миллионов километров! Это правда далеко. Поэтому Регги считает, что мои весточки, возможно, очень нескоро к ним попадут.

- Понятно. И ты не в обиде?

Аксель покачал головой.

- Космические Ребята могут быть очень заняты. И вообще, мне нравится им всякое рассказывать, потому что мне нужно время подумать о том, что происходит, а по большей части я слишком мало о чем-либо думаю.

Док ответил кратким кивком.

- Иногда хорошо бывает подумать.

Аксель подался вперед, словно хотел шепотом поведать что-то важное, но во всю мочь провозгласил:

- Вот оно! Думать - хорошо, если ничем другим не занят!

- Точно. Кстати, о «другом»: кажется, Бронте и Кара вот-вот начнут читать Хетману в библиотеке.

- Хей-я! - Аксель распрямился, вытянул передние лапы - на манер, вызвавший бы самое решительное неодобрение Агнес. - Мне нужно кое-что спросить у Хетмана, когда они закончат!

- Но на сей раз ты ведь подождешь, пока они действительно закончат, верно?

- Да! Да! Обещаю! Пошли! - Аксель был уже на второй ступеньке пластмассовой лестницы.

- Ты иди, мой друг. Я скоро тебя нагоню.

Аксель ринулся вниз по пластмассовой лестнице - не как существо на двух или четырех ногах, но, скорее, как многоногая машина, единственное назначение которой сбегать по лестнице что есть мочи. С нижней ступеньки он крикнул:

- Увидимся через минуту!

И тут же превратился в машину для беганья по полу, прекрасно сбалансированную.

Док посмотрел ему вслед, зная, что пройдет намного больше минуты, прежде чем он сможет нагнать, и повернулся к экрану компьютера.

- Минутку твоего времени, Регги, пожалуйста.

Иконка Регги на экране изменилась с профиля на анфас и росла в размере, пока Док не заглянул в безмятежные, внимательные черные глаза зеленой морской змеи.

- Регги готова.

- Спасибо. Вот мне интересно, каковы, скажем, шансы на то, что еженедельные отчеты нашего друга Акселя его космическим друзьям будут... м-м... перехвачены. - Док не сказал кем и даже не намекнул,

зачем кому-то перехватывать послания Акселя. - Я просто хочу знать, возможно ли это.

- Сообщения Акселя посылаются в зашифрованном виде от Регги на радиотелескоп Маунт-Херрманн. Протоколы безопасности Маунт-Херрманн требуют, чтобы их сотрудники могли видеть расшифрованное сообщение, но после они пересылают его в том виде, в каком оно было изначально получено.

- Так это и есть слабое звено.

- Формально дешифрование сообщений не есть перехват, - напомнила Регги. - Это просто протокол. Дешифрованное сообщение вполне может пройти по системе Маунт-Херрманн непросмотренным.

- Но если бы кто-то захотел просмотреть сообщение...

- Оно может быть просмотрено и прочтено любым сотрудником Маунт-Херрманн.

- Понимаю.

- Регги должна напомнить, что подобное прочтение не может быть квалифицировано как перехват.

- Я понимаю, Регги. Но если бы к сотруднику этого радиотелескопа обратились частное лицо или какая-то организация...

- Тогда, по твоему определению, это может быть квалифицировано как перехват.

- Значит, возможно.

- Именно так.

- Спасибо, мой друг.

- Также возможно, что лицо или лица могли бы перехватить и расшифровать сообщение, пока оно посылается к месту назначения.

- Не исключено, но рискну предположить: маловероятно.

- На настоящий момент коды Reggiesystem не были расшифрованы никем, помимо сертифицированных получателей.

- Насколько тебе известно?

- Насколько Регги известно, - подтвердил компьютер.

- Премного тебе благодарен, милая Регги. - Улыбнувшись иконке, он повернулся к пластмассовой лестнице. - Да, и еще одно. - Док остановился и посмотрел на экран как бы неохотно и чуть сконфуженно. - В финансовых делах я ничего не смыслю, но уверен, ты прекрасно знакома с портфелем акций трастового фонда С.М.Уиллиса.

Иконка Регги погасла всего на десятую долю секунды, словно Регги надо было сходить за искомой информацией.

- Трастовый фонд С.М.Уиллиса управляется фирмой «Монро и Маккейб» от имени...

- Да, спасибо. Я был бы очень благодарен, если бы ты проинформировала Мура и Маккейба, что им разрешается покупать любые акции «Биоматии», имеющиеся в настоящее время на рынке.

Они могут использовать средства, выделенные для этих целей в индексированном фонде^{*23} Анатоля Фортье.

- Сообщение отослано.

Док галантно поклонился, но чуть больше, чем намеревался, накренился влево, и ему пришлось восстанавливать равновесие.

- И снова прими мою благодарность. Я осторожный инвестор, но хотелось бы думать, что я нечто большее, нежели просто активы.

Он повернулся, чтобы продолжить свой обычный медленный, тщательный спуск со стола, а после проделать путь до библиотеки, - вот только между ним и лестницей возник карликовый коричневый завропод. Очень маленький завропод, который уместился бы на раскрытой человеческой ладони.

Джеральдина.

Док вздрогнул и опять сместился на левую сторону. Пасть у него открылась, но поначалу слова никак не шли с языка.

- Добрый день... Я не слышал твоих шагов...

Впрочем, их никто не слышал. Бывали времена, когда казалось, будто Джеральдина возникает из ниоткуда. Малыши утверждали: мол, видели, как она левитирует, - и Док, хотя и сомневался, никогда всерьез этого не оспаривал.

Джеральдина, как обычно, улыбалась. Многим от ее улыбки становилось не по себе... это в лучшем случае, а в худшем - страшно. В ней было своего рода всезнание, создавалось ощущение, что улыбающийся всегда на несколько шагов впереди тебя.

Голосом таким тихим, что ты никогда не был уверен, слышал его или тебе только почудилось, она подчеркнула расстояние между тремя словами:

- Ты что, дурак?

Док не обиделся. Джеральдина говорила это всем и каждому и так часто, словно скорее здоровалась, чем вопрошала.

- Да, Джеральдина. По сути, я бесконечно дурацкое существо. Но будь я менее глуп, то не знал бы, что собой представляю.

Джеральдина улыбнулась, но не ответила.

- Эбби! Эб-би! Привет! - заорал с середины комнаты Росс. Он слушал голос репортера и сосал свою редьку.

- В настоящий момент, - спросил Док у Джеральдины, - я глупее обычного?

Она промолчала, только повернула маленькую головку и уставилась на экран. Док оглянулся проверить: там еще иконка Регги или уже спряталась. Регги была видна - чуть менее загадочная, чем коричневый завроподик, но когда Док снова повернулся к лестнице, там

²³ * Фонд, доходность которого поддерживается на одном уровне с определенным индексом ценных бумаг. (Здесь и далее прим. перев.)

уже никого не было.

- Ты?.. - начал было Док, обращаясь к иконке Регги, но, к облегчению своему, увидел, как Джеральдина семенит в сторону библиотеки.

- Ну хотя бы, - прошептал Док, внимательно следя за быстрыми движениями крошечных лап Джеральдины, - она не левитирует.

* * *

- Ну пожалуйста, Аксель! - Кара склонила длинную шею, чтобы строго зашептать на ухо Акселю. Ее первое предостережение, короткое «ш-ш-ш!» подействовало, но ненадолго: когда Бронте читала пассаж, где героиня истории говорит: «Я... я не могу не придумывать», Аксель не мог удержаться от крика «ДА!».

- Извини, извини, извини! - Он постарался понизить голос до шепота, но приблизительно с тем же успехом, как если бы толкал скалу соломинкой.

- Больше не перебивай!

Кара наклонила голову, словно готовясь основательным пинком вышвырнуть Аксея из библиотеки. Третье предупреждение станет последним.

Бронте, читавшая книгу, прислоненную к стулу, лишь надолго остановилась, чтобы бросить на них взгляд - жалобный, но настоящий. Крошечный вылупленок Гвиневера, стоявшая подле Бронте, тоже оглянулась, но безмятежно и с любопытством.

Пасть у Алекса осталась широко открытой, словно готовая опять прошептать: «Извините!». Опустив голову, Кара приняла «пинковую» позу и тем пресекла дальнейшие ответы. Голубой теропод нетерпеливо переминался с ноги на ногу, словно ему хотелось в лотковую комнатку, и старался успокоиться, внимательно рассматривая ряды книг.

Библиотека была большой, хорошо освещенной комнатой, где располагались письменный стол темного дуба, длинный рабочий стол и несколько удобных кресел. На одном ее конце высокие французские окна открывались в сад. Хетман любил, чтобы в послеполуденные часы туда подкатывали его плетеную кровать, похожую на детскую колыбель. Он не ощущал жара дня, как утром (окна выходили на восток), но заявлял, что в погожий день способен чувствовать свет.

Состояние Хетмана - без конечностей и глаз, хвост раздавлен и покорежен - позволяло немного утех. Время может быть безжалостным к игрушке. Из этих немногих утех ни одна не значила для него больше, чем слушать истории. Разумеется, имелись электронные книги, но слышать голос, исходящий от кого-то в комнате, - ну, это было более живым, более непосредственным.

Поначалу читал Том, но Бронте и Кара с готовностью заменяли его.

Не просто потому, что они часто, хотя и не всегда, получали удовольствие от историй, но для них чтение было активным занятием. И к тому же общинным: на каждые посиделки собиралось десятка два завров, иногда больше.

Книги выбирал Диоген, он же был неофициальным библиотекарем, а помогал ему Хуберт. Эти тираннозавры достигали в высоту больше метра. При помощи стремянки они могли дотянуться даже до самых верхних полок.

Многие завры любили книги, даже те, кто, возможно, не умел читать. Кое-кто любил иллюстрации; другие - запах бумаги и типографской краски; третьим нравились колофоны, буквицы с завитушками и шрифты; а четвертым - просто смотреть, как Дио и Хуберт приносят им книги, как ползают по полкам наподобие библиоальпинистов, доставая требуемые тома и ставя на место ненужные. Эта пара трудилась усердно и без жалоб.

Литературные пристрастия Хетмана ограничивались по большей части повествованиями о героях и их подвигах: Дюма, Ариосто, Сенкевич, Толстой, Гюго. Бронте и Кара несколько раз брались за Шекспира, читая по ролям некоторые пьесы, и однажды с немалым трудом, но все-таки осилили «Гекльберри Финна».

Недавно Диоген выбрал книгу, которую счел переводом из Гомера, - «Улисс» Джеймса Джойса.

Ошибка быстро обнаружили, но Хетман настоял, чтобы Бронте и Кара дочитали. Хетман сказал, что молодой мистер Стивен Дедал, мистер Леопольд Блум и его жена Молли по-своему очень даже героичны.

По-своему героично Бронте и Кара продрались через роман и все его трудные пассажи.

Когда Бронте наконец достигла последних слов: «Да, я сказал: да. Да», собравшиеся завры (некоторые не расставались с романом, начиная с самой первой страницы, невзирая на то что большую его часть нашли невнятной) выкрикнули вместе с ней: «Да!».

Хетман своим низким, скрипучим голосом завершил их одиссею, сказав:

- Вос-смош-шно, с-следуюш-шую книгу надо выбрать покурош-ше. И ш-шуть более традиш-сионную.

Тут уже все собравшиеся завры закричали:

- ДА!

Диоген выбрал (думая, вероятно, о вылупленыше Бронте Гвиневере, самом первом заврике, какой родился в доме) книгу под названием «Маленькая принцесса»^{*24}. Битв в ней не было, и атак кавалерии и защит баррикад тоже, но Хетман счел маленькую девочку Сару Кру

²⁴ * *Роман Фрэнсис Элизы Барнетт; входит в мировой фонд детской литературы.*

героиней: без матери, потом без отца, потеряла свое место в жизни, с ней приключилось столько бед...

Тем заврам, кто слушал вместе с ним, Сара тоже понравилась, что было редкостью: они не привыкли симпатизировать человеческим детям, как бы те ни бедствовали. Но Сара и ее друзья показались им другими. Возможно, потому что Сара обладала врожденными порядочностью и чувством справедливости, которое они нашли по меньшей мере необычным.

А может, симпатии объяснялись еще проще: Сара разговаривала со своей куклой Эмили. Она была человеком, который уважал свои игрушки, а такое качество умел оценить почти каждый завр.

Даже Жан-Клод и Пьеро - два тираннозавра, чье внимание редко когда удавалось отвлечь от каталога «Стейки с Ранчо Айдахо», - посочувствовали голодающей Саре, заключенной в холодную и темную чердачную каморку.

- Будь у меня гамбургер, - прошептал Жан-Клод, - я бы дал ей кусочек.

- Будь у меня гамбургер, - ответил Пьеро, - я бы дал ей... Ну, в книжке говорится, она любит булочки.

Завры напряженно слушали. Акселю понравилось, как Сара назвала крысу, которая жила в стенах, - Мельхиседек. Он беззвучно двигал челюстями, пробуя на вкус каждый слог: захлопывал их на звуке «м», открывал на каждой гласной, прижимал язык к нёбу, чтобы получился «к», и выдувал воздух через узкий коридорчик, чтобы получился легкий шип. Чем больше он осваивался с именем, тем больше воображал крысу не крысой, а, скорее, завриком: маленьким и грязным, зубы, конечно, побольше и поострее, но глаза, как у малыша.

Хуберт поднял похожий на плиту, переплетенный в кожу географический атлас и задвинул его на одну из нижних полок так тщательно, что Аксель невольно восхитился точностью - и тишиной - его движений.

Диоген, который как раз нес на место том «Тристрама Шенди»^{*25}, остановился, на мгновение захваченный чтением.

Бронте достигла того места, где Сара объясняет подруге, что делает вид, будто она узница Бастилии, а потому стучит по стене, чтобы общаться с заключенным в соседней камере.

- «Ах, Сара! - весело прошептала она. - Это как в романе!» - прочитала Бронте, искусно передавая восторг подруги Сары. - «Это и есть история, - сказала Сара. - Все - история. Ты - история, я - история. Мисс Минчин - история».

- История! - прошептал Аксель...

...И тут «Тристрам Шенди» выскользнул из лапы Диогена. С громким,

²⁵ * Роман Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена».

резким шлепком книга упала на пол.

По счастью, никто из малышей под упавшую книгу не попал. Те немногие, что стояли рядом, пискнули и бросились врассыпную.

Аксель не заметил, что Бронте перестала читать, потому что морда Диогена исказилась от внезапного спазма. Он видел только Дио и слышал лишь мучительное хрипение.

Хуберт бросился к нему, но левая нога Дио уже подгибалась.

- Назад! - крикнул Хуберт малышне, когда Дио, уцепившись за стол для чтения, попытался восстановить равновесие (тщетно) и повалился правым боком на пол.

Малышня запищала, стала звать Дио, когда Хуберт над ним наклонился.

- Диоген! - прошептал он, приподнимая голову друга. - Что?..

- Не давай... Пусть малыши не видят. - Его взгляд застыл.

Первым побуждением Акселя было броситься к Дио, но он не мог пошевелиться, не мог оторвать глаз.

- Беги наверх! - приказала ему Бронте. - Беги за Томом! Скорее!

Но Аксель только стоял, разинув пасть.

- Аксель! Пожалуйста!

- Ну! - Переступив задними лапами, Кара подхлестнула его хвостом.

Подпрыгнув, он бросился к лестницам со всей своей немалой скоростью, крича на бегу:

- Том! Том! Дио плохо!

Том, наверное, услышал переполох. К тому времени, когда Аксель взбежал по лестнице, он уже стоял на пороге своего кабинета.

- Том! Том!

- В чем дело?

- Дио! Он упал! Он уронил книгу, а потом упал!

Том уже открывал дверцу шкафа.

- Сейчас спущусь! - Он вынул что-то вроде пары маленьких ласт и узкую пластмассовую коробочку, потом сунул под мышку металлический баллон.

- Дио заболел?

- Не знаю. - Он достал из шкафа пластмассовую воронку-пирамидку.

- Мы сумеем ему помочь?

Том тыкал в кнопки телефона.

- Попробуем.

Аксель то и дело забежал вперед, потом возвращался, точно все в мире двигалось слишком медленно.

- Маргарет? - говорил в телефон Том. - Можешь приехать прямо сейчас? Это Дио. - Потом он пошел быстрее и на ходу сказал Акселю: - Она едет.

Но голубому завроподу пришлось еще дважды возвращаться к нему, точно он думал, что Том заблудится и ему надо показать, где

библиотека.

Внизу завры уже столпились в библиотеке или спешили туда. Бронте и Кара старались не пускать их в комнату, а Хуберт скорчился над Диогеном, делал своего рода искусственное дыхание, нажимая ему на грудь пальцами передних лап.

- Он дышит? - Опустившись на колени подле Дио, Том распутал провода переносного дефибриллятора.

Хуберт покачал головой.

- Пульс прощупывается?

- Нет.

- Давай попробуем перевернуть его на спину.

Проще сказать, чем сделать. У тираннозавра спина очень узкая, а тело массивное. Но они постарались, насколько смогли.

Они испробовали искусственное дыхание, потом принесенный Томом баллон с кислородом. Он наложил коническую маску на морду Дио, но пульс все равно не появлялся.

Под дефибриллятором тело Дио на первых двух ударах дергалось, но с каждой попыткой эффект все слабел.

Они все пытались и пытались - искусственное дыхание, потом дефибриллятор, - пока совсем не измучились.

Когда приехала доктор Маргарет, Том обливался потом. Правая нога Хуберта подергивалась, но он снова и снова накладывал кислородную маску на морду Дио.

- Том, - позвала врач, но тот не останавливался. - Том!

Том не слышал, не мог услышать.

Поставив на пол свой чемоданчик, доктор Маргарет опустилась на колени рядом с Томом и Хубертом. Она положила руку на кислородную маску, кивнула Хуберту и сняла ее. Тома она мягко тронула за плечо, потом качнула головой и ему тоже.

- Его больше нет.

Огрызок редьки с крошечными продольными бороздками упал на пол и покатился, пока не остановился у хвоста Барабу Боба.

Аксель все это видел и при словах врача почувствовал, словно сам падает на пол, и потолок вдруг сразу исчез, и власти над ним не было никакой, кроме гравитации. В иных обстоятельствах это привело бы его в величайший восторг, но сейчас гравитация не означала ничего, помимо пустоты, и холода, и неумолимого, безразличного внимания.

Завры прервали молчание единым общим всхлипом, но от этого Аксель еще острее почувствовал, что его уносит неведомой волной.

Гермиона, автозавр, стоявший у кровати Хетмана, шепнула ему:

- Хетман! Диоген, он...

- Я с-снаю, - сказал Хетман. - Мне покас-салось, ш-шизнь уш-шла из комнаты. С-стало темнее, праф-фда?

Прошло совсем немного времени с тех пор, как Бронте перестала

читать, но осенний свет уходит быстро. Все словно бы это почувствовали - и люди, и завры. Писк и всхлипы утихли, и тьма подползла чуть ближе.

Только Аксель хоть что-то сказал. Он больше не падал, но и не был вполне уверен, где находится, будто все было большим путешествием. Он посмотрел на доктора Маргарет и спросил:

- Но мы же не можем сдать, верно?

Доктор Маргарет опустила взгляд и нежно положила ему руку на спинку.

- Мы не сдавались, Аксель, - и еще печальнее закончила мысль: - Но мы проиграли.

* * *

Ужасное, пустое чувство - стоять перед закрытой дверью. Например, перед дверью в ту часть дома, за которой находятся кабинет Тома Гровертона и лаборатория, куда Том и доктор Маргарет унесли Диогена.

Завры ждали снаружи - все до единого. Они запрудили коридор второго этажа от двери Тома до края ступенек. Хуберт привез Хетмана с его колыбелькой на лифте. Вместе с ними приехала Гермiona.

Делать в коридоре было нечего, но они не знали, куда еще пойти, ведь Диоген там. Они просто хотели быть к нему поближе.

Аксель прижался ухом к двери и постарался что-нибудь разобрать.

- Может, - прервал он тревожное молчание, - может, они пытаются его вернуть!

- Аксель, - начала Кара, но долго молчала, прежде чем продолжить: - Он не может вернуться.

- Но... но... - Аксель протянул к ней передние лапки. - Есть ведь столько хитрых научных штук, я об этом по видео смотрел. Есть ведь что-то, чем они могут вернуть Дио?

- Если бы, - негромко сказал Док.

Резко повернувшись, Агнес пробуравила Акселя взглядом.

- Думаешь, они пойдут на такое ради завра? Нет! Они берегут это для себя, а все остальные могут катиться к черту!

- Агнес! - вмешался Слагго с большей, чем обычно, озабоченностью. - Не можешь же ты... Нет, только не Том! Только не доктор Маргарет!

- Люди могут стать против тебя... в любой момент!

- Хватит! - Кара сгибала шею, пока не посмотрела прямо в глаза Агнес. - Ты расстраиваешь малышей. Ты всех расстраиваешь!

- А мне плевать! - Агнес задрала шипастый хвост. - Мелюзга должна знать!

- Если мне позволено будет указать причину... - начал Док.

- Ты наконец заткнешься, а? - Агнес с силой ударила хвостом об пол. - Все болтаешь и болтаешь! Ты надутый индюк! Ты...

- ...причину, почему мы тут, - закончил свою фразу Док и вздохнул. Кара сверкнула глазами на Агнес.

- Прояви уважение!

- Вы что, все до одного кретины? - Агнес, похоже, преисполнилась еще большей решимости продолжать. - Разве вы забыли...

- Пош-шалуйста! - Мольба прозвучала из колыбельки, хрипая, но настоящая и ясно различимая, невзирая на гвалт. - С-сейчас не ф-фремя для с-сор!

Глянув на кроватку, Агнес опустила хвост. Никто, кроме Хетмана, не мог заставить ее смягчиться. Она свирепо посмотрела на Кару, на Дока - на всех завриков вокруг, челюсти у нее были крепко сжаты, кончики бровей устремились вниз.

- Я... я просто не люблю, когда закрывают двери! - Отвернувшись, она вперилась взглядом в дверь, бока у нее вздувались и опускались с каждым тяжелым, яростным вдохом.

Надеясь что-нибудь расслышать, Аксель не отходил от двери.

Рядом с ним пристроился, вытянув прямо перед собой лапы, словно все еще стучал по своей клавиатуре, Престон. Казалось бы, крайне неудобная для динозавра поза, но для Престона - вполне привычная.

- Я было подумал, они что-то там делают, - сказал Аксель, не отнимая головы от двери. - Но нет, они просто разговаривают.

- Иногда и разговоры бывают делом, - отозвался Престон.

- Помнишь, - сказал Аксель, поднимая голову, - в кино про Фрэнки Штейна одного парня положили на большущий стол? И пустили сквозь него молнию, чтобы он снова ожил?

Престон кивнул.

- А вдруг у них тоже есть такая машина? А вдруг они сумеют пропустить молнию через Дио?

- Боюсь, это просто сказка, - сказал Престон. - В жизни, когда через кого-то пропускают молнию... э-эх, электричество - оно их убивает, оно полезно только в малых дозах, как в разрядниках, которые принес Том.

- Но ведь в сказках и правда есть, так? Я хотел сказать, ты же истории пишешь. Разве в твоих не уйма правды?

- Уйма, - согласился Престон, печально глядя на Акселя, - но правда в них то, что происходит внутри персонажей. Все приборчики, все лаборатории и космолеты... эту часть я придумываю.

- А-а. - Аксель соскользнул вниз по стене и сел. - А-а.

- Жаль, что у нас нет такой машины.

- И мне жаль, - ответил Аксель, но без особого энтузиазма, потом вдруг просиял: - Мы можем ее построить! - Он подскочил, как мячик. - Попросим Регги помочь!

- На это уйдет сколько-то времени, Аксель. С неделю, наверное. А

тогда для Дио будет уже слишком поздно.

- А-а, - опять повторил Аксель.
- То есть даже если бы ты сумел ее построить...
- А-а.

- А сейчас нам, думаю, надо готовиться к прощанию, - сказал Престон.
- Я... - Аксель затряс головой. - Я не могу-у!

Дверь отворилась. Аксель с Престоном поскорее отодвинулись, освобождая дорогу доктору Маргарет. Вид у нее был очень усталый, когда она стала на колени перед заврами, чтобы не смотреть на них со слишком уж большой высоты, и десятки глаз уставились на нее в ответ.

И во всех этих глазах - она знала - были память и понимание. Они признавали, кто они есть, и помнили, чем они были.

- Все тут? - спросила она.

- Да, - ответила Кара, оглядывая собравшихся в коридоре завров.

- Дио нет, - добавил Кинкейд, ярко-желтый коритозаврик, но потом сообразил, что сморозил: - Ой!

- Как Том? - спросила Бронте.

- Не слишком хорошо, - отозвалась доктор Маргарет. - Ему кажется, что он мог бы сделать больше.

- Хм! - сказала Агнес, подозрительно буравя врача взглядом.

- Нам нужно готовиться, - продолжала доктор Маргарет. Слова вроде «погребение» и «похороны» не произносились. - Помните Бика? И Рюньона?

- Конечно, помним! - рявкнула Агнес. - Ты что, думаешь, мы безмозглые?

Крохотный трицератопс Бик заснул как-то вечером под стулом и не проснулся. Игуанодона Рюньона Хуберт однажды нашел на полке, свернувшегося и холодного.

- Мы закопали их снаружи, - сказал Слагго, - под индийской сиренью. Мы решили: летом им цветы понравятся.

- Там цветы собраны в такие красные ракеты, - пояснил, как мог, оранжевый стегозавр Элиот.

- Верно, - откликнулась доктор Маргарет. - А теперь то же самое мы должны сделать для Дио.

- Ему всегда нравился тот куст, - проговорила Бронте. - А еще он клал на могилы цветочки из шелка. Когда ветер их уносил, он бежал за ними и возвращал на место.

- Он всегда такие вещи делал, странные и хорошие, - прошептала Вероника, стоявшая рядом с Элиотом.

- Мы говорили со Сьюзан Леахи из Фонда. Завтра она приедет с...

- Со специями? - подсказал Алекс.

- С инспекцией, - поправила доктор Маргарет.

- Лучше сделать это поскорее, - заключил трицератор Чарли. Его

подруга Розы постучала ему по плечу передней лапой и качнула головой.

- У нас будет панихида, - сказала доктор. - Такая, какую вы сами захотите.

- Мы его увидим? - спросила Кара.

- Если хотите.

- Мы и ему можем сайт создать, - сказал Престон. - Как для остальных. Чтобы фотографии вывесить и еще разное.

- Это было бы чудесно, - согласилась доктор Маргарет.

- И музыку выберем, какая ему нравилась, - сказала Вероника.

Пять Мудрых Буддазавров кивнули в знак одобрения.

- И каждому надо предоставить слово. - Бронте опустила глаза на Гвиневеру. - Пусть все скажут, что мы чувствуем. Как мы его помним.

Росс исхитрился раскопать где-то еще огрызок редьки, и эта крошка вылетела теперь у него изо рта, когда он крикнул:

- Эб-би!

- Сейчас не время слушать радио, - отрезал Альфонс. - Кроме того, я оставил его внизу...

- Нет! - сказал Росс. - Пошлем мейл. Расскажем Эбби!

- А, ну да, - смешался Альфонс. - Сомневаюсь, что это ее работа, но можно поискать адрес станции, если хочешь послать ей письмо по электронке...

- О'кей!

- А можно нам?.. - начал Жан-Клод, жалобно сплетя пальцы передних лапок.

- Да? - подстегнула его доктор Маргарет. - Чего бы тебе хотелось?

- А можно нам... что-нибудь... поесть?

- Это все, о чем ты думаешь? - крикнула Агнес. - Ты что, хочешь, чтобы нам Дио на вертеле зажарили?

- А! Не-е-ет! - Жан-Клод отчаянно замотал головой. - Не-ет! Знакомых нельзя есть! - Пьеро рядом с ним согласно закивал.

- С чего это? - Агнес зашагала к ним. - Они там, наверное, уже порезали его и сварили!

- Агнес! Нельзя так говорить! - вмешался Слагго, но Агнес его отпихнула.

- А откуда нам знать? - кричала она. - Том мог его убить! Он же молотил его по груди! Пытался прикончить электрошоком! Что если в том баллоне был ядовитый газ!

Доктор Маргарет встала.

- Агнес! Нам надо поговорить. Сейчас же!

Нагнувшись, она крепко схватила завра поперек живота.

Агнес не сопротивлялась, зато закричала остальным:

- Видите? Видите? Я говорила, они могут стать против нас! Динозавриане, защищайтесь! Люди сошли с ума!

Толпа расступилась, освобождая дорогу доктору Маргарет к лестнице на чердак.

- Мне ее жалко! - сказала Роза, глядя, как они исчезают наверху.

- Как ты можешь? - воскликнула Кара. - После всего, что она наговорила!

Роза тряхнула головой.

- Я про доктора Маргарет.

Пока завры смотрели им вслед, Док заметил, что дверь в кабинет Тома на несколько сантиметров приоткрыта. Он осторожно потянул за нее, чтобы она отворилась чуточку шире, и ступил внутрь. Оборачиваясь закрыть ее, он нос к носу столкнулся с Акселем.

- Тебе лучше сюда не ходить, - посоветовал ему Док.

- Я должен! - взмолился Аксель. - Мне надо увидеть Дио!

- Ну, может... - Доку не хотелось привлекать внимание остальных, что уж точно произойдет, если оставить Акселя под дверь. И надо бы избавить его от еще большего расстройств... - Только тихо, - предупредил он, отступая на шаг и давая ему войти, потом толкнул дверь и дождался мягкого щелчка.

* * *

Доктор Маргарет отнесла Агнес в «музей» - так завры называли чердак под крышей, где хранили всякую всячину, которую хотели сберечь, а еще то, что им присылали. Шкафы и полки наполнились пластмассовыми фигурками, фарфоровыми куклами, вышитыми подушечками, засушенными цветами, пластмассовыми машинками, очками для чтения, коробками фотографий, папками открыток или детских рисунков и многим другим. Завры могли приходить сюда и вспоминать - или делать вид, что вспоминают. В середине комнаты стоял столик, возле него - пара деревянных стульев, наверх вела пластмассовая лесенка. Доктор Маргарет посадила Агнес на середину стола, пододвинула стул и села, глядя на нее.

Агнес только смотрела в ответ - свирепо и молча.

- Я не собираюсь объяснять тебе, что ты можешь говорить, а что нет.

- Наплевать.

- Но мне очень надо, чтобы ты сохраняла голову на плечах. Мы все в тебе нуждаемся, чтобы это пережить.

- Мне плевать.

- Нам всем больно.

- А МНЕ ПЛЕВАТЬ! - Агнес ушла на край стола и повернулась спиной к доктору Маргарет.

- Если бы ты только могла приберечь свой гнев...

- Чего ради?! - Она застучала хвостом по столу. - Это все, что у меня

есть! Кроме гнева, у меня нет ничего!

- Неправда.

- А тебе откуда знать? Ненавижу! Ненавижу смерть! Ненавижу жизнь! А все остальное - чепуха и сказки. Даже те, которые я рассказываю малышам! Сплошь чепуха, и я ее ненавижу!

- Том сделал для Диогена все, что мог. У Дио был порок сердца. Он скрывал это и не соглашался на операцию: вдруг она урежет средства, предназначенные для всех остальных. Когда случился приступ, Том не мог сделать большего, чем сделал. На свете нет человека, который печется о вас так, как Том, и с твоей стороны, Агнес... - тут Маргарет впервые повысила голос, - несправедливо так на него набрасываться.

- И чего ты от меня хочешь? - Агнес смотрела за край стола, все еще стоя спиной к доктору.

- Не знаю.

Доктор встала, одолеваемая то ли гневом, то ли усталостью. На полке в шкафу неподалеку она разыскала деревянную коробочку. Когда-то коробочка была обита красной материей, которой полагалось походить на бархат, но за годы и яркие краски поблекли, и мягкая пушистость вытерлась.

Услышав ее шаги, Агнес повернулась посмотреть, что доктор ищет в шкафу.

- Что ты делаешь? - взорвалась она, увидев коробочку. - Положи на место!

Доктор подняла крышку. Внутри лежала цепочка с позолоченной звездой Давида - детское украшение.

- Не трогай! - Агнес смотрела на маленькую звезду.

Не касаясь содержимого, доктор Маргарет подвинула коробочку поближе к Агнес.

- Однажды жила-была девочка, которую ты очень любила. Разве это сказка?

- Тут все не так! Она не была... она...

- Как по-твоему, чего бы она от тебя хотела?

Подбородок, который обычно Агнес держала непреклонно вздернутым, задрожал. Она зажмурилась, словно сдерживая слезы, которые завры производить не умели, но на ее мордочке отразились все муки, их сопровождающие. Ее пасть разинулась, словно она хотела взвыть, но никакого звука не получилось, пока она не прошептала имя «Молли», согнула ноги и опустилась на поверхность стола.

Доктор посидела с ней несколько минут, потом оставила ее в «музее», пообещав никому (даже Тому, вообще никому!) не рассказывать, что тут случилось, и пошла вниз - помочь остальным проводить Диогена.

Доктор Маргарет вышла из кабинета, оставив Тома за письменным столом: глаза закрыты, руки сложены, но не как для молитвы - пальцы сцеплены в плотный замок. Его голова чуть приподнималась и опускалась в такт тяжелому, медленному дыханию. Он поймал себя на мысли, что заставляет свою грудь вздыматься так, как не мог заставить дышать Диогена. От этого замок пальцев сжался еще крепче.

Он едва мог заставить себя посмотреть на Диогена - нет, не на Дио, на оболочку. Доктор Маргарет накрыла тельце простыней, так что виднелась только голова. На морде Дио не было ни отрешенности, ни «покоя в смерти». Морду перекосила гримаса последней обжигающей боли. То же стягивание лицевых мышц, то же самое недоумение Том видел на лице своего отца. Мальчику не полагалось такое видеть, но он пробрался в комнату, где нашли тело папы. Он хотел обнять его в последний раз, но вместо того отшатнулся с ужасом.

Тогда он по-мальчишески поклялся, что когда-нибудь непременно победит смерть. «И ты, о смерть, сама умрешь тогда», - писал Джон Донн. Но любым стихам про смерть слишком многое противоречило в мире, каким он его знал.

На столе у Тома чирикнул телефон. Он снял трубку, думая, что это Сьюзан Леахи перезванивает с новыми инструкциями или, может, женщина, которую она рекомендовала для приготовлений к похоронам.

- Происхождение звонка не может быть установлено, - сообщила Регги. - Хочешь принять?

Том сделал глубокий вдох:

- Давай.

- Алло.

На другом конце провода мужской голос, интеллигентный и хорошо поставленный, как у актера или диктора новостей, произнес:

- Том, мы только хотим помочь.

Том уже слышал этот голос раньше и нажатием кнопки прервал разговор. Почти тут же телефон чирикнул снова. Том все не брал и не брал трубку, пока его не стало тошнить от звона. Он посмотрел за окно - на обступивший дом лес, словно мог углядеть там звонившего, который, несомненно, за ним подглядывает. И как они всегда узнают?

- Происхождение этого звонка не может быть...

- Принять, - сказал Том. Он и сам не знал, зачем это делает, разве только в искупление.

- Том, ваши наниматели укрывают огромные сокровищницы знаний, препятствуя исследованиям величайшего потенциала. Мир может стать лучше, счастливее. Почему они этого не хотят? Том, мы знаем, вы хороший человек. Если мы...

Он снова нажал «Разъединить», на сей раз ткнул в кнопку с большей

силой. Есть пределы даже искуплению.

Он посмотрел на стол, упер в него локти, закрыл лицо руками.

- Прости, что тревожу тебя, Том.

Голова Тома рывком поднялась. Он перевел взгляд на дверь - там стояли Док и Аксель.

- Вы тут давно? - Том повернулся к ним вместе со стулом.

- Несколько минут.

- Вам что-нибудь нужно?

Док покачал головой.

- Не совсем.

- Мне хотелось бы немного побыть одному...

- Вот поэтому я здесь. - Док сделал шаг вперед. - Я боялся, что ты пожелаешь быть один. Мне понятна потребность в одиночестве. Но горе и одиночество - не самая лучшая компания. Как подвыпившие гуляки, они на любого способны навлечь беду.

Аксель постучал его по боку самым кончиком хвоста.

- Можно мне теперь увидеть?

Док посмотрел на стол в другом углу комнаты - на простыню и фигуру под ней.

- Терпение, - шепнул он. - Пару минут... Моя история тебе хорошо известна, - сказал он Тому. - Меня купили для маленького мальчика. Смышленного маленького мальчика с живым воображением. И доброго - в отличие от большинства бывших владельцев моих друзей. Но это был очень больной маленький мальчик, а потому он много времени проводил в больнице. И я вместе с ним. Моей задачей было стать его товарищем и - до некоторой степени - защитником.

Он сделал еще шаг вперед, хромяя нога подгибалась чуть больше обычного. Нагнувшись, Том подобрал его и мягко посадил на стол.

- Благодарю тебя. Проще говорить на одном уровне с собеседником. Видишь ли, я был сконструирован, чтобы ходить - с некоторыми допущениями - на огромного тираннозавра рекса, когда-то считавшегося самым грозным хищником на земле. Правда это или нет, любого маленького мальчика трудно убедить в обратном. Таким считал меня тот маленький мальчик. Так вот, у него часто случались кошмары. В них его болезнь обретала облик чего-то, что он поначалу звал «серым человеком». Позже он стал звать его «человеком-тенью» или «тварью из тени». От кошмара к кошмару природа твари чуть изменялась, но цель оставалась непоколебимой. Она существовала, чтобы забрать мальчика.

Глянув вниз, Док увидел Акселя у ножки стола, где лежал Дио. Том тоже заметил и повернулся перехватить Акселя прежде, чем он попытается сам вскарабкаться на стол.

- Но, но... мне нужно ВИДЕТЬ! - заверещал Аксель, когда Том посадил его на письменный стол подле Дока.

- Мой добрый друг, - прервал его Док, - давай посмотрим на него вместе. Ты поймешь. Просто потерпи... Мальчик просыпался от кошмара, - продолжил он свою историю, - и крепко меня обнимал. «Док! Док! Тень здесь!».

И Аксель, уставившись на дальний стол, прошептал:

- Тень!

- А я говорил ему: мол, не надо бояться, мол, я никакую тень к нему не подпущу. - Док поднял глаза на Тома. - Это была ложь, но я сам хотел в нее верить. И знаю, будь способ обменять мою жизнь на его, я, возможно, согласился бы. Однако «самый грозный хищник на земле» оказался не ровня той страшной болезни.

- Так Тень его сцапал? - Аксель повернулся к Доку, чьи тяжелые веки поднялись ровно настолько, чтобы приоткрыть темный янтарь радужки.

- Его последними словами были: «Док! На помощь! Они идут!». «Они идут», - сказал маленький мальчик; очевидно, к «твари из тени» подоспело подкрепление. - Он опустил голову, сделал глубокий вдох. - Я ведь говорил: у ребенка было богатое воображение. Я обещал ему, что сумею его защитить. А оказался беспомощен. После меня забрала к себе бабушка мальчика, и опять, когда она заболела, я не сумел ничего сделать.

- Опять Тень, - вмешался Аксель.

Док кивнул.

- Ей я хотя бы ничего не обещал. Она знала, что я себя-то самого защитить не могу.

Док протянул переднюю лапу Тому.

- Прости, что утомляю тебя этими ненужными реминисценциями. Ими я хотел...

Кивнув, Том взял протянутую лапу большим и указательным пальцами.

Телефон снова чирикнул. Все трое вздрогнули от внезапного оглушительного звона.

Застыв в изумленной позе, Аксель глянул на телефон и спросил:

- Этот Тень... ну, знаете... он не звонит?

Поначалу Том не хотел брать трубку, но Док указал на телефон:

- Быть может...

Том трубку снял.

- Происхождение этого звонка...

- Принять.

Он нажал на кнопку селекторной связи, чтобы всем был слышан человек с профессиональным голосом, теперь чуть более настоящим и начавшим без приветствия или имени:

- Разумеется, вам гарантировано вознаграждение и весьма внушительное, но дело не в этом. Вы смогли бы поехать куда угодно, Том. Делать, что угодно. Стать, кем угодно. Разве то, что у вас есть

сейчас, можно назвать жизнью? Весь день, всю ночь без человеческого общения. Все время проводить с игрушками.

- Он говорит, как моя мать, - прошептал Том.

- Образец ткани, - продолжал голос. - Несколько капель крови или любой другой жидкости. И на основе этого образца мы могли бы найти лекарство от смертельной болезни. Или могли бы увеличить продолжительность человеческой жизни на двадцать, тридцать лет. Разве создание лучшего мира не стоит нескольких капелек крови?

Том поглядел на Дока, Док посмотрел сперва на него, потом на телефон и протянул правую лапу к трубке.

- Можно?

- Прошу.

- Мой дорогой сэр, - сказал в телефон Док. - Мне тоже бы хотелось сделать мир лучше.

Голос на другом конце не ответил.

- В вознаграждении я не заинтересован, - продолжал Док. - И, уверен, вы тоже. И корпорация, которую вы представляете. Я знаю, что ради блага человечества ваши лекарства и вакцины будут распространяться во всех уголках света и всем созданиям, невзирая на прибыль или даже на цену.

На другом конце - тишина.

- И ради столь благородных целей, мой дорогой сэр, разве не было бы уместнее вести переговоры с самими донорами? Так вот, я здесь. Я вас слушаю, сэр. Вы спросите у меня, не хочу ли я подарить мои ткани, несколько капель моей крови либо любой другой жидкости?

Они услышали громкий щелчок разъединения. Док печально улыбнулся Тому.

- С нами они не хотят разговаривать, верно?

- Спасибо. - Том снова взял Дока за лапу.

- Это тебе спасибо, мой друг. Я получил удовольствие. - Но тут Док перевел взгляд на Акселя, который не отрывал глаз от дальнего стола. И снова вздохнул: - Ты правда хочешь его видеть?

Аксель кивнул. Док глянул на Тома.

- Прости мою ошибку. Я было подумал... или, возможно, не подумал...

- Он уже здесь, - отозвался Том. - Сомневаюсь, что сможем теперь его отговорить.

- Прекрасно. - Док положил переднюю лапу на спину Акселя.

Том осторожно взял их и отнес на второй стол. Он чувствовал, как трепещет Аксель, и, опуская завров, посмотрел на длинный шрам у него на спине. Давно зажил, подумал он, но разве такие раны вообще заживают?

Все трое глядели на неподвижное тело: казалось, ничего столь неподвижного они не видели никогда. Они смотрели на пораженное, застывшее лицо Диогена, и каждый вспоминал его жесты и слова, и

каждого на мгновение захлестнуло сознание хрупкости живых существ - точь-в-точь бумажные кораблики, затерявшиеся в буре.

Никто, вероятно, не ощущал эту бурю острее Аксея. Он единственный из троих заговорил. Он заглянул в глаза Дио и произнес «Ланселот!», словно это было что-то, что он забыл в нормальном водовороте вещей - до сего момента.

А когда не мог больше смотреть, то опустил голову, так что слово, которое он произнес, получилось смятое.

И сказал он:

- Нет!

* * *

Мисс Кристина Уондерли приехала в фургончике без логотипа. Она была низенькой и грушевидной, с коротко стриженными сидящими волосами, предававшими ее моложавое лицо. Одета она была без похоронной формальности: в холщовые брюки и фланелевую рубашку. И с собой принесла чемоданчик, похожий на тот, в каком носят инструменты водопроводчики.

При виде Диогена на столе у нее вырвался полустон-полувозглас, и она поспешно извинилась перед Томом.

- Ребенком я любила динозавров, - сказала она. Коснувшись места под подбородком Дио, она помассировала его, пока выражение муки на морде завра не исчезло. Она опустила ему веки и плотно сжала челюсти, и Дио, как показалось, почти примирился сам с собой.

- Так лучше, верно?

Том кивнул.

- Полагаю, Сьюзан Леахи вам уже объяснила...

- Что его нельзя увозить за пределы участка? Да, мы с партнером все поняли.

- И что есть лица...

- Эти «лица» ко мне уже обращались, - отозвалась мисс Уондерли. - И они действительно предлагали нам деньги. Но мы не заинтересованы в деньгах.

Уперев руки в бока, она посмотрела на Дио.

- У меня есть детский гробик, который прекрасно подойдет. Можно устроить его на правом боку, совсем как сейчас. Надо только чуть подвернуть ему хвост, и мы сложим передние лапы на груди, прежде чем произойдет полное окоченение.

Она объяснила Тому, что сейчас существует метод, позволяющий подготовить тело к панихиде без тягот бальзамирования и сложной косметологии. В нем используется своеобразный фиксатор, которым

опрыскивают тело. Она может провести процедуру прямо тут, в небольшой воздухо непроницаемой палатке. Но Тому все равно придется на несколько часов уйти из кабинета. Химикаты довольно едкие.

- Знаю, звучит так, словно мы покрываем тело глазурью. Наверное, это отчасти правильно. Но ничего лучшего пока не придумано.

Утром, сказала она, ее партнер выкопает могилу мини-экскаватором, а после панихиды засыплет. Через несколько дней можно будет поставить памятник, надо только сообщить заранее, какую выбить надпись.

Том поблагодарил Кристину.

- Я схожу в фургон за оборудованием, - сообщила она.

- Вы отклонили предложенные деньги, - Том открыл перед ней дверь.

- Интересно, почему?

Мисс Уондерли посмотрела на него снизу вверх и задумчиво поджала губы.

- Трудно сказать. Я даже не знаю, почему вообще согласилась принять ваш заказ. А вы способны объяснить, почему делаете то, что вы делаете?

Том понурился.

- Свое дело я делаю не слишком хорошо.

- А вот Сьюзан Леахи говорила иное.

Выйдя из кабинета, мисс Уондерли осторожно пробралась через толпу завриков, собравшихся в коридоре. Она посмотрела в их поднятые мордочки и обернулась к Тому.

- Она была права. Я про Сью Леахи.

- В чем?

- Относительно вас. - Потом снова перевела взгляд на завров: - И про вас тоже сказала верно. - Нагнувшись, она обратилась к ближайшему завру: - Мы с партнером сделаем все по высшему классу. Мы очень сочувствуем вашей потере.

Пока мисс Уондерли шла к лестнице, Аксель смотрел на нее снизу вверх. Он надеялся, что она тоже врач, вроде доктора Маргарет, но такой, который специализируется на возвращении, такой, который мог бы вернуть Дио. Когда она спускалась на первый этаж, свет лампы отбросил ее длинную тень на стену, и это был совсем не силуэт невысокой, грушеподобной, коротко стриженной женщины. Нет, это был кто-то выше, тоньше и с острым профилем.

Аксель сразу его узнал.

- Человек-Тень! - прошептал он.

Малыши, стоявшие поближе, повторили его слова, словно прекрасно понимали, кто такой Человек-Тень. Они прижались друг к другу, пока силуэт не исчез с лестницы.

* * *

За обедом почти все завры отказались от еды.

И после обеда лучше не стало. Никаких игр. Никакой музыки. Никакого кино. Престон сидел у экрана с Элиотом и Вероникой, они запускали сайт - с картинками, видео и любимыми, какими могли сыскать, мелочами, свидетельствами того, что их друг жил здесь. Престону полагалось написать поминальную речь, но он сумел выдать только: «Мы потеряли нашего любимого друга Диогена». Слишком рано было писать что-то большее.

Кара подобрала с пола «Маленькую принцессу», которая так и лежала открытая у окна библиотеки. Мысль оказалась неудачной. Они с Бронте бросили книжку, когда Диоген упал. Рассказ прервался на том месте, когда Сара вне себя от разочарования и досады швыряет свою куклу об пол и отбивает ей нос. Кара прочла: «Ты набита опилками. У тебя никогда не было сердца. Ты не умеешь чувствовать. Ты только кукла!».

Наверное, надо просто вернуть книгу на полку, подумала Кара, разве только Хетман...

Хуберт, молча стоявший над ней, нагнулся и поднял книгу, осторожно взяв передними лапами. Он двигался тихо и размеренно - как все крупные завры.

- Когда будем готовы, - прошептал он хриплым голосом и ушел назад к полкам.

Время сна было наихудшим.

Завры всегда спали кучей посреди комнаты. Дио и Хуберт доставали из шкафа одеяла, накрывали всех и занимали свое место.

Теперь кого-то не хватало. Малыши, привыкшие устраиваться подле Дио, у его хвоста или спины, не знали, куда ложиться. Те, кто спал рядом с Дио, и те, кто спал рядом с ними...

Пусть заведенного порядка уже не было, все равно кого-то не хватало. Завры рассеялись группками по комнате. Они смотрели друг на друга и на место, где полагалось быть спальней куче, где Том и Хуберт расстелили одеяла, но не могли заставить себя лечь.

Том принес одеяло и пару подушек. Той ночью он решил остаться в спальней комнате. И доктор Маргарет тоже.

- Помню, мама мне говорила: «Помолись на ночь», - сказала доктор Маргарет. - Таков был ее ответ на все на свете. И я молилась и молилась, пока просьб не стало так много, что я не могла заснуть.

Том кивнул.

- Однажды я возил маму на могилу отца. Она у меня набожная женщина. Не пропускает ни одной службы. Всегда говорит о том, что папа «оттуда, где он сейчас, смотрит на нас». Мы пришли на могилу, и

она посмотрела на маленький памятник и пластмассовые цветы, которые перед ним положила. Я видел пяточок жухлой травы у подножия могилы. Лето выдалось сухое. Она на все это поглядела и сказала - не мне, просто вслух: «Ты рождаешься. Ты работаешь всю жизнь, и ты умираешь, но все впустую! Словно тебя и не было!».

- Никогда не было! - эхом отозвался Аксель и принялся ходить взад-вперед по комнате. Он постарался затереть последние слова рефреном: - Надо помочь Дио! Надо думать! Надо что-то ДЕЛАТЬ! - точно Диоген был узником, а задача Акселя - его освободить.

Но Диоген был не в тюремной камере и не в подzemелье. Он был в кабинете Тома, в маленьком гробике, накрытый своим любимым одеялом, в воздухо непроницаемой пластиковой палатке.

Этот факт не укрылся от вылупленышей, несколько озадаченных тем, что остальные не спят и не собрались в кучу, а выглядят несчастными и испуганными.

- Это потому, что мы потеряли друга, и нам очень грустно, - объяснила им Бронте.

- Диогена? - спросил Лесли. - Он не потерялся. Он у Тома в кабинете.

- Может, «потеряли» - не совсем удачное слово. Я хотела сказать...

- Она хотела сказать, что он мертв, - вмешалась Агнес, с силой подчеркивая последнее слово. Повернув голову, она обратилась к вылупленышу: - Ты слышал, как мы сегодня говорили «мертвый». Это означает, что Диоген не может дышать, не может двигаться, не может думать. Все остановилось! Он не может вернуться. То, что лежит у Тома в комнате, просто мертвая материя. Он НЕ МОЖЕТ ВЕРНУТЬСЯ!

На мгновение Аксель перестал расхаживать. Он слышал слова, но старался не пропускать их дальше ушей. Наклонив голову, он постарался даже уши зажать передними лапами.

- Надо помочь Дио! Надо думать! Надо что-то делать!

Кое-кто из малышей, слышавших Агнес (а с этим ни у кого трудностей не возникало), заскулил. Она посмотрела в глаза Лесли, Гвиневере и другим вылупленышам и увидела, как напугали их ее слова. Они боялись не столько смерти, сколько ее саму или, по меньшей мере, ее гнева. Зажмурившись, она вздохнула так, что щитки у нее на спине щелкнули от соударения.

- Забудьте! Я ничего не говорила!

Она огляделась по сторонам в поисках на что бы отвлечься. Слагго смотрел на нее, пораженный: впервые на его памяти Агнес просила забыть что-то, ею сказанное.

В полуметре крошка-цератопсиан по имени Людвиг стоял над маленькой лужицей, пасть у него была открыта, словно он давился всхлипом.

- Эй! - Агнес решительно направилась к нему. - Тебе лучше подтереть

за собой! В чем дело? Почему ты вовремя не сходил в комнату с лотками?

- Прости, - запнулся Людвиг. - Я... я старался сдержаться, но...

- Зачем сдерживаться? Как по-твоему, для чего комната с лотками? Ты думаешь, это чертова картинная галерея или еще что?

- Я не хотел... я... мне было страшно.

- Чего тебе было страшно? - заворчала Агнес. - Ты ведь не Дио боишься, верно? Он тебя тронуть не может... Это тебе не глупое человеческое кино с ползающими трупами...

- Я... ну, не знаю. Мне просто страшно. Может, это...

- Ну что? - вопрос вышел еще резче. - В чем дело?

Кара уже собиралась вмешаться, когда малыш вдруг расплакался:

- Человек-Тень!

- Тень... - Агнес чуть подалась назад. - О чем ты, черт побери?..

Она глянула на Акселя, все еще расхаживающего по комнате. Она открыла было рот, чтобы наброситься на него за дурацкие разговоры, и идиотизм, и Человека-Тень, и его отказ принять факты, черт бы его побрал. Факты!

- Агнес, - мягко сказал Слагго. -

Пожалуйста. Щитки на спине снова щелкнули.

- Ладно, - сказала она. - Кто еще не пошел к лоткам, потому что ему было страшно? Ну! Второй раз я вас туда не поведу и не хочу увидеть утром десяток луж. Пошли!

Медленно группка из девяти завров - по большей части маленьких, но в том числе и средних размеров теропод по имени Оливер - собралась вокруг Людвига, на их мордах читались в равной мере страх и сконфуженность.

- Ну? Это все? Ваш последний шанс до утра! Идем!

Том отправился за полотенцем.

- Я вытру.

- Велика помощь! - проворчала Агнес. Она возглавила процессию из спальни комнаты, но тут услышала, как двое малышей позади нее перешептываются.

- В чем дело? - Она свирепо воззрилась на них. - Вы о чем теперь?

- Ни о чем, - сказал Людвиг. - Просто... спасибо.

- Заткнись, - рявкнула Агнес.

Аксель, не останавливаясь, посмотрел им вслед. Может, ему надо пойти с ними? Может, надо сказать, что пойдет с ними, а самому сбегать в комнату Тома и снова проверить Дио?

Может...

Он не знал, что делать.

- Надо помочь Дио! Надо думать! Надо что-то ДЕЛАТЬ!

Если бы построить машину, чтобы выстрелить в него молнией, или спасти его из тюрьмы смерти, или, может, есть еще какой-то способ?

Может, сходить куда-нибудь, как в суд например? Однажды он видел кино про парня по имени... Рольф? Нет. Урф? Орф. Да! Тот Орф говорил на смешном языке, отчего слова появлялись внизу экрана. Все в кино так говорили, и Альфонс, который сказал, мол, понимает, что они там говорят, утверждал: слова внизу экрана на самом деле не соответствуют произносимым (они больше ругались), но сейчас это было неважно. Аксель все равно понял историю, пусть даже там происходили странные вещи с дурацкими типами, которые раскатывали на мотоциклах в очках и шлемах.

Жену того Орфа сбил мотоцикл. Ей велели идти в страну мертвых, а чтобы попасть туда, надо было пройти через зеркало. Поэтому и Орфу пришлось идти через зеркало, чтобы ее вернуть. «А у нас зеркала есть?» - задумался вдруг Аксель. Он посмотрел на стены и увидел только картину в раме - ландшафт с большой горой. Агнес как-то сказала малышам, что это изображение Заврии - страны, где всем заправляют завры. Аксель постарался вспомнить, есть ли зеркала внизу. Смешно, но он никогда по-настоящему не смотрел на стены, и на картины тоже. Он ни одной не помнил, и зеркал не помнил. В истории были и другие вещи - всякая всячина, как, например, Тень была женщиной со страшными темными глазами, а тот Орф сидел в лимузине и записывал слова, которые слышал по радио. Но было еще что-то особенное... Что же? Кое-какие типы там ходили задом наперед, а иногда вдавливались в стены, как... Ну, если бы гравитация давила в бок. А один парень продавал стекло в стране мертвых, она была таким местом, которое смотрелось совсем темным, разгромленным и захудалым... будто окраина города. Что еще?

Ага! Орфу разрешили забрать жену домой, но ему нельзя было на нее смотреть!

Однако не вышло. Он увидел ее в зеркале машины, и она пропала.

Может, и к лучшему, что в доме нет зеркал.

Но в истории было что-то еще. У них все-таки получилось. Аксель силился вспомнить как, но было столько всего другого... и он слишком возбужден от мысли, что Дио можно вернуть. Можно!

Аксель все бродил и не мог остановиться. Уперся в стену, повернулся и пошел назад. Он вспомнил, как Дио помогал ему собирать Ротомотомана, как катал на спине, как поднимал его и позволял смотреть все книги на самых верхних полках.

- Надо помочь Дио! Надо думать! Надо что-то ДЕЛАТЬ!

Когда он, наверное, в сотый раз дошел до дальнего конца комнаты, почти до двери, то обнаружил, что кое-кто его ждет.

Джеральдина.

Она улыбалась, но не на свой привычный лад. Обычно она улыбалась так, словно замышляла что-то такое, о чем тебе очень и очень не хотелось знать. Теперь в ее улыбке притаилась грустная

безмятежность. Это был ее щит против жестокой реальности.

Аксель подождал обычного ее приветствия, но она не спросила: «Ты что, дурак?» - только смотрела на него крошечными глазками и с крошечной улыбкой.

- Тебе тоже грустно, Джеральдина? - спросил Аксель. - Из-за Дио?

Она кивнула.

- Ты тоже по нему скучаешь?

Она кивнула опять.

- Нам надо помочь Дио! - Аксель взмахнул передними лапами. - Ты же наверняка знаешь, как нам его вернуть!

Но улыбка Джеральдины стала еще печальнее, и она только покачала головой.

- Но... ты же столько знаешь... про время и про пространство, про то, как стрелять «лучами смерти» в злых дядей снаружи. - Аксель протянул передние лапы, будто хотел поймать что-то, упавшее с потолка. - Ты же столько всего умеешь! Когда Гвиневера вошла в замок Тибора, а у меня голова застряла в проеме его ворот, и вышла в твоей лаборатории!

Джеральдина кивнула.

- И... ты ничего не можешь сделать?

Она кивнула опять.

- Но...

- Время не умирает, - сказала она.

- А-а.

Аксель медленно кивнул, выпрямляясь и принимая позу, которую Агнес сочла бы крайне неудовлетворительной. Он задрал голову, глазные яблоки у него задвигались, будто он видел, как подсказка кружит над ним мотыльком. Потом снова посмотрел на Джеральдину.

- Ты скажешь, что это значит?

Джеральдина мотнула головой.

- То есть мне самому нужно догадаться?

Кивнув, она повторила:

- Время не умирает.

- Но... но время... ну... вроде часть пространства и космоса, а космос - это то, где Вселенная. Все это... это все вместе. Как Регги меня однажды научила: «Пространство и время, время и пространство. Вселенная - одно большое постоянство»!

Кивнув, Джеральдина повторила еще раз:

- Время не умирает, - а потом быстро засемила маленькими ножками и скрылась в темном углу комнаты.

Тем временем из комнаты с лотками вернулась с малышней и Оливером Агнес. С ними пришел и Тибор, слегка взъерошенный и смущенный, зеленая шляпа на его голове сидела криво.

- Кинкейду показалось, будто он что-то увидел, - объяснил Оливер

Акселю. - Он завопил, и вдруг выбежал Тибор.

- Тибор вовсе не выбежал! - сказал Тибор, всегда говоривший о себе в третьем лице.

- Он, наверное, был очень напуган, - продолжал Оливер. - Прямо-таки налетел на Агнес. Она едва не врезала ему хвостом.

- Тибор не боялся! - Выражение его морды вернулось к обычной бетховенской хмурости. - Тибор был погружен в размышления, а крики его всполошили. Тибор побежал спасать Кинкейда!

- Ты в другую сторону бежал.

- Тибор ошибся.

- Да заткнитесь же! - вмешалась Агнес. Она, похоже, устала, задние лапы у нее подкашивались. - Просто... забудьте! Постарайтесь поспать.

- Агнес не испугалась, - прошептал Акселью Кинкейд, прижимая к голубой груди переднюю лапку. - Мне показалось, я увидел Тень, но Агнес не испугалась.

- Нет никакого Тени, - измученно произнесла Агнес. - Будь на свете Человек-Тень, он не выглядел бы как завропод цвета мочи в дурацкой шляпе!

- Шляпа Тибора не дурацкая! - возмутился Тибор.

- Она упала в маленькую дырочку,. - сказал оранжевый теропод по имени Бастер.

- Тибор свою шляпу сполоснул!

- Вы наконец... - Агнес повысила голос, готовясь рявкнуть, но передумала и медленно пошла к Слагго. - Постарайтесь поспать.

- Если бы Тень пришел, - прошептал Кинкейд еще тише, чем раньше, - это он боялся бы Агнес.

Аксель кивнул и побрел в другой конец комнаты, к большому эркеру. Ему не давали покоя слова Джеральдины.

Время не умирает, думал он. Почему время не умирает? Значит, и пространство не умирает? Или Вселенная? И какая разница, если время не может умереть, а Диоген может? Он все еще не понимал, что имела в виду Джеральдина.

Тут он посмотрел вправо и увидел колыбельку Хетмана. Обычно ее ставили возле спальной кучи, но без таковой она казалась одинокой и брошенной, просто стояла посреди комнаты. Вскарабкавшись на нее, он перегнулся через перильца и посмотрел на Хетмана. Тот лежал на спине, вперив в потолок безглазую морду.

- Хетман! Хетман! - прошептал Аксель. - Ты спишь?

- Никто не с-спит, - прошелестел мягкий хриплый голос. - Я с-слышу дыхание каш-шдого, и оно не замедлилос-сь. Даш-ше не ш-шнаю, была ли когда-нибудь такая бес-спокойная, бес-сотрадная ночь.

- Наверное, все боятся Тени. - Аксель перевалился через перила и сел рядом с Хетманом.

- Тени? Ах, да.

- Ты боишься Человека-Тени, Хетман?

- Мы с Тенью были ш-шересш-шур блис-ско, чтобы я по-нас-стоящему его боялся, Акс-сель. Хотя не могу утверш-шдать, что он слиш-шком мне нравится.

- Джеральдина сейчас мне кое-что странное сказала, и я не знаю, что это значит. Она сказала: «Время не умирает». Ты знаешь, о чем это?

Аксель слушал внимательно, но Хетман ответил не сразу. Он поворочался немного под одеялом и заперхал, точно прочищал горло.

- Наверное, - сказал он, - то, что все время на с-свете, как одна больш-шая книга: там все с-слова, переплетенные с первой до последней с-страницы, но мы мош-шем читать лишь по с-слову за рас-с. Все время там - от наш-шала и до конца - веш-шное, но ис-спытывать его мы мош-шем только от минуты к минуте и от с-се-кунды к с-секунде. Ограниш-шение в нас с-самих. Возмош-шно, про это она говорила.

- Тогда... все ЗДЕСЬ! - Аксель возбужденно вскочил, стараясь не поднимать голос выше шепота. - Ничто никуда не девается, это мы уходим. Время не движется, мы движемся!

- Но только в одном направлении, - добавил Хетман, - и ш-шагом, который определило нам время. Возмош-шно, оно и к луш-шему.

- Почему?

- Некоторые мгновения не хош-шется переш-шивать заново. А из других не хош-шется уходить. Если ты мог бы выбрать только одно мгновение, как бы ты с-сакончил конструировать с-своего экс-сокиборга?

- Да! - от возбуждения голос Акселя все же взмыл. - Верно! Экзокиборг! Я столько хотел тебе рассказать про всякое новое, что показывала мне Регги, столько всяких штук можно подключить к оптическим нервам, и у тебя могло бы быть... ну, суперзрение, и ты видел бы гораздо лучше, чем с обычными глазами. Но потом Дио... Дио...

- Возмош-шно, наше назнаш-шение, - сказал Хетман, - если будем так выс-сокомерны, ш-шитая, ш-што оно у нас ес-сть, - заполнять время ш-шудесами и ис-сториями и превраш-шать Вс-селенную в с-самое больш-шое приклюш-шение из вс-сех.

- Да! - Аксель лег рядом с Хетманом и уставился в потолок. - Самое большое приключение!

Но, закрыв глаза, воображая, как едет на закорках у Хетмана, который трусит на титановых ногах (хвост поднят, передние лапы вытянуты вперед, смотрит за десятки миль своим суперзрением!), он подумал про Дио в ловушке его временного существования и как бы тот обрадовался, увидев, что его старый друг снова может ходить, видеть и читать сам. Аксель и Хетман двигались дальше, тогда так Дио пойти за ними не мог, и расстояние между ними все увеличивалось.

И Акселью хотелось - хотелось так, что было больно, - вернуться вспять.

* * *

Завтрак был испорчен шумом мини-экскаватора снаружи, вгрызающегося глубоко в землю под индийской сиренью.

Том и доктор Маргарет отвели завров назад в спальную комнату. Они не хотели, чтобы завры видели, как сверху в библиотеку сносят гроб, но те все слышали. Том принес видеомаягнитофон, и хотя почти все смотрели, как на экране мелькают серые и белые картинки, никто не мог на них сосредоточиться.

Агнес выскользнула наружу и наблюдала, как мисс Уондерли и ее партнер сносят гроб вниз по лестнице.

- Эй там! - рявкнула она, и от ее окрика они вздрогнули. - Поосторожнее!

- Кто ты, черт побери? - крикнула в ответ Кэролайн, партнер мисс Уондерли.

- Не твое дело. Просто смотри, что делаешь! У тебя там мой друг!

- Слушай, из-за тебя мы едва не... - крикнула в ответ Кэролайн, но мисс Уондерли ее перебила:

- Мы понимаем. Мы будем осторожны. Обещаю.

- Ну, не то сами знаете! - Карликовый стегозавр всматривалась в них, пока они спускались с последней ступеньки, и уже собиралась пойти за ними, когда Текс, один из завров, слушавших ее вчерашнюю лекцию, указал на людей.

- Они ходят на двух ногах.

- Ага. И что с того? - Агнес посмотрела на голубовато-зеленого паразавролофа.

- Вот как они несут гроб.

- Сама вижу!

- Не на четырех ногах.

- Конечно, нет! Если бы они несли его на спинах, он мог бы соскользнуть.

- А вот ты не смогла бы нести гроб.

- Что ты?.. - Из горла у нее исторгся низкий рык. - Мне не нужно носить гроб! На то существуют люди.

- А вот ты не могла бы нести гроб.

- Заткнись! Возвращайся в спальную комнату! Я занята!

Не ожидая, пока лифт отвезет ее вниз, Агнес поспешно спустилась по лестнице, ворча про кретинов, которые ничегошеньки не понимают.

Из спальни комнаты Аксель наблюдал, как выкапывают яму и как растет груда земли рядом с ней.

На подоконник к нему забрался Престон. Глянув на гряде белых облаков, он сказал:

- Прекрасный будет денек.

- Почему они собираются его закопать? - спросил Аксель, все еще глядя вниз.

- По сути, человеческий ритуал. Они - создания природы, а земля символизирует природу. В каком-то смысле они вышли из земли и потому к ней возвращаются. Хотя и не обязательно таким способом.

Аксель теперь рассматривал больше экскаватор, чем могилу.

- Но мы-то не из природы вышли. Мы вышли из лаборатории.

- Ну, опосредованно тоже из природы. Все во Вселенной - природа.

- Жаль, что мы не из космоса. - Аксель поднял взгляд. - Жаль, что мы произошли не от Космических Ребят.

- Космические Ребята - тоже часть природы. - Престон чуть улыбнулся, как делал всякий раз, когда произносил слова «Космические Ребята». Он понятия не имел, как они выглядят, и невольно любопытствовал, а как их представляет себе Аксель.

- Ну да! - Аксель посмотрел на Престона, словно и он тоже уловил что-то издалека, что-то, чего не слышал очень давно. - Мы в космосе! Значит, космос - это природа. И мы правда пришли из космоса! Все оттуда. Из пространства и времени! Как говорила Регги: «Пространство и время, время и пространство! Вселенная...».

- Одно большое постоянство. - Престон знал стишок не хуже Акселя.

- Подожди-ка! - Аксель нагнул голову, чтобы опять обхватить ее передней лапой под нижней челюстью. - Подожди, подожди, подожди, подожди! Я знаю! Я знаю, что могу сделать! - Он прошелся до конца подоконника, потом вернулся к Престону. - Можно мне за твой компьютер?

- Конечно. А что ты хочешь?

- Мне нужно снова поговорить с Космическими Ребятами.

Престон собирался спросить зачем, но Аксель уже спрыгнул с подоконника и бежал к двери из спальни комнаты.

* * *

К тому времени, как приехала Сьюзан Леахи, гроб воодрузили посреди библиотеки на очень коротком переносном постаменте. Перед постаментом соорудили пологий настил для тех завров, кто хотел в последний раз взглянуть на друга.

Рядом с гробом Том поместил видеозэкран. На него вывели сайт, который сделал Престон с фотографиями и видеороликами Диогена. Самое важное место отвели для фотографии Дио в бумажной шляпе, какие носили много лет назад работники закусовых фаст-фуда. Шляпу

привезли бесплатно, в подарок, вместе с картонкой стейков, которые Жан-Клод и Пьеро заказали по каталогу «Стейки с Ранчо Айдахо». Том заставил их отослать стейки назад, но шляпу они оставили. Дио неделю ее носил, потом убрал в узкий ящик рабочего стола в библиотеке.

Теперь шляпу положили на гроб, и еще несколько мелочей, которые завры решили похоронить вместе с Дио: его любимое одеяло и подушку, несколько шашек, пластмассовых фигурок, фотографию дома и еще десяток фотографий из тех, которые сделали сами завры.

Хуберт предложил положить с ним его любимую книгу: увесистый, переплетенный в кожу том «Отверженных». Том поначалу задумался, а не хотел бы Дио, чтобы книгу читали и дальше, но решил, что без особого труда найдет другое издание.

Доктор Маргарет помогла Бронте и Каре нарвать в саду хризантем и астр. В это время года их было немного, но они расцветили библиотеку яркими желтыми и оранжевыми пятнами, смягчившими суровость, какую привносит в любое помещение гроб.

На миссис Леахи были темно-синее платье и траурная повязка. Она поздоровалась с заврами, многих из которых близко знала годами и питала к ним уважение.

- Вам необязательно было приезжать в такую даль, - сказал Том.

- Как я могла не приехать... - Она оглядела библиотеку. - Когда мы нашли Дио, он умирал от голода и почти потерял рассудок. На спине у него были отметины от цепей, которыми хозяева его били. И при том у него был милейший характер. Помню, когда мы привезли его сюда, он не мог оторваться от книг.

Остановившись перед гробом, она согнула колено, словно присела в поклоне, приложила два пальца правой руки ко лбу, к солнечному сплетению, к правому плечу, к левому.

- Прости. Старая привычка. Не была в церкви уже больше четверти века. - Оглядев комнату, она спросила: - Где Аксель?

- Сидит за моим компьютером, - отозвался Престон. - Посылает очередное сообщение своим Космическим Ребятам.

- Опять Ребята-из-Космоса. - Сняв туфли, миссис Леахи стала на колени рядом с Престоном. - Я боялась, это будет для него тяжелым ударом.

- Когда он посылает еженедельные сообщения, это обычно еще и спектакли для публики. - Престон посмотрел в потолок. - Но сейчас он говорит так тихо, что его едва слышно.

Обняв его, она перешла к Доку, сидевшему на пластмассовой коробке.

- Рад вас видеть, - сказал Док, - невзирая на обстоятельства. Надеюсь, вы в добром здравии?

- Я за всех вас беспокоюсь. - Пожав протянутую лапку, она нежно его обняла.

- Печальная мы компания, верно? - Док поднял на нее глаза. - Нам больно, но мы приходим в себя. - Он указал на Росса, который с листом бумаги сидел подле радио Альфонса: - Сегодня утром он получил письмо по электронке от репортерши, которую слушает каждый день: «Спасибо, что слушаешь мои репортажи. Ты, наверное, много времени проводишь в дороге. Сочувствую твоей утрате. Молюсь за вас обоих. С любовью, Эбби». Мне пришлось запомнить, потому что он уже десять раз его мне показывал. Я предложил его распечатать, хотя бы ради того, чтобы освободить экран.

- Да, кстати, - сказала миссис Леахи, глядя на Дока искоса. - Ты случайно не следишь за рынком ценных бумаг, а?

Дока выдала сконфуженная улыбка.

- Милая женщина, моя последняя владелица, оставила мне небольшой фонд на мелкие расходы. Думаю, туда входили кое-какие акции, но я мало что в этом смыслю.

- Даже без подсказок Регги?

Док прокашлялся.

- Хорошая Регги держит за меня связь с фирмой «Мур и Маккейб», но потерпела прискорбную неудачу, стараясь преподать мне азы финансов.

- Тогда, наверное, тебя не заинтересует, что попытка «Сани Корпорейшн» сегодня рано утром перекупить «Биоматию» провалилась. - Наклонив голову, она всмотрелась в него пронизательно. - Несколько мелких вкладчиков сумели заблокировать захват.

- Боюсь, временно.

- Так, значит, тебе об этом известно?

Двумя пальцами правой лапы Док задумчиво коснулся подбородка.

- Регги сообщает мне всякий раз, когда в новостях упоминается фирма «Мур и Маккейб», и, сдается, они как раз такое заинтересованное лицо. Но... как указал таинственный джентльмен, звонивший вчера Тому, я просто игрушка. Что я понимаю в таких вещах?

Миссис Леахи невольно улыбнулась - смешок был бы неуместен в доме траура. Но она нежно погладила Дока по голове.

- Очень даже многое, - твердо сказала она.

- Когда затронуты интересы моих друзей, я делаю, что могу.

* * *

Панихида началась с выбранной Доком музыки: этюд Шопена, «Ноктюрн» Дебюсси и адажиетто из Пятой симфонии Малера. Они больше отражали вкусы Дока, чем Диогена, но создали соответствующий фон для тех завров, которые хотели в последний раз

посмотреть на своего друга.

«Глазирование» мисс Уондерли было совсем незаметно. Диоген выглядел даже чересчур естественно, на взгляд многих малышей, которые содрогнулись и сбежали от открытого гроба.

Остальные были сбиты с толку, но быстро оправались. Гробики у Бика и Рьюнона были далеко не такие изысканные и к тому же закрытые. Но ведь это был Диоген, которого все знали и уважали. Завры подходили, смотрели на него в гробу, кое-кто произносил последние слова.

Когда в сопровождении Розы попрощаться с Дио прихрамал бежевый трицератопс Чарли, он повернулся к стоявшему поблизости Тому.

- Когда я умру, - сказал Чарли, - хочу, чтобы ты позвал ту леди, которая потрудилась над Дио.

Рози толкнула его, чтобы идти дальше, и свирепо зашептала на ухо: сейчас не время и не место и пусть даже не смеет говорить при ней такое.

Пять Мудрых Буддазавров вступили, когда закончился Малер. Трудно было определить, какие песни нравились Дио; он никогда не говорил - мол, та или иная его любимая. Но все замечали, что его голова чуть больше покачивалась, его улыбка становилась чуть шире, когда он слышал «Поступь сахарной ноги» или «Все создано для любви». Позаимствовав несколько образцов музыки из библиотеки компьютера, квинтет исполнил на крохотных пластмассовых инструментах эти мелодии и даже умудрился выводить гармонии с минимумом обычного диссонанса. Когда дошло до поминальных слов, большинство завров хотели, чтобы начал Престон, но он уступил первенство Доку. Маргарет еще раньше настояла, что люди станут говорить только после того, как каждому завру представится шанс.

Док медленно вышел и встал перед собравшимися, больная нога оказалась еще более предательской, чем обычно.

- И покороче! - рявкнула с задов Агнес.

- Когда мы пришли в этот мир, - начал Док, - наше назначение было предопределено нашими создателями и владельцами. Когда мы становились не нужны, смысл жизни исчезал. Но вот мы попали сюда. Теперь мы живем сами по себе и друг для друга. Никто не воплощал это лучше нашего доброго Диогена. Возможно, его пример слишком высокий для нас, но никто не запретит нам чтить его память и хранить нашу любовь к нему. И тем самым мы сохраним и его любовь ко всем нам.

Глянув по сторонам, Бронте тронула Кару хвостом.

- Где Аксель? - шепнула она.

Кара покачала головой.

- Он еще не спускался?

- Наверное.

- Разве он не знает, что мы начали?

- Может, просто не хочет спускаться. Это, возможно, чересчур тяжело для него.

- Пойду посмотрю, как он, - шепнула им миссис Леахи. - Не хочу, чтобы вы что-то пропустили.

Она встала и быстро пошла наверх.

Прощание шло своим чередом. Никто не хотел говорить слишком много или слишком долго. Многие малыши были чрезмерно смущены и не знали, что сказать и говорить ли что-то вообще, но когда решились первые, остальные последовали их примеру. В большинстве они говорили: «Мы тебя любим, Дио» или «Мы по тебе скучаем».

Тибор вышел в своей шляпе и с белой ленточкой на шее.

- От имени консолидированных планет Тиборианской империи Тибор желает выразить их великую скорбь и разделить чувство вашей утраты.

Хуберт подкатил к гробу кровать Хетмана.

- Возмошно, с-сердце подвело его, но оно никогда не подводило нас-с.

Слагго упомянул, с какой заботой покойный возился с яйцами и вылупленышами.

Потом Престон вспоминал, что, когда он работал над романом, Дио часто показывал ему книги или даже отрывок откуда-нибудь, относящийся к тому, что он писал.

- Я так и не смог догадаться, откуда он знал, над чем я работаю.

Жан-Клод и Пьеро вспомнили время, когда они заказали коробку стейков по каталогу «Стейки с Ранчо Айдахо» и спрятали ее под большим атласом.

- И он не разозлился!

Росс отложил редьку, вышел и спел «Я старый ковбой». Никто не знал почему, но никто его не остановил, хотя во время песни Агнес отвернулась. Закончив, он сказал:

- Прощай, Дио, - и вернулся к своей редьке.

Бронте и Кара привели с собой Гвиневеру.

- Знаю, мы здесь ради Диогена, - сказала Бронте, - но, думаю, нам нужно поблагодарить Тома и доктора Маргарет за все, что они сделали.

На задах комнаты застучал об пол шипастый хвост.

- И, думаю, хорошо было бы, - сказала Кара, - назвать следующего вылупленыша в честь нашего друга - Диоеном.

Большинство завров закивали или вслух выразили свое одобрение.

Когда вперед собиралась выйти Агнес, вернулась миссис Леахи с Акселем на плече. Едва она посадила его на пол, как он бегом бросился к гробу.

Миссис Леахи мягко его поймала и приложила палец к губам.

- Ш-ш! Подожди, пока Агнес не закончит.

Агнес оглядела собравшихся завров и остановилась взглядом на Акселе, который в ожидании своей очереди нетерпеливо подпрыгивал на месте.

- Люди всегда говорят про «следующую жизнь» и про «то, что будет после жизни», - сказала Агнес. - Еще они говорят, что животным туда нельзя, можно только людям. Ерунда! Если подобная штука существует, пусть оставят себе треклятое «после жизни»! Многие заслуживают его больше, чем кучка людей-кретинов! Дио, например. Это просто... это... просто нечестно!

Она затопала назад, даже не посмотрев на гроб. Слагго попытался ее нежно боднуть, но она его отпихнула.

Когда Агнес закончила, Аксель поднял глаза на миссис Леахи, словно удостоверившись, можно ли теперь говорить, но даже не дождался ее кивка, а побежал к гробу, развернулся у него и поднял передние лапы.

- Хей-я, ребята! Послушайте, что сказала мне вчера ночью Джеральдина!

Завры посмотрели на Акселя внимательнее, словно испытали внезапный прилив энергии. День выдался долгим, много говорили и много сидели. Только Агнес словно бы противилась, хотя и она медленно отвела хвост и повернулась.

- Джеральдина сказала: «Время не умирает», и я не знал, о чем она, пока Хетман мне не объяснил. - Аксель указал на колыбельку Хетмана.

- Это значит, что время, как космос! Космос, например звезды и галактики далеко-далеко отсюда, можно увидеть, а время - нет. Ну, как Хетман нас не видит, но мы-то здесь. Мы не можем видеть время, но оно есть! А потому Диоген еще жив, он только остался в прошлом! И пусть мы не можем его больше видеть, он все равно здесь!

Собравшиеся воззрились на Акселя. И каждая пасть широко разинулась.

Но не так широко, как у Акселя.

- Мы не можем полететь к звездам, потому что у нас пока нет космических кораблей. Когда-нибудь мы их построим и тогда полетим. Возможно, однажды мы построим и корабли времени! А тогда мы вернемся и повидаем Диогена и скажем ему все, что хотели ему сказать. Или сумеем посадить Дио к себе на корабль и вернуть его сюда! И мы сможем летать и назад, и вперед - в самое будущее.

Вынув из пасти редьку, Росс положил ее на бок и с писком «вжик-вжик» повозил взад-вперед.

- Корабль времени! - воскликнул он. - Ух ты! Корабль времени.

Малыши Симфония, Сид и Артур Рэхем Рекс забормотали:

- Корабль времени!

Еще несколько пискнули: «Корабль времени! Корабль времени!».

- Я отправил послание Космическим Ребятам! Я попросил помочь мне построить корабль времени, потому что Космические Ребята в таких

делах доки! Когда они пересекают пространство, то путешествуют быстрее времени! Я по видео смотрел!

Напев «Корабль времени!» сделался громче. Лесли, Гвиневера и остальные двое вылупленышей подбежали к Акселю, словно он мог достать такую штуку из-за спины.

Док встревоженно охнул и оглянулся на тех, кого считал более здоровыми: на Престона, Бронте, Кару, Альфонса, нескольких других. Они с теми же минами смотрели на Дока, словно спрашивая: «Может, нужно... вмешаться?».

Престон помотал головой.

- Дай им минутку.

- Но... - Кара посмотрела на малышей, кивающих в такт напеву «Корабль времени!», - это ведь безумие какое-то, верно?

- Как и надежда.

Агнес не потрудились поглядеть на остальных или взвесить вопрос, что чем является. Медленно, решительно она промаршировала к Акселю, сдвинув брови и задрав хвост.

- Единственная космическая пустота с Космическими Ребятами у тебя в башке! - Развернувшись, она стала перед собравшимися завтрами. - Он месяцами шлет свои чертовы послания Космическим Ребятам! Разве ему когда-нибудь - хотя бы раз! - ответили? Разве прислали письмо по электронке: «Ах, извини. Мы были в отпуске на Бермудах. Как приятно получить от тебя весточку». Разве кто-то когда-то хотя бы одного из Космоса видел?

Сникнув под натиском, Аксель промямлил:

- Да. Возможно. Но ведь это могла быть и лягушка.

- Лягушка!

- Ну, как, например, гроза вчера вечером! Мы знали, что она там, даже если все спрятались под одеялами. Вот только я встал на минутку и увидел, как в окне сверкают молнии. И я видел, как ты засунула голову под Слагго.

Малыши захихикали.

- Мне гром мешал! - Глянув на них возмущенно, Агнес задрала хвост. - Это тут ни при чем.

- Космические Ребята существуют, как и гром!

Напев «Корабль времени!» занялся снова, пусть и чуть сдержаннее. Росс постучал Агнес по морде кончиком редьки.

- Корабль времени!

Она от него отмахнулась, но сдалась, пробормотав:

- Помешанные! Кретины!

И так бормотала всю дорогу до дальнего угла комнаты.

Пять Мудрых Буддазавров, крепко зажмурясь, завели «Вест-эндский блюз». Даже при помощи синтезаторов и образцов электронной музыки вступление труб прозвучало скорее как падение с лестницы, чем

трогательный пассаж, расцвеченный блюзовыми рифмами. Но мерный ритм снова настроил всех на серьезный, хотя и не унылый лад.

Вперед выкатился Ротомотоман. Поначалу он смотрел на гроб, потом отсалютовал и развернулся. На дисплее спереди его цилиндрического тела значились три слова: «ДО СВИДАНЬЯ, ДИОГЕН».

- Иногда, - сказала Тому миссис Леахи, - я тебе завидую. А иногда... даже не знаю, как ты справляешься.

- Не уверен, справляюсь ли. - Слова были полны самоуничужения, но в его лице (на взгляд миссис Леахи) сквозила благодарность.

- Гораздо чаще дело справляется с тобой, - отозвалась доктор Маргарет. - И со мной. Со всеми нами. Не знаю почему.

- Потому что, - сказала миссис Леахи, - как бы нам ни хотелось запираяться, мы тоже ждем Космических Ребят.

Том, доктор Маргарет, миссис Леахи и мисс Уондерли вынесли гроб в сад. Когда обитатели дома потянулись за ними, буддазавры снова заиграли свою версию «Вест-эндского блюза».

Гроб установили на диковинное металлическое приспособление, которое привезла мисс Уондерли. Оно мягко и медленно опустит гроб в могилу, потом сложится, и мисс Уондерли его вытянет.

Том оглядел собравшихся завров и людей. Сейчас тишина казалась неловкой. Все было сказано внутри. И теперь они здесь, в саду, перед могилой и ждут, что дальше, и нет способа перейти к тому, что должно быть дальше.

Пока Бронте не завела:

- Яр-ву-у!

Завры повернулись к ней. Одни тут же откликнулись: «Яр-ву-у!», а другие помедлили, либо затянули только первую ноту, либо вообще не могли заставить себя петь.

- Это такая песня, - объяснила Гвиневере Бронте. - Когда люди создали нас в лаборатории-фабрике, они нас научили. Это была часть нашего импринтинга и обучения. Нам полагалось петь ее детям, и ее играли в каждой рекламе. Глупая песенка. Не слишком хорошая песенка, но простая, а главное - ее знаем мы все.

Бронте и Кара запели вместе:

- Яр-ву-у!

К ним присоединились еще несколько завров:

- Яр-ву-у!

И еще несколько:

- Яр-ву-у!

Пока не запели все. Миссис Леахи запела с Бронте почти сразу же. Вступила доктор Маргарет, потом Том... И мисс Уондерли (песенку не сложно было запомнить, даже если никогда раньше не слышали). Из-за экскаватора неохотно вышла Кэрлайн, но даже она начала петь хрипловато и фальшиво.

- Яр-ву-у, яр-ву-у! Яр-ву-у, ля-ля! Мы динозавры и любим тебя! Яр-ву-у, яр-ву-у! Яр-ву-у, ля-ля! Мы динозавры и любим тебя!

После несколько завров сразу ушли назад в дом. Еще несколько подождали, пока гроб не опустят в могилу, и тоже вернулись. Несколько стойких, среди них Док и Престон, оставались, пока Кэролайн не столкнула всю землю в яму, которую выкопала сегодня утром.

- Теперь я припоминаю, о чем подумал вчера днем, - сказал Док Престону. - До того, как случилось несчастье. Сейчас это представляется абсурдным и так быстро стерлось из памяти, что едва ли имеет значение.

- И что это было? - Престон смотрел на Кэролайн, которая обратной стороной лопаты тщательно разравнивала землю.

- В тот момент мне показалось, что мы, возможно, не просто случайная игра природы. Может статься, мы... неизбежны.

Престон какое-то время рассматривал землю у себя под ногами. Достав платок, Кэролайн отерла пот со лба, села в экскаватор и повела его к трейлеру, прицепленному к задку фургона.

Развернувшись, Хуберт направился внутрь. Стегозавр по имени Большой Сэм и коричневый трицератопс Дэвид Норман двинулись за ним. Последний позволил вылупленышам всю дорогу до дома ехать у себя на спине, рядом шли Кара и Бронте.

- Безумная мысль, - сказал Престон и, поворачиваясь, положил лапу на спину Доку. - Но это безумный мир.

А у могилы глядеть на холмик земли остались Агнес, Слагго и Аксель.

- Надеюсь, церемония ему понравилась, - сказал Слагго.

- Откуда бы он узнал? - Голос Агнес был не таким резким и не таким громким, как обычно. Но слова оставались, как всегда, жесткими.

- Тогда она, наверное, ему понравилась бы.

- Я не хочу его бросать, - сказал Аксель.

- Он никуда не денется. - Агнес отвела взгляд от могилы, посмотрела на запад. Небо там было красным, розовым, кремовато-желтым. А над игрой этих красок голубизна становилась все темнее и глубже.

Еще она увидела подобие вспышки, мимолетное движение среди деревьев. Может, какой-нибудь зверь. Может, опять двуногие кретины. Впрочем, Регги их и близко не подпустит. Остальным она ничего не сказала.

- Мы всегда сможем вернуться сюда, чтобы его помнить, - сказал Акселю Слагго. - На самом деле мы его не покидаем, и он на самом деле нас не покинет.

- Лучше пойдем в дом, - сказала Агнес. - Становится темно. Холодно.

Никто не двинулся с места.

- То, что ты там наговорил, Аксель... - Агнес все еще смотрела на закат. - Ты же сам знаешь: это полная ерунда, верно? Машина

времени... Ты собираешься построить машину времени? Люди веками болтают про машины времени. Ты видишь где-нибудь поблизости машину времени? Думаешь, ты способен ее построить?

- Не знаю, - сказал Аксель. - Но я хочу сделать такую машину. Нет, корабль времени!

- Ну да. Отлично. А чепуха про «время не умирает»? Ты думаешь, это правда? Откуда у тебя взялась такая дурацкая мысль?!

- Джеральдина сказала...

- Джеральдина! Да она над тобой посмеялась! Она надо всеми нами посмеялась. Ты веришь той, кто каждый день спрашивает, не дурак ли ты?

- Она надо мной не смеялась! - Аксель замотал головой. - Не в тот раз. Она сказала: время не умирает, а Вселенная...

- Вселенная тоже умрет! Земля умрет, и Луна, и Солнце, и остальные планеты тоже. Звезды выгорят, как свечи, а с ними уйдут и галактики, и все прочее, включая время!

- Если все умрет, - сказал Аксель, - то и мы тоже, и Дио не будет так одиноко.

- Дио не одиноко! Он уже ничто, Аксель! Он был жив, теперь его нет, вот и все! Все! Конец истории! И когда придет время, так же будет с остальными.

- Думаю, ты ошибаешься, - возразил Слагго.

- Что? - взорвалась в полный голос Агнес. Быть может, даже чуть громче.

- Ты ошибаешься или, во всяком случае, не права. Не совсем. Дио все-таки что-то. Он все, чем был раньше. Оттого что он умер, ничего не изменилось.

- От этого он не становится менее мертвым!

- Думаю, становится. Мы его помним.

- Пока мы сами не умрем. А тогда все кончится. И кто будет помнить нас?

- Не знаю, - ответил Слагго. - Может, Док прав. Мы смотрим слишком узко, думаем только о том, как это сказывается на нас. Но это еще не все. Может, то, что мы делаем, и составляет Вселенную, какая бы она ни была большая, а мы маленькие. Мы ее часть. Мы делаем ее тем, что она есть, не важно - при жизни или после.

Слагго подождал, но ответа не услышал. Он даже не помнил, когда бы произнес столько слов кряду, чтобы его не прервали. Он подождал еще, чтобы она сказала ему, мол, идиот, а потом спросил:

- Смысл какой-нибудь есть?

- Нет. - Агнес подвернула хвост, расцарапав шипами газон.

На закате красное поблекло до янтарного в окружении густого индиго. Лес теперь вгрызался в него рваным черным силуэтом.

- Смысла так мало, словно его вообще нет, - сказала Агнес. - Ты

какую-то дурную траву жевал. Ты... ты идиот!

Слагго кивнул со странным облегчением. И так перемен хватало, а если Агнес перестанет звать его идиотом, это будет уже чересчур.

- Не такая уж глупая мысль! - вмешался Аксель. - Время и вправду не умирает! Даже если Вселенная остановится, время не умрет!

- Все умирает, - буркнула Агнес с усталостью того, кто раз за разом объясняет, как куда-то пройти. - Вот солнце, например, садится, и приходит ночь. Это неизбежно.

- Но ночью видны звезды! И космос! И вся Вселенная! Днем ее не увидишь!

- Мертвый ты их так и так не увидишь! - Агнес отвернулась. - Я не говорю, что это хорошо или что мне это нравится. Это просто так есть, ладно? Гораздо лучше знать, чем делать вид, что это неправда. Мне бы хотелось, чтобы это было не так, но это так. Извини.

- Что ты сказала, Агнес? - вмешался Слагго.

- Что?

- Мне почудилось, ты сказала: «извини».

- Да. Это я и сказала. Ты что, оглох? Я сказала: «извини!». А теперь пошли внутрь. Уже темно.

Ни один из трех не двинулся с места. Поднялся пронизывающий ветер и все усиливался.

- Знаешь, - сказал Акселю Слагго, - может, тебе и не придется строить машину времени. Может, мы уже в машине времени.

- Пространство и время! - сказал Аксель. - Время и пространство! - Он посмотрел вверх на первые звезды, теперь уже ясно видимые. - Вселенная...

- Да знаем мы! - застонала Агнес. - Знаем! - Она сделала несколько шагов к могиле.

- Дио, - сказала она. - Это глупо. Я знаю, ты меня не можешь слышать. Я должна это сказать. Я хочу снова тебя увидеть и понимаю, что не могу, а все остальное ерунда, и мне наплевать! - Глянув на Слагго, она рявкнула: - Верь во что хочешь! Мне наплевать. - Она посмотрела на Акселя: - А ты! Валяй! Строй свою чертову машину времени! Прыгай в нее и унесись на ней куда-нибудь, где мне никогда не придется слушать твой бред! Мне наплевать!

Слагго показалось, после этих слов послышался всхлип, и придвинулся к ней. Он почувствовал, как она дрожит, но она его не оттолкнула.

- Холодает. - Голос у нее был хриплый и даже чуть надломился. - Пошли.

Она направилась назад к дому, Слагго с ней рядом. Аксель хотел было пойти за ними, но все смотрел на ранние звезды, одновременно бесконечно далекие и удивительно близкие, как огоньки, раскинувшиеся по огромному потолку, под которым уместилось все на

свете, и двигаться тут под ним - словно вообще не сходить с места.

- Возможно, я не смогу построить корабль времени. Возможно, время тоже умирает, как говорила Агнес. Возможно...

- Ты идешь? - окликнула его Агнес.

Он поспешил к дому и опять остановился. Он почувствовал... кого-то.

Кое-кто был у него за спиной. Он почти слышал поступь больших лап по траве. Но едва он остановился, шум шагов тоже замер.

Аксель зажмурился.

- Дио?

Ответа не последовало, но Дио всегда был немногословен. Он вообразил, как Дио стоит там, один, словно изгнанный, хочет быть внутри, среди друзей и среди книг.

Акселю хотелось обернуться и посмотреть на него, но он вспомнил про Орфа и его жену и про то, как важно не оглядываться.

- Все в порядке, Дио. - Аксель открыл глаза, но смотрел на дом, на свет в окнах, на Слагго и Агнес на ступенях веранды, на ждущего в дверях Тома.

- Все в порядке. Я не буду оглядываться! Я обещаю!

На свой лад он понимал, что взял на себя большую ответственность. Поважнее, чем корабль времени. Поважнее, чем экзокиборг. Пока он помнит, что оглядываться нельзя, Дио всегда будет здесь - в точности как он почувствовал его сейчас.

Большая ответственность. Но да... Да! Он сумеет! Он должен.

- Пошли! - он снова двинулся к дому. - Пора ужинать!

Перевела с английского Анна КОМАРИНЕЦ

© Richard Chwedyk. Orfy. 2010. Печатается с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

ДЭВИД САЙМОНС

ОСОБЫЕ ЖИВОТНЫЕ ДОКТОРА СКЕННЕРА

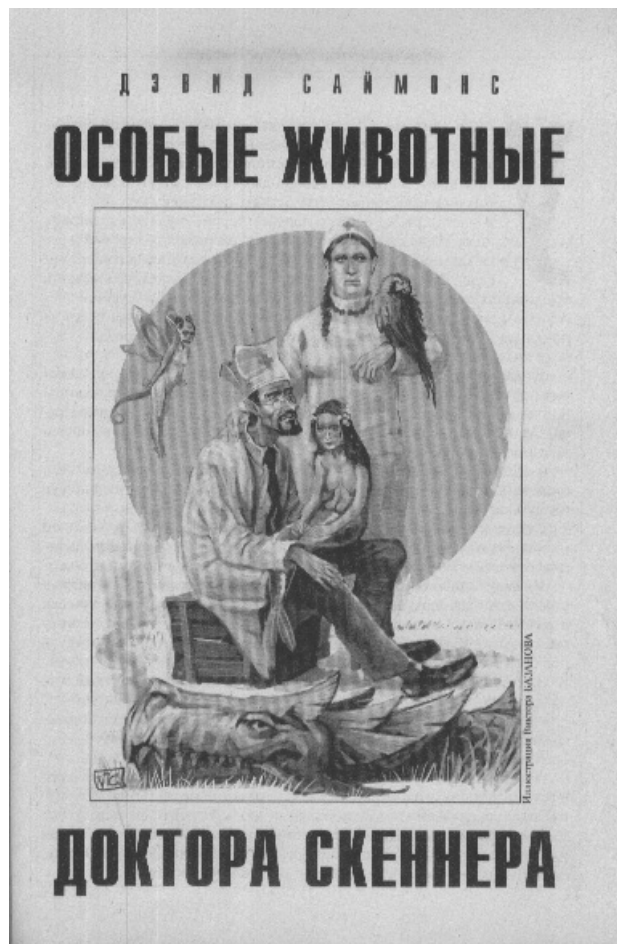

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

Утро в клинике выдалось рутинным. Благословенно рутинным. Я стерилизовал двух кошек, вырастил новую печень для добермана и починил панцирь угодившей под колесо черепахе - и никаких тебе новых особых животных. Но потом подъехал «ровер», и отступать стало некуда. Я чистил ранку на ноге попугая Ларри, когда услышал, как по дорожке к дому катит грузовик, расшвыривая гравий и ревя клаксоном. Я крикнул Элли, чтобы она унесла кошек, посадил Ларри обратно в клетку и вышел на переднее крыльцо. Грузовик оказался старомодной фурой с поднимающейся задней дверью и высокой крышей - на таком можно легко перевезти вещи из квартиры с тремя спальнями. Он остановился в конце дорожки, глубоко погрузившись колесами в гравий.

Из кабины выбрались двое, с головы до ног облаченные в снаряжение пожарных: длинные желтые плащи, резиновые сапоги, рукавицы и шлемы, как у сварщиков, с темными щитками, маскирующими лица. Один из них держал длинный металлический шест с раздвоенным концом - погоняло для скота.

- Готов? - пробубнил второй. Судя по хриплому голосу, он был старше. Его напарник кивнул и наставил погоняло на заднюю дверь грузовика.

Старший снял замок с двери и поднял ее. Затем достал из фуры конец металлической цепи, обмотал его вокруг запястья и шагнул назад, вытягивая цепь - совсем как рыбак, добывающий из моря тяжелый невод.

Из фуры стало медленно возникать огромное животное. Длинная зубастая морда, покрытое красной чешуей тело, кожистые крылья и толстый хвост с шипами. Я с отвращением выругался, но не могу сказать, что оказался удивлен. Рано или поздно, но какому-нибудь проклятому идиоту пришлось бы в голову сделать дракона.

За спиной у меня скрипнула дверь, и Элли присоединилась ко мне на крыльце.

- Боже мой, - пробормотала она, наблюдая, как мужики борются с огромным ящером. - Вряд ли он влезет в особую комнату. Я мельком задумался, откуда ей известно, что это «он». Дракон тянул зубами цепь, высекая искры, и высокий ткнул его в бок погонялом. Дракон подпрыгнул, резко повернул голову и выплюнул над головой своего мучителя метровый огненный шар.

И тут он завопил. Крик был пронзительный и полный боли, как у собаки, которой наступили на хвост. Дракон плюхнулся на дорожку, всхлипывая и шлепая себя по морде когтистыми лапами.

- Боже мой, - повторила Элли.

- Гони их в шею, - велел я. - Мы его лечить не будем.

- Но, доктор...

- На этот раз я серьезно. Он слишком большой. Мы не сможем его спрятать. Буги нас найдут. Или чистильщики. Больше никаких особых животных.

Молодой снова ткнул дракона погонялом, побуждая его встать, а его напарник дернул цепь. Дракон застонал, все еще потирая морду крыльями. Вот черт...

- Я сертифицированный ветеринар, - сказал я. - И специализируюсь на лошадях.

- Да, доктор, знаю, - ответила Элли, похлопывая меня по руке. Не успел я еще что-либо возразить, как она сошла с крыльца и направилась к мужикам, выкрикивая указания: - Отведите его за дом, там пастбище. Посадите его на цепь. Доктор Скеннер скоро вас примет.

* * *

Пока Элли сопровождала дракона на пастбище, я направился в особую комнату. До часа дня оставалось еще двадцать минут - достаточно времени для быстрого обхода пациентов.

Особой комнатой мы называли амбар на границе моих владений, кое-

как замаскированный в рощице из молодых каштанов. Когда я открыл клинику, то планировал в основном уделять внимание лошадям, обслуживая тех, кто занимался разведением племенных и скаковых лошадей в Центральной Виргинии, однако моя практика совершила неожиданный поворот.

Я отпер дверь амбара, вошел, и меня тут же поприветствовал Радар.

Это был мой самый необычный пациент. Предполагалось, что он станет минотавром (ну, вы знаете, кто это: голова быка, тело человека), но его создатели напортачили в расчетах и в результате получили дикую смесь из частей тела человека и быка. Торс и конечности у него оказались человеческие, копыта вместо рук и ног, человеческая шея, а на ней бычья голова с рогами. Мозг у него, однако, целиком бычий, поэтому ему нравились коровы (реально нравились), а когда он ощущал угрозу, то бросался прямо на обидчика. Но поскольку стоял он на двух ногах, то при таких атаках не протыкал кого-то рогами, а врубался мордой во все, что оказывалось у него на пути. Я снабдил его жестким намордником и защитным ошейником, но больше ничем помочь не мог. Его создатели привезли беднягу ко мне и бросили, и с тех пор он бродил по амбару.

Радар фыркнул и принялся рыть копытом землю. Стук-шарк, стук-шарк. Я почесал ему подбородок. Довольный, он отошел, а я начал обход.

Первым делом я остановился возле бака с русалкой. Она подплыла к стеклу и плеснула хвостом.

Русалка стала моим первым особым пациентом почти два года назад. Уже в сумерках ее привезла ко мне в клинику в старом ведре супружеская пара. Они были в темных очках и назвались мистером и миссис Джонс.

К тому времени я уже читал в ветеринарных журналах, что какие-то идиоты начали манипулировать с оборудованием для клонирования, смешивая и подгоняя генетические «шаблоны» для создания особых животных. Фантастических существ. Да только о биологии эти «создатели» думали не больше, чем Ганс Христиан Андерсен, поэтому у животных возникали проблемы. У них у всех имелись проблемы.

Мы с Элли вытащили русалку из ведра и положили на смотровой стол. Длиной она была сантиметров шестьдесят, со светлыми волосами, зелеными глазами и маленькими, сморщившимися от воды грудями. Она свернулась калачиком и стонала, дыша через рот и мучаясь от очевидной боли.

- Сколько ей? - спросил я.

- Четыре дня, - ответил мистер Джонс. - Мы используем ускоритель роста.

- Вы возьметесь ее лечить? - спросила миссис Джонс.

Разумеется, мне следовало отказаться. Законопроект о БГК уже был

принят, а группы чистильщиков возникали по всей стране. Клинику я открыл совсем недавно, и мне вовсе не хотелось, чтобы меня застукали на чем-то противозаконном.

Но русалка-то ни в чем не виновата.

Я осмотрел ее горло и торс, пытаюсь отыскать источник боли. Живот у нее разбух, и я заподозрил пищевое отравление или аллергию.

- Чем вы ее кормили?

Джонсы перечислили, и я начал выписывать направления на анализы и рецепты. Но на очевидное указала Элли, моя помощница двадцати двух лет, которую я всего две недели как принял на работу. Она перекатила русалку на бок, ткнула пальцем в плавник и взглянула на меня:

- А как же она облегчается?

После шестичасовой операции у русалки появились функционирующие задний проход и уретра. Теперь ее привозят ко мне раз в два месяца на осмотры.

Русалка прижала ладошки к стеклу и улыбнулась мне. Разум у нее был на уровне животного (человеческие нейронные сети пока еще недоступны горе-генетикам), но выражение лица было отчетливо человеческим, что меня всегда сбивало с толку. Я постучал по стеклу и пошел дальше.

Следующий - кентавр. Бедняга заслуживал только жалости. Владельцы привезли его ко мне в месячном возрасте, жалуясь, что тот не может скакать галопом. Кентавр был вялым, с желтой кожей и сильно истощенным. Меня заверили: шаблоны были смешаны правильно, и непонятно, что могло пойти не так.

Тоже мне, гении. Я сказал им, что не надо быть ветеринаром, чтобы понять: человеческие сердце, почки и печень слишком слабы для жизнеобеспечения лошадиного туловища весом килограммов триста. Они оставили его для лечения и больше не приезжали.

Я держу кентавра на разжижителях крови, чтобы облегчить ему кровообращение, даю препараты от желтухи и регулярно провожу диализ, чтобы помочь почкам. Ему всего шесть месяцев, но он уже начал лысеть, а лицо у него сморщенное, как у старика. Сомневаюсь, что он протянет еще месяц.

Я проверил концентрации газов у него в крови, похлопал по боку и подошел к первому из трех единорогов. Похоже, нынче каждый богатый идиот хочет подарить своей дочурке единорога. Мне все время приходится лечить их инфекции кожи на голове и трещины в черепе.

Не успел я закончить обработку первого рога, как Элли постучала в дверь условным стуком и проскользнула в амбар. Ах, да... В час дня должны были привезти лошадь. Какая приятная неожиданность.

- Лошадь мисс Клэнси уже привезли? - спросил я.

- Нет. Я отменила визит.

- Что! Почему?

- Ну, сегодня не самый подходящий день, чтобы выпускать лошадь на пастбище.

Ах, да. У меня же дракон на заднем дворе.

- Кстати, о пастбище. Наш новый пациент требует вашего внимания.

Я натер мазью с антибиотиками основание рога и стал высматривать трещины через лупу.

- Он может подождать.

- Он... плохо себя ведет.

- Подумать только, дракон плохо себя ведет!

Я взглянул на Радара. Тот сидел на полу неподалеку от меня, расставив ноги, и безуспешно пытался заняться кое-чем непристойным с помощью копытистых рук. Элли, отвлекая, почесала ему подбородок.

- Ладно. - Я вручил Элли мазь и показал на лошадиный корм. - Накорми единорогов. По две чашки овса. И радугу.

Распахнув пинком дверь амбара, я вышел.

Когда этим ранчо владел мой отец, на заднем лугу располагалась беговая дорожка. Я превратил его в пастбище. Несколько акров высокой травы, огороженные деревянной изгородью, а посередине пруд, куда впадал ручеек.

Сейчас там бушевало пламя.

Точнее, горело не все пастбище, а всего несколько квадратных метров возле амбара. Оба пожарных, подняв щитки на касках, тушили пламя струями углекислоты.

Дракон в это время был привязан к каменному столбику метрах в тридцати от амбара, возле пруда. Он успел окунуть морду в мутную воду, и теперь лежал на животе, облизывая когти на лапах. Вид у него был довольный.

- Почти погасили, - сообщил молодой. - Он пытался поджарить белку. Но ваша помощница хорошо его привязала.

Похоже, дракона мне привезли отец и сын. Отцу было уже за пятьдесят - крепко сложенный мужчина с лицом, похожим на решетку радиатора старого грузовика. Высокий и худой сын щеголял слишком идеальным носом, гладкой, как у подростка, кожей, позолоченными зубами и тупой улыбкой. Из Западной Виргинии, тут и сомневаться нечего.

Закончив гасить пламя, они повернулись ко мне.

- Мы слышали, вы лечите конструкторов, - сказал отец. - Поможете нам?

- Как вас зовут?

- Смит, - сообщил отец.

- Джонс, - сказал сын.

Как оригинально.

- Он может шарахнуть нас огнем с такого расстояния? - уточнил я.

- Нет, если он не возбужден, - сказал отец.

Я терпеливо ждал объяснения, не сомневаясь, что он жаждет выложить подробности.

- У него два дополнительных легких, - сообщил отец. - Одно извлекает метан из толстой кишки, а во втором есть особое самовоспламеняющееся вещество, которое мы разработали с нашими партнерами-химиками. Когда в его теле выделяется адреналин, воспламенитель активируется и поджигает метан.

- Поэтому он извергает пламя, когда злится, - поддакнул сын.

- Ага, - сказал я. - Понятно.

- Беда в том, что всякий раз, извергая пламя, он вопит и воет, как сучка какая-то. Можете понять, что с ним не так?

- У нас есть покупатель в Китае, - добавил сын. - Вылечите его, и мы дадим вам равную долю от продажи. - Папаша испепелил его взглядом. Сынуля перестал улыбаться.

- Сколько ему? - спросил я.

- Два месяца.

- Как он был сделан?

- По сложной формуле, - выдал отец, настороженно поглядывая на меня. - Ее разработка обошлась нам недешево.

Скотина...

- Меня интересуют только его мозги. Каков был для них шаблон?

- Собака. В основном.

Ага, щенок. Ну, с этим я справлюсь.

Я вытащил лупу и подошел к дракону. Осмотрел его морду и голову и особо тщательно - глаза, рот и нос. Все ясно. Как я и думал. Бедняга.

- Так что? - спросил сынок. - С ним что-то не в порядке или он просто выпендривается?

- Скажите-ка, мистер Джонс. Вы когда-нибудь засовывали лицо в печь?

- У него же чешуя, - сказал отец. - Термоустойчивая до трехсот градусов.

- Чешуя на глазах? На губах и ноздрях?

- Ой...

Вот именно, ой.

- Так вы его будете лечить?

- Но только не отключая выбрасывание пламени, - добавил сынок. - Это один из пунктов спецификации, указанных покупателем.

Я с трудом, но сдержался.

- Оставьте его на пару дней, - решил я. - Может, и сумею вам помочь.

* * *

На следующее утро я готовил «лекарство» для дракона в домашней мастерской, когда туда ворвалась задыхающаяся Элли.

Она девушка круглолицая, с короткими ножками и бегаёт примерно как мой кентавр. Поэтому я сразу понял - что-то случилось.

- Буги, - выдохнула она, едва отдышавшись. Я встал:

- Где?

- У переднего крыльца. Ждёт вас. Внезапная инспекция.

- В клинике все чисто?

- Да.

- Точно?

- Да! Уверена.

Я сунул «лекарство» под рабочий стол и натянул белый халат. И мы торопливо прошли в клинику, чтобы встретить буги.

Когда особые животные только начали появляться, их существование привело в ярость определенную часть населения: многим не нравился уже сам факт существования клонированных животных. Было создано новое правительственное агентство - «Бюро генетического контроля», назначением которого стало искоренение «неестественных» конструкторов.

Судя по моему опыту, агенты Бюро (они же буги) были либо уволенными агентами ФБР, либо чистильщиками со значком. Но этот тип не тянул ни на один из двух вариантов.

Он стоял на крыльце возле клиники, одетый в джинсы и старый трикотажный свитер. На вид около сорока - моего возраста, - круглолицый, загорелый, с кустистой бородой. Он держал маленький наладонный компьютер и стилус, и больше ничего. Ни значка, ни оружия.

- Вы доктор Скеннер? - спросил он. Я подтвердил и пожал ему руку. - Я агент Стенвик. Мы разыскиваем опасный конструктор. Нам сообщили, что он мог направиться сюда.

- А что за конструктор? - поинтересовался я.

- Его нельзя не заметить.

Я помолчал, задумавшись.

- Мне очень жаль, мистер Стенвик, но я вам помочь не могу. Из дома донесся треск, затем испуганно заорал попугай Ларри.

У Элли распахнулись глаза, она бочком попятилась и проскользнула обратно в дом.

- Не возражаете, если я тут осмотрюсь? - осведомился Стенвик. - Просто чтобы потом сказать, что провел инспекцию.

Я пожал плечами:

- Пожалуйста.

Я провел его по ступенькам крыльца - медленно - и распахнул дверь.

Элли уставилась на нас с противоположной стороны клиники, стоя возле задней двери. Она вытолкала кого-то пяткой на улицу, потом

захлопнула дверь и придавила ее спиной.

- Это был пес доктора Скеннера, - пояснила она. - Он иногда груб с гостями.

Откуда-то из согнутой руки Элли вывалилось длинное черное перо и упало на пол. Элли наступила на него и улыбнулась.

Гарпия, разумеется. Ее привезли подлечить зубы. Наверное, дразнила котов.

- Желаете экскурсию, агент Стенвик? - предложила Элли бодрым и деловым тоном.

- Да, пожалуйста.

Элли сопровождала Стенвика по всем уголкам клиники - приемная, смотровая, операционная, клетки и корыта, - открывая шкафы и выдвигая ящики, а заодно охмуря его дружеской болтовней о моей ветеринарной практике. Во всяком случае, о законной ее части. Я держался в сторонке, делая вид, будто обрабатываю ногу попугая Ларри, и что-то бормотал себе под нос.

После десяти минут изучения счетов за стерилизацию кошек и выращивание новых почек я уже не сомневался, что инспектор готов, мается от скуки и вот-вот уйдет.

Но я ошибся. Стенвик вернулся в приемную и заговорил со мной сквозь клетку попугая.

- Не возражаете, если я проверю другие здания? - спросил он.

Элли вздрогнула, но я не понял, заметил ли это Стенвик.

- Нет проблем, - ответил я. - Сам вас и провожу.

Я обратился к Элли:

- Будь добра, присмотри за клиникой, пока нас не будет, хорошо? - Она помедлила с ответом: побаивалась оставлять меня наедине с буги. - И проследи, чтобы ничего не загорелось, - с намеком добавил я. Элли хотела что-то сказать, но быстро передумала и стала пятиться к задней двери клиники, выводящей на пастбище.

Мы спустились по ступеням крыльца и направились через посыпанный гравием круг в конце подъездной дорожки в сторону моей хижины. В противоположном от особой комнаты направлении.

- Вашим отцом был Роберт Скеннер, тренер скаковых лошадей, - сказал он, когда мы шли.

Я кивнул. Этот парень кое-что обо мне разузнал.

- Почему вы не пошли по его стопам?

Я промолчал.

Мой отец был из тех тренеров, что хлещут лошадей, пока те или победят, или сломаются. Или и то, и другое. Он пытался научить этому и меня, но я провел детство с отвергнутыми животными - старыми жеребцами и племенными кобылами, «разочарованиями». Отец называл их «кости для клея». Я ушел от него, когда мне исполнилось шестнадцать, и на одолженные деньги окончил ветеринарную школу.

Когда он умер, я унаследовал его хозяйство - эти земли - и превратил в клинику. Лаборатория, где он готовил лекарства, стала моим кабинетом, беговая дорожка - пастбищем, а склад для корма - моей жилой хижинкой.

Я распахнул перед Стенвиком дверь и величественно обвел помещение рукой:

- Инспектируйте.

Хижина уже давно стала продолжением клиники. Покосившаяся кушетка, пустые клетки для собак, стопки ветеринарных журналов и мой рабочий стол занимали всю гостиную. Здесь все еще упорно пахло лошадиным кормом.

Я провел для Стенвика подробную экскурсию. Он все разглядывал, время от времени делая заметки в наладоннике. Но по большей части наблюдал за мной, изображая детектива Коломбо.

- Вы член ЛЭООЖ? - спросил он.

ЛЭООЖ - это «Люди за этичное обращение с особыми животными». В колледже я недолго был членом родительской организации - ЛЭОЖ, но вышел из нее после ссоры с региональными бюрократами.

- Нет.

- Как вы думаете, следует ли позволять людям создавать конструкторы Особых животных?

- Нет. Я считаю, что это жестоко.

Теперь он стоял возле рабочего стола, рассматривая шланги и линзы, над которыми я трудился. Я попытался его отвлечь:

- Скажите, мистер Стенвик, вы работаете с чистильщиками?

Некоторые «очень моральные» жители Виргинии сочли, что буги ликвидируют особых животных недостаточно быстро, и решили взять дело в свои руки.

- Деревенщина с факелами. Я их презираю.

Это меня удивило. Наверное, это проявилось на моем лице.

- Усыплять животных мне нравится не больше, чем вам, доктор. А если честно, то я усыпляю не всех. А только опасных.

- И кто это решает?

Стенвик опустился на колени возле рабочего стола и сфотографировал наладонником обрезки шлангов.

- Вы слышали о карпозубых рыбах из Долины Смерти?

Я уставился на него.

- Карпозубики, *Cyprinodon salinus*. Они водились в единственном соленом ручье в Долине Смерти. Эволюционировали тысячи лет, по мере того как пересыхало озеро Мэнли. Изумительный пример адаптивной эволюции.

Он встал и стряхнул пыль с коленей джинсов.

- Месяц назад в Долину Смерти забрела стая диких фей и сожрала всех карпозубиков. Их охраняли сто лет, а потеряли всего за день.

Я представил фею Динь-Динь из мультфильма: в руках обглоданные рыбы косточки, губы измазаны кровью. Наверное, я хихикнул, что раздосадовало Стенвика.

- Не все конструкторы безвредны, доктор. Они сбегают, плодятся, нападают на естественных животных. Иногда на людей. Они как агрессивные растения, только мобильные. Вот чего ЛЭООЖ никак не может понять.

- Потрясающе. И какое это имеет отношение ко мне?

Стенвик вздохнул:

- Эта ваша помощница, Элли. Как вы ее нашли?

Я моргнул.

- Мне ее рекомендовали.

Элли мне посоветовал взять однокашник из колледжа. Сказал, что она молодая, энергичная и что немного «снимет с меня стружку».

- Насколько хорошо вы ее знаете?

- Достаточно, чтобы понять, что она дерзкая и любит командовать, но хорошо ладит с животными. А теперь, если вы покончили с этой достоевщиной, мне хотелось бы вернуться к пациентам.

Стенвик уставился на экран наладонника и несколько секунд молчал.

- На вашей территории есть еще одно здание. Амбар. Отведите меня туда, пожалуйста.

- Хорошо.

Я провел Стенвика через кухню к задней двери, открыл ее и замер. Я увидел, что Элли все еще медленно ведет дракона через пастбище, вниз по склону холма к лесу. Она бросала перед ним футбольный мяч и заставляла идти вперед, подергивая за крылья. Но так медленно... С ее-то короткими ножками-тумбочками...

Я принялся топтаться в дверях, заслоня Стенвику обзор, пока качающаяся голова дракона не скрылась за холмом, А затем провел Стенвика мимо клиники к входу в мою особую комнату.

- Вот он, - сказал я, взмахнув рукой. - Амбар.

- Можно войти?

- Нет.

Стенвик вытащил наладонник и стилус и уставился на меня, дожидаясь объяснений.

- Я здесь держу лошадей. Больных лошадей. Многим сделаны операции на ногах, и им нужно сохранять спокойствие и неподвижность. Если я вас впущу, это может их возбудить и нанести вред их здоровью. Или вашему.

Стенвик принялся делать заметки в компьютере.

Из-за двери амбара донеслось фыркание, потом знакомое стук-шарк, стук-шарк. Так-так...

Стенвик перестал писать и уставился на дверь, пытаясь сообразить, что означают эти звуки. Вот опять: стук-шарк, стук-шарк... СТУК-СТУК-

СТУК-ТРАХ! Дверь выгнулась наружу, обдав нас пылью и едва не вылетев. Стенвик отскочил назад и приземлился на пятую точку.

- Поняли, что я имел виду? Лошади такие пугливые.

Из-за двери послышался глухой удар, за ним долгое и скорбное мычание.

Стенвик медленно поднялся, не сводя глаз с двери.

- Так вы запрещаете мне вход в этот... лошадиный амбар? - сухо осведомился он.

Боковым зрением я увидел Элли. Она медленно бежала через пастбище к клинике, стараясь держать голову пониже.

- Боюсь, что так. Если бы вы предупредили меня заранее, скажем, за день или два, то я переместил бы лошадей и позволил вам осмотреть все, что угодно.

Стенвик внес последнюю заметку и сунул компьютер в карман. Я проводил его обратно к подъездной дорожке, стараясь отвлечь его так, чтобы он не видел топчущую Элли.

Он уселся в свой электрический «хюндай» и включил двигатель. Но, прежде чем уехать, опустил стекло и посмотрел на меня.

- Доктор, вам следует кое-что знать. Тот конструктор, что я отслеживаю... крупное животное из Западной Виргинии. Владельцы выпускали его по ночам охотиться на домашний скот. Он уже съел трех овец, четырех телят и козла. - Он сделал паузу. - И двух старых лошадей.

Я смотрел на него, но молчал.

- Вам не следует все это продолжать, - посоветовал он. - Вы сами об этом пожалеете. - Он поднял стекло и медленно покотил по дорожке к шоссе.

Когда он уехал, Элли сошла с крыльца и подошла ко мне.

- Радару понадобится новый намордник, - сказал я.

- Я этим займусь. - Она вытерла лоб. - Знаете, есть и другое решение.

- Вот только не начинай снова, - Как минимум раз в месяц Элли упоминала, что знает людей, спасающих особых животных. Мол, они перевозят их в Республику Вермонт, или в Канаду, или в какое-то другое место, где нет буги. Несомненно, они из ЛЭООЖ, хотя Элли никогда этого не признает. Зато предлагает нам составить «запасные планы», готовиться бежать на север, если нас отыщут буги или чистильщики.

- Скажи-ка, Элли... как все эти придурки меня находят? Откуда они знают, что я стану лечить их конструкторов?

Элли неубедительно пожалала плечами:

- Хорошие вести разносятся быстро.

- Я ветеринар, а не волшебник. Я специализируюсь на лошадях.

Она похлопала меня по руке:

- Да, доктор. Знаю.

* * *

На следующее утро я покатил через пастбище тачку, наполненную всем необходимым для лечения дракона. Накануне вечером я выманил его из леса, насыпая лопатой кучки сухого корма для собак. Сейчас он лежал, привязанный к каменной изгороди, и лениво жевал футбольный мяч Элли.

Я вывалил содержимое тачки на землю, затем положил ее на бок вместо баррикады. Надел плащ-дождевик, велосипедный шлем и темные очки. Не бог весть какая защита, если он всерьез захочет меня поджарить, но ничего лучше у меня не нашлось.

Размотав шланг, я присоединил его к канистре напыляемой изоляционной пены емкостью в галлон. Затем присел за тачкой, направил шланг на пасть и нос дракона и обдал его хорошей порцией пены. Дракон вскочил и полил землю струей огня. Он взвыл, но уже не так громко, как прежде.

Когда он успокоился, я вылез из-за тачки. Дракон оценивающе взглянул на меня, потом улегся на траву и облизнул покрытые пеной губы. «Чего желаешь, хозяин?» - спросили его щенячьи глаза.

Я забрался ему на спину, широко расставив ноги у основания шеи. Вытер излишки пены мокрым полотенцем, оставив твердеющий слой вокруг ноздрей и губ. Потом достал очки.

Их я смастерил из двух больших плексигласовых линз, пены для звукоизоляции и двух веревочных петель. Одну петлю я разместил сзади на его шее, вторую под челюстью, потом накрыл ему глаза линзами и затянул веревки.

Дракон вскочил, сбросив меня со спины. Он молотил по линзам когтями, но сорвать их не смог. Через какое-то время он успокоился и опять уселся.

Но, к моему сожалению, лечение требовалось еще и проверить. Я осторожно приподнял его тонкое крыло, врезал кулаком в мягкое, лишенное чешуи подкрылье и нырнул за тачку. Дракон вскочил, заревел и выдал еще одну струю пламени.

А потом... ничего. Никаких воплей.

Сообразив, что боли уже нет, дракон вприпрыжку закрутился на месте, размахивая шипастым хвостом, и... залаял. Я попятился, стараясь не угодить под удар хвоста, и принялся собирать припасы.

Дракон заметил меня и перестал скакать. Он наклонился, пока его огромная голова не нависла надо мной, как голова тираннозавра из старого фильма Спилберга, и распахнул пасть с жуткими акульими зубами. Я на мгновение усомнился, правильно ли понял его намерения.

Он высунул чешуйчатый язык и лизнул меня от груди до лба. Язык оказался теплым и шершавым, а дыхание слегка пахло кишечником.

Я выдавил улыбку. С щек у меня капала драконья слюна.

- Ты действительно ел овец? - спросил я. - И лошадей?

Дракон свернул кончик языка в трубочку, по-собачьи дыша ртом, и стукнул хвостом по земле. Я покачал головой и похлопал его по шее:

- Нарекаю тебя Ровером. Отныне ты дракон Ровер.

Он еще разок лизнул меня, снова довольный улегся и принялся жевать футбольный мяч.

Когда я, сняв плащ, загружал тачку, к нам из клиники пришла Элли. Она хотела что-то сказать, но тут увидела морду дракона и расхохоталась.

- Ваш дракон, - сказала она в паузах между приступами смеха, - пользуется бальзамом для губ и носит защитные очки.

- Они защищают его глаза от пламени, - пояснил я. Она заметила велосипедный шлем и дождевик, валявшиеся в тачке поверх шлангов, и еще пуще расхохоталась.

- Ты сюда надо мной смеяться пришла или что-то сказать?

- Вам позвонили. Тот буги, что вчера приезжал. Вам действительно надо носить мобильник с собой.

Я подкатил тачку к клинике, сопровождаемый Элли, и взял трубку:

- Сканнер слушает.

- Выгляните через переднюю дверь, - предложил Стенвик.

Мы с Элли последовали его совету. В конце подъездной дорожки возле машины стоял Стенвик. За ним мы увидели четыре полицейские машины с работающими мигалками и большой фургон с эмблемой БГК. Элли ахнула. Я захлопнул дверь и переключил телефон на громкую связь.

- Мы сфотографировали со спутника конструктор на вашем заднем дворе, - сообщил Стенвик. - У меня есть ордер. Вы готовы сотрудничать?

Я опустил телефон на колени. Элли прислонилась к стене, обхватив голову руками и кусая нижнюю губу. За спиной каркнула гарпия. Стенвик заговорил снова, но уже мягче:

- Доктор, мы обогнали несколько грузовиков на шоссе номер 20, возле Скотсвилля. Они могли поехать за нами. Если вы станете сотрудничать, то обещаю, что подвергну эвтаназии только опасных конструкторов. Других мы трогать не станем. И я помогу вам сохранить лицензию. Но если вы откажетесь, и сюда заявятся фермеры...

Я обвел взглядом клинику. Попугай Ларри переминался на жердочке с ноги на ногу, бормоча непристойную чепуху. Рядом пристроилась на корточках гарпия, пытаясь достать своим человеческим ртом кормушку попугая. Клетки для кошек и собак были пусты - сегодня никого на

стерилизацию не привозили. На смотровом столе лежал недоделанный новый намордник для Радара. Задняя дверь была заперта, а жалюзи на ней опущены, чтобы скрыть пастбище и того, кто там находился.

Стенвик был прав. Дело того не стоило. Я не мог это продолжать. Пожалуй, я все время это понимал.

Я поднял трубку:

- Хорошо, Стенвик. Я буду сотрудничать. Дайте мне двадцать минут, чтобы привязать животных.

- Спасибо, доктор. Двадцать минут. - Он отключился.

Элли с ужасом посмотрела на меня. По ее щекам ручьями текли слезы.

- Вы не станете этого делать, - выдавила она. - Ведь не станете?

Пусть и в первый раз, но она действительно мне поверила.

Двадцать минут спустя я забрался на спину Ровера, пристроив на коленях клетку с Ларри. Одной рукой я держал веревку от очков дракона, другой - футбольный мяч.

За несколько минут до этого сюда примчались грузовики, а в них - дюжина мужчин, вооруженных чем попало: от охотничьих арбалетов до ружей для охоты на слонов. Полицейские Стенвика пока их сдерживали, направив на них оружие.

Я услышал, как Стенвик выкрикивает в мегафон последнее предупреждение. Ну, где же они?

И тут над лесом показался огромный синий вертолет, летящий над самыми верхушками деревьев. Он опустился на дальнем конце пастбища, взбивая травяные волны. Откинулась дверь грузового отсека, превратившись в пандус.

- Все готово? - произнес я в телефон.

- Думаю, да, - ответила Элли.

- Тогда вперед!

Дверь амбара распахнулась настежь, и я увидел Элли верхом на одном из единорогов. На коленях у нее сидела русалка, крепко обнимая Элли за шею.

Следом за ними показался весь мой сборный отряд особых животных. С трудом волочащий ноги кентавр с примотанным к груди мешком для диализа. Остальные единороги, размахивающие перед собой рогами - наподобие мальчишек, играющих в рыцарей. Гарпия, каркающая на манер Гингемы. Последним тяжело ступал Радар, принюхиваясь, нет ли поблизости коров.

Чистильщики увидели садящийся вертолет, потом заметили бегущих к нему Элли и животных и бросились вперед. Полицейские развернулись и побежали вместе с ними.

Ну, теперь мой ход.

Я бросил мяч за боковую стену клиники.

- Апорт! - заорал я, хлопая Ровера по шее.

Ровер улегся, облизывая покрытые пеной губы. Я подбодрил его, дернув за веревку:

- Ровер! Принеси мяч! Апорт! Апорт!

Он чихнул, выбросив облачка дыма, и захлопал бесполезными крылышками.

Вспомнив, как Элли накануне тащила его через пастбище, я схватил дракона за край крыла и резко дернул. Ровер вскочил и побежал вперед, подпрыгивая на толстых ножках. Догнав мяч, он схватил его зубами и побежал дальше мимо клиники, выскочив как раз перед бегущими чистильщиками и буги.

Увидев Ровера, они резко затормозили. Кое-кто ахнул, кое-кто попятился, разинув рот.

Сзади к ним подбежал Стенвик, держа любимый наладонник и стилус.

- Не подходите! - крикнул он. - Стойте, где стоите!

Я натянул веревку и остановил дракона метрах в двадцати от них. Ровер удивленно обозрел линию мужчин, наклонив голову и продолжая жевать мяч.

Затем, как я и надеялся, один храбрый чистильщик вышел вперед, прицелился из ружья и выстрелил.

Пуля угодила Роверу в грудь. Чешую она не пробила, но поцарапала.

Ровер взвыл. Голова его развернулась, как танковая башня, и нацелилась на стрелка. Из груди дракона вырвалось низкое рычание, и он медленно поднялся на задних лапах, возвысившись над армией чистильщиков. Из ноздрей пыхнули облачка дыма. Челюсти сжались, мяч лопнул с громким хлопком.

- Лучше бегите, - посоветовал я.

Из пасти Ровера вырвался огромный огненный шар, ударивший в людей. Они побежали.

Я остановил дракона на достаточном расстоянии, чтобы пламя никого не поджарило. Ну, может быть, кое-кому опалило брови, а шеи чистильщиков стали чуточку краснее^{*26}. Но напугал я их точно до полусмерти. Они бросились врассыпную, вопя и бросая оружие, потом кинулись к грузовикам.

- Ату их!

Ровер ринулся в погоню, выстреливая пламенем под ноги бегущим, затем погнался за их машинами и грузовиками, когда те рванули по дорожке к шоссе. Он преследовал их до границы моих владений, остановился, разок гавкнул и неторопливо направился обратно к клинике.

²⁶ * В Америке «красными шеями» называют белых батраков, также это выражение используется в смысле «неотесанная деревенщина». (Прим. перев.)

Из всех машин теперь осталась лишь одна - электромобиль агента Стенвика. Сам Стенвик стоял, прислонившись к машине, наблюдал за тем, как Элли грузит животных в вертолет, и невозмутимо фотографировал все наладонником.

Я остановил Ровера в десяти метрах от Стенвика.

- Положите камеру и отойдите, - приказал я.

Стенвик внимательно посмотрел на меня.

- Вы не радикал, - сказал он. - Вы никого не станете убивать.

- Это не лошадь, Стенвик. Никаких гарантий.

Поколебавшись, он вздохнул и бросил аппарат. Я пнул Ровера под крыло, и тот расплавил наладонник.

- Следующий залп по вашей машине, - предупредил я.

Еще несколько секунд Стенвик наблюдал за Элли и животными - несомненно, делал мысленные заметки. Потом вытащил из кармана ключи и сел в машину. Опустил стекло.

- Помните про карпозубиков из Долины Смерти, доктор. - Он включил машину и поехал задним ходом по дорожке. - Я все равно вас найду.

Мы с Ровером подождали, пока машина Стенвика не скрылась за поворотом дороги. Потом я дернул дракона за крыло, и мы потрусили мимо клиники обратно на пастбище.

Элли уже погрузила всех, кроме Радара и гарпии. Пока она уговаривала гарпию подняться по рампе, Радар обошел вертолет и уже тянул копытчатую руку к заднему винту. Элли перехватила его вовремя и затолкала пинками в вертолет. Дверь машины закрылась, вертолет взлетел и поплыл над лесом.

Точка встречи была назначена в двадцати милях западнее, под прикрытием густой листвы в горах Блю-Ридж. Там мы пересядем в грузовики и поедem на север. Друзья Элли из ЛЭООЖ не назвали мне конечную точку маршрута, но заверили, что животные будут в безопасности.

Пока Ровер легкой рысцой пересекал пастбище, я обернулся, чтобы бросить прощальный взгляд на свою клинику и хижину, заросшую травой беговую дорожку из моего детства - на то место, где я планировал сделать карьеру и провести всю жизнь.

Но я не мог задерживаться надолго. Я знал, что как только Элли и животные прибудут на место встречи, русалке понадобится вода, кентавру - диализ и кислород, а Радару... короче, узнаю, когда там окажусь.

- Пошли, парень, - сказал я. - Давай отыщем тебе новый дом.

И мы направились к лесу.

Перевел с английского Андрей НОВИКОВ

разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2010 году.

ИЭН МАКЛАУД

ВСПЯТЬ ЧЕРЕЗ СТИКС

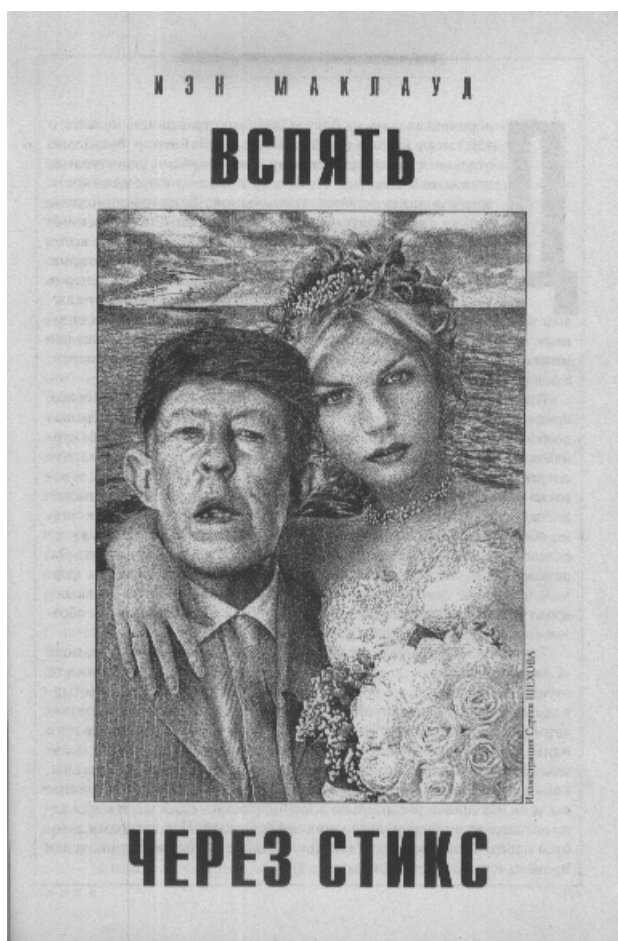

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Добро пожаловать на борт «Славного странника», на все его 450 тысяч ядерно-реакторных тонн. Лайнер - буквально отдельная страна с собственными силовыми структурами, законами и валютой. Но при всей высокотехнологичности жизнь в море остается старомодной. Есть традиционные стойки фаст-фуда, тематические рестораны, подсвеченные фонтаны, уличные артисты и даже парикмахерская, которую обслуживает очаровательный квартет импровизаторов. Есть натасканные армии поваров, уборщиков и инженеров технического обслуживания. Фейерверки устраивают каждый вечер на центральной палубе над «Казино счастливый триллионер», если, конечно, погода позволяет. Легко понять, почему те, кто может позволить себе здешние

тарифы, плавают в круизах до смерти, а потом еще долго после.

Прогуливаясь по палубам в форменной лилово-полосатой ветровке, приписанный к судну экскурсовод Фрэнк Оньонс никогда не обращал особого внимания на анонсы новостей, которыми пестрели обложки журналов, забытых на подлокотниках шезлонгов. И тем не менее знал, что смерть уже не та напасть, какой была раньше. Смерть, как оказалось, - ответ на многие проблемы старости. Когда ваше ослабшее сердце остановили, недужное тело выпотрошили, память сгрузили в виртуальность, а органы обновили, можете шаркать на титановых суставах еще пару-тройку десятилетий. А потом снова записаться на ту же процедуру. И еще раз. Да, разумеется, возникали придирки: мол, считать ли послеживущих формально теми же самыми людьми, какими они были когда-то. Но людям вроде Фрэнка, кто работает в индустрии, обслуживающей главным образом «тех, кому за сто», грех было бы жаловаться.

Трупаков на утренней экскурсии в руины Кносса на Крите, пока «Славный странник» дожидался на якоре возле того, что осталось от города Ираклиона, было больше обычного. По меньшей мере четырнадцать из сорока двух голов, которые он насчитал в экскурсионном автобусе, выглядели мертвыми. Удвойте число, если включить в него нянек. Самый простой способ отличить мертвого от живого - мельком глянуть на парики и накладки-тупеи. Нет, и живые стариканы, конечно, их любят, но мертвые все как один лысые (похоже, ученые так и не научились убедительно восстанавливать волосы), и когда дело доходит до причесок, вкус у них прескверный. Над креслами автобуса перед Фрэнком вырастали коки Элвиса, крашенные панковские ирокезы и высоченные шиньоны-ульки.

А еще мертвые питали пристрастие к огромным солнечным очкам. Они чурались света, как вампиры, которых, кстати, несколько напоминали, и предпочитали одежду свободного покроя из самых невероятных сочетаний натуральных тканей. Даже мужчины накладывали чересчур щедрый макияж, чтобы скрыть мучнистую кожу. Пока автобус полз к сегодняшней культурной цели, а Фрэнк тарабанил в микрофон обычную рутину о Тезее и Минотавре, его оведала смесь запахов подгнившей плоти, крема для лица и чего-то, похожего на формальдегид.

Сентябрьское солнце было не слишком жарким, пока Фрэнк, повыше подняв в правой руке значок «Славного странника», вел свою шаркающую ватагу от входа в комплекс к подъемникам и лентам транспортеров: вот фреска с изображением царя-жреца, вот тронный зал, вот первый в мире туалет со спуском. Кроме них, единственная туристическая группа была со «Счастливого менестреля», еще одного большого круизного судна, пришвартованного на старой американской военно-морской базе в заливе Соуда. Пока две вереницы тащились и

смешивались в бранных потугах первыми попасть в сувенирную лавку, Фрэнк невольно забеспокоился, не окажется ли с чужими пассажирами. Потом, когда наблюдал за ними - такими хрупкими, такими чертовски бессмысленными в своем желании потратить деньги, заработанные в прошлых жизнях, всеми этими бухгалтерами из Айдахо, юристами из Стокгольма или коммивояжерами из Вольверхэмптона, - он спросил себя, а какая, собственно, разница.

Без особых проблем он загнал тех, кто показался «своими», назад в автобус, который покатило к месту, которое в сегодняшней программке значилось как «Типичная критская рыбацкая деревушка». Все там выглядело достаточно убедительно, если не обращать внимания на бетонные бермы, сооруженные для защиты от поднимающегося моря, и местные рыбаки изображали местных рыбаков настолько достоверно, насколько способны их показать те, кто делает это изо дня в день.

После Фрэнк сел под оливой в забегаловке, которая была обозначена как «Таверна на пристани», достал из кармана электронную книгу и сделал вид, будто читает. Официант принес ему фаршированные оливки, сносный черный кофе без кофеина и тарелку теплой питы. Иногда трудно бывает жаловаться.

- Можно к вам присоединиться?

Фрэнк подавил желание нахмуриться и закрыл книжку. Когда же поднял глаза, его контрактная улыбка стала вдруг искренней.

- Конечно-конечно. Буду очень рад.

Она была в летнем платье на бретельках из ткани, которая поблескивала и переливалась от игры теней и света. И ее голые золотые плечи тоже. И ее золотые волосы.

- Фрэнк Оньонс.

- Да... - Взгляд ее глаз, тоже золотых, был удивительно глубоким. - Мы знаем... - Она отодвинула стул. Потом второй. И поманила.

Проклятье! Не одна. Впрочем, этого следовало ожидать: за вычетом экипажа единственными молодыми людьми на лайнерах вроде «Славного странника» были няньки. Трупак, пришаркавший к ним, был поистине жалким образчиком. Прическа у него оказалась серебристо-седая и в стиле Джеймса Дина, с прямым пробором, но сейчас съехала на ухо, и солнечные очки тоже. И высывавшийся от сосредоточенности между нелепо накрашенными губами язык напоминал кусок протухшей печени.

- Да, кстати: я Дотти Хастингс. А это Уоррен.

Когда богиня Дотти наклонилась поправить тупею и очки, мертвец промямлил что-то, что Фрэнк принял за «привет».

- Ну вот. - Она снова повернулась к Фрэнку: - Нам очень понравились ваши сегодняшние экскурсия и рассказ. Можно вас чем-нибудь угостить? Кувшинчик рестины? Рюмку узо?

Как ему ни хотелось согласиться на любое предложение Дотти, Фрэнк тряхнул головой.

- Я не пью... Вы не подумайте, у меня нет проблем с алкоголем, - против воли добавил он. - Мне просто нравится быть в форме.

- А, да. - Фрэнк почувствовал, буквально почувствовал, как взгляд Дотти прошелся по его телу. - Понимаю. Тренируетесь?

- Немного. Когда ты в экипаже, в свободное время делать почти нечего.

Она иронично и кривовато улыбнулась.

- Итак, насчет угощения. Может, еще кофе? Без кофеина, я верно угадала?

Сама Дотти, как он заметил, остановила свой выбор на маленькой узо, а существо по имени Уоррен ограничилось апельсиновым соком, значительное количество которого ей пришлось стирать потом с его морщинистой шеи.

Была в ее жестах странная и совсем недежурная нежность, которая показалась Фрэнку почти трогательной. Как ни мила Дотти, смотреть было тяжело.

- Вы сознаете, - спросила она, сминая бумажные салфетки, - что большинство историй, которые вы рассказывали нам про Кносс, - это чистой воды миф?

Фрэнк поперхнулся. Но Дотти улыбалась озорно, губы у нее насмешливо кривились. Потом знающая улыбка переросла в смешок, и он тоже невольно рассмеялся. В конце концов, столь многое из того, что они сейчас благоговейно осматривали - колонны, фрески, бычьи рога, - воздвигнуто Артуром Эвансом пару сотен лет назад в неразумной попытке воссоздать Кносс, каким, по его мнению, он должен быть. Но Эванс по большей части напутал. Он ошибся даже относительно истинного названия. Фрэнк обычно не трудился портить свои байки про мифы и Минотавра чем-либо, похожим на правду, но, пока Уоррен пускал слюни и они с Дотти болтали, вернулись смутные воспоминания об энтузиазме, который когда-то понукал его изучать древности.

Дотти... она не просто невозможно красива. Она невозможно умна. Она даже знала про Вундерлиха, чью теорию - дескать, весь Кносс был на самом деле гигантской усыпальницей - Фрэнк особенно любил. К тому времени, когда пришла пора возвращаться в автобус и ехать осматривать знаменитую статую гологрудой женщины со змеями (современная подделка), Фрэнк уже был почти влюблен. Или, по меньшей мере, серьезно увлечен. Было в Дотти что-то необычное. Особенно в ее золотом взгляде. В нем и игривая тьма, и безмятежная невинность, которые он просто не мог разгадать. Словно смотришь в глубокую прохладную реку, со дна которой поблескивают две золотые монеты.

Дотти не просто умна и красива. Она неповторима.

- Ну... - Он встал, голова у него кружилась почти так же, как если бы он накачался узо. - Те сокровища сами на себя не посмотрят.

- Нет, конечно. - Поэма золотой плоти и переменчивого платья, она тоже поднялась. Потом наклонилась помочь существу Уоррену, и при всем отвращении к тому, что она делала, Фрэнк невольно восхитился тем, как под тканью качается ее грудь. - Я правда рада нашей прогулке...

После некоторых усилий Уоррен уже стоял - во всяком случае, опираясь на Дотти. Губа у него оттопырилась. Тупея снова съехала набекрень, и открывшаяся кожа напоминала серый, полуспущенный воздушный шар.

- Мы оба рады. - Дотти опять улыбнулась милой кривоватой улыбкой. - Я и мой муж Уоррен.

Няньки всегда казались странноватыми, да и не составляли большинства любовных побед Фрэнка на борту. Но Дотти была иной. Дотти была уникальной. Дотти была живой в том смысле, в каком никогда не были бедолаги, которым просто платили за то, что они делали. Но брак? Верно, иногда встречались пары, которые вместе пересекали так называемый «барьер тяжелой утраты». Были еще и охотницы за богатством: пневматические блондинки (почему они всегда блондинки?), улыбавшиеся не слишком загадочно, когда катили своих ископаемых в позолоченных инвалидных колясках. Но сегодня нефтяные миллиардеры просто принимали неизбежное, умирали и давали себя возродить. А после жили как прежде. В том-то и суть.

Фрэнк Оньонс лежал той ночью у себя в каюте (у членов экипажа она, скорее, напоминала трубу аппарата в солярии) со свербящим ощущением, что оказался не к месту. Во что, собственно, он превратил свою жизнь: обретается в трюме, глубоко ниже ватерлинии «Славного странника», и в этом единственном месте, которое можно назвать своим, он едва способен пошевелиться? Среди парков и торговых центров легко забыть, что ты в море, но тут, внизу, в этом не оставалось сомнений. Удушливые запахи масла и трюмной воды тягались с вездесущими человеческими миазмами испортившейся еды, старых носков и блевотины. Правда ведь забавно (хотя чему тут смеяться), как весь прогресс технологии свелся к конструкции-улью, в которой запираешься, как куколка, готовая вылупиться. Неудивительно, что все время он убивал в гимнастическом зале для экипажа, загоняя свое тело до подобия усталости, а то небольшое, что оставалось, тратил на охоту за очередным бездумным сексом. Понятно, что ни одна из многочисленных достопримечательностей корабля ни в коей мере его не привлекала. Неудивительно, что он не мог заснуть.

Думать он мог только о Дотти. Дотти встала. Дотти сидит. Дотти

улыбается своей кривоватой улыбкой. Покачивание груди под призматической тканью. Потом Фрэнку подумалось (хотя он отчаянно этого не хотел), что может делать Дотти в данный момент со своим мужем-зомби. Обычный секс между ними представлялся не слишком вероятным, но уход за престарелым и перемещение иссохших конечностей из лифта и в лифт были лишь верхушкой айсберга обязанностей, которые потребны от няньки. Проблема с жизнью после смерти заключалась в том, что кровь, ткани и нервные клетки, даже недавно клонированные, были подвержены разложению, а потому нуждались в постоянном обновлении и замене. Отрабатывая свои оклады, няньки отдавали не просто несколько лет своей жизни. Накаченные иммунодепрессантами, они должны были регулярно поставлять хозяевам жидкости и ткани своего тела. Многие даже отращивали зобовидные поросли новых органов на замену. Фрэнк елозил на койке. Фрэнк вертелся с боку на бок. Фрэнк видел пульсирующие трубки (наполовину резина, наполовину плоть), которые тянулись из невообразимых отверстий. Потом он ощутил движение воды под гигантским днищем «Славного странника», тяжело бороздившего Средиземное море. И увидел, как Дотти встает в сияющей наготе из волн - подобно новой морской богине.

Пока «Славный странник» шел зигзагом по Эгейскому морю от средневековой цитадели Родоса до святого острова Патмоса, Фрэнк Оньонс то и дело видел Дотти Хастингс... даже там, где ее не было. Блеск ее волос среди побрякушек в переулочках Скироса. Мелькание загорелых ног на золотых дюнах Эвбеи. Он чувствовал себя, как кот в гоне, как ангел на наркоте. Он чувствовал себя так, словно оказался в древних временах, которых никогда не существовало.

Узнать про Уоррена Хастингса оказалось нетрудно, когда Фрэнк перелопатил базу данных «Славного странника». Первое свое состояние он сделал на петельках, которые когда-то крепились по верху занавесок для душа. Второе пришло от копирайта на часть цепочки ДНК какого-то промышленного биохимиката. Уоррен Хастингс очень и очень богат. Такие деньги зарабатывают, не управляя виртуальной поп-группой или изобретая лекарство от меланхолии, а делая нечто столь ординарное, что никто даже не знает, да и знать не хочет, что это. Во что бы ни обходились ему лучшие «Ультра-люкс красные императорские апартаменты», им с Дотти по праву следовало бы бороздить океаны на собственном лайнере, жить на частном острове или парить в собственном отсеке космического корабля.

Возможно, им нравилось общество простых смертных. А может, они просто любили трущобы.

Чем больше Фрэнк размышлял, тем больше накапливалось вопросов. И самым главным из них оставалась сама Дотти. Он испытал шок (а

ведь он десятки раз видел, как они с Уорреном проявляют все признаки нежности), обнаружив, что она вышла за него десять лет назад (тогда он еще даже не умер!) в ходе маленькой частной церемонии на Новом Бали. Вот она стоит в девственно белом под аркой из цветов, а рядом - Уоррен, который выглядит гораздо лучше, чем сейчас. Относительно того, когда именно он решил умереть, сведения становились путанными и противоречивыми, но он, наверное, начал приходить в упадок задолго до их встречи, а Дотти тем временем, прекрасная и улыбающаяся, возникла в разделах светской хроники рангом повыше (что уж никак не назовешь жизнью Уоррена). Здесь чувствовалась какая-то загадка.

В кои-то веки Фрэнк обрадовался пункту в своем контракте, который требовал проводить определенное число часов в обществе пассажиров. Он обретался в коктейльный час в баре «Вайкики» и разыгрывал интерес к самым разным занятиям пассажиров, до которых ему не было ни малейшего дела, пока не разобрался, какие светские мероприятия посещают Хастингсы, а после и сам на них зачастил.

На пути к острову Хиос с его византийским монастырем и прекрасными мозаиками осенние волны становились беспокойнее, а Фрэнк втерся туда, что можно было бы, вероятно, назвать окружением Хастингсов. Сидя под моросью их разговоров, пока Уоррен в инсектоидных очках на сломанной переносице под Майкла Джексона обожающе смотрел на Дотти, Фрэнк мог лишь вновь и вновь удивляться ее красоте и недоумевать: как, скажите на милость, она согласилась стать тем, чем являлась теперь. По опыту Фрэнк знал, что большинство няnek мало чем отличалось от тех зомби, уход за которыми им оплачивали. Они на время практически прекращали собственную жизнь. Они ненавидели все, что было связано с их нынешним положением. Даже на пике оргазма он всегда чувствовал, что их тела словно бы принадлежали кому-то другому.

Но Дотти, кажется, не питает ненависти к такой жизни, решил Фрэнк, в который раз наблюдая, как она с обычной своей нежностью стирает слюну с подбородка мужа, а Уоррен с равной нежностью воркует в ответ. Ему даже пришла в голову мысль, что они прекрасная пара. Но он до конца в это не верил. Что-то странное чувствовалось в Дотти, когда она поворачивалась посмотреть в панорамное окно на голубой простор Средиземноморья, предлагая созерцать свой прекрасный и гордый профиль. Что-то сродни отчаянию. Если бы ее золотые глаза не смотрели так твердо, он подумал бы, что она готова разрыдаться.

Наконец ему представился шанс после дневной экскурсии на крошечный островок Делос. Хастингсы решили посетить эту экскурсию, хотя, пока Фрэнк тарабанил привычное про делосцев и их фаллические

памятники, держались в задних рядах, словно Дотти старалась его избегать. Суматоха с Уорреном приключилась, когда прибыл катер, чтобы отвезти группу назад на «Славный странник». Семейная размолвка, понадеялся Фрэнк, но оказалось, что произошел какой-то сбой, потребовавший немедленных мер, едва они вернулись на борт.

Когда вечером Дотти наконец пришла в бар «Вайкики», на этот раз одна, на ней был все тот же белый топ, что и днем, но теперь его пачкало небольшое пятнышко на левой груди. Ее волосы уже не казались обычным чудом витого золота, и левый уголок рта оттягивала вниз складочка. Вид у нее был усталый и озабоченный. Впрочем, остальные - все эти мертвые агенты по недвижимости и консультанты по программному обеспечению - едва заметили, когда она села. Они даже не потрудились спросить, оправился ли Уоррен. К сбою органов мертвые относились приблизительно так же, как водители былых времен к спущенной шине: досадное происшествие, но нечего волноваться, пока у тебя есть запаска. Бессвязный разговор о годовых ставках продолжался без перерыва. Напряженные линии вокруг глаз Дотти залегли глубже, она сплетала и расплетала на коленях пальцы. Наконец она встала и пробралась через коралловую поросль ногспичек на палубе.

Фрэнк пошел за ней. Была темная тихая ночь, и звезды словно бы парили вокруг Дотти светлячками.

- С Уорреном все в порядке?

- Я за ним ухаживаю. Конечно, с ним все в порядке.

- А как же ты?

- Я? Со мной все нормально. Это ведь не я...

- Я не то имел в виду, Дотти. Я хотел сказать...

- Я знаю, что ты хотел сказать. - Она пожала плечами, вздохнула. - Когда люди видят нас вдвоем, когда замечают, как предан мне Уоррен...

- То недоумевают?

- Наверное, да, - Она снова пожала плечами. - Я просто была девушкой, которая хотела лучшей жизни. У меня хорошо получалось в спорте. Я отличная пловчиха и мечтала, как поеду на Олимпиаду и завоюю медаль. Но к тому времени, когда выросла, олимпийцы уже не использовали собственные конечности, и в венах у них уже не было ничего, похожего на нормальную человеческую кровь. Поэтому со временем я обнаружила, что лучший способ найти постоянную работу - устроиться на подобный корабль. Я прыгала с трамплина. Я следила за бассейнами в спасжилете. Я учила мертвых и живых плавать - во всяком случае, барахтаться и не тонуть. Сам знаешь, каково это, Фрэнк. Не такая ужасная жизнь, пока можешь мириться с крошечными койками-трубами и бесчисленными коктейлями под бумажными зонтиками.

- На каких кораблях ты плавала?

- Ну... - Она смотрела на убегающую воду. - По большей части я работала на «Умелой Мэри».

- Это не тот, где половину экипажа убило, когда загорелся реактор?

- Его побратим. А однажды появился Уоррен. Тогда он выглядел гораздо лучше. Нам постоянно твердят, что технологии вот-вот сделают следующий шаг, но смерть была не слишком добра к нему.

- Ты хочешь сказать, что находила его привлекательным в ту пору?

- Нет, не совсем. Я, скорее... - Она замолчала. Небольшое устройство у нее на запястье запищало. - Мне надо идти к нему. Ты бывал в каюте вроде нашей, Фрэнк? Хочешь пойти со мной?

- Ух ты!

Золото. Стекло. Бархат. Все либо ослепительно твердое, так что боишься порезаться, либо такое мягкое, что проваливаешься. Фрэнк все это видел раньше, но сейчас не время говорить об этом. Выбивался из стилия только большой белый аппарат, тяжело расположившийся и гудевший подле заваленной подушками и подушечками кровати.

- Мне надо только проверить...

Выглядело так, словно Дотти изучает содержимое гигантского холодильника, когда она открыла одну из хромированно-эмалевых дверец и наклонилась внутрь. Пахло изнутри остро - холодком тухнувшего мяса. Оттуда даже хлынул тот же безликий аквариумный свет, а еще Фрэнк мельком увидел что-то вроде судков с говядиной и цветных пакетов сока, хотя самым большим предметом на полках был сам Уоррен. Голый, он лежал, раскинувшись так, что Фрэнку хорошо были видны худые серые ступни, безволосые, в голубоватых венах ноги, живот в щербинах и шрамах, гениталии, как скукожившийся по зиме плод. Он выглядел не столько мертвым, сколько высосанным досуха. Но гораздо больше пугало пустое место на полке рядом с ним, явно сконструированное под еще одно тело.

- Порядок, - с той же усталой нежностью прошептала Дотти.

Она коснулась одной штуковины, другой - судя по виду, это были трубки капельниц. Что-то вспыхивало, что-то пикало. Потом раздался плюх, и хотя Фрэнк не смог бы определить, что именно его издало, но невольно отвел взгляд. Он услышал, как дверца захлопнулась.

- К утру будет как новенький.

- Ты ведь не ложишься к нему туда?

- Я его жена.

- Но... Господи, Дотти. Ты красавица!

Теперь или никогда. Он сделал шаг к ней.

- Ты не можешь так растрачивать свою жизнь...

На мгновение показалось, что эта чересчур прямолинейная уловка

действительно сработает. Дотти не отступила, и взгляд ее золотых глаз был далеко не враждебным. Потом, когда он потянулся к ее щеке, она слабо взвизгнула и скорчилась на длинноворсовом ковре, потирая место, которого его пальцы даже не коснулись. Ее словно бы ужалила пчела.

- Прости, Дотти. Я не хотел...

- Нет, нет. Дело не в тебе, Фрэнк. Во мне. Ты мне нравишься. Я хочу тебя. Ты мне больше чем нравишься. Но... Ты слышал про импринтинг?

- Мы все...

- Я имею в виду буквально. Импринтинг,- это то, что происходит в мозгу цыпленка, когда, едва вылупившись, он впервые видит свою мать. Это инстинкт, это встроено, это известно уже столетия. То же самое в какой-то степени имеет место и у более развитых видов. Так можно заставить утенка следовать за первым объектом, который он увидит в жизни, пусть даже это будут галоши.

Фрэнк кивнул. Ему казалось, он знает, о чем она говорит, хотя понятия не имел, к чему это сейчас.

- У людей есть подобный инстинкт, хотя и не столь сильный. Во всяком случае, если его ничем не подкреплять.

- Что ты такое говоришь? Человека можно подвергнуть импринтингу и привязать к другому существу? Это незаконно!

- Кому в наши дни есть дело, что законно, а что нет? На планете или над ней всегда были места, где каждый волен делать, что пожелает, а Уоррен, когда я с ним познакомилась, уже знал, что умирает. И он казался очаровательным. И он был невероятно богатым. Он сказал, что может предложить мне такую жизнь, которой иначе мне ни за что не получить, сколь бы упорно я ни работала. И был прав. Все это, - она обвела рукой апартаменты, - ничто, Фрэнк. Это обыденно. Этот корабль - тюрьма с тематическими ресторанами и виртуальным полем для гольфа. Я осознала, что с Уорреном мне представится шанс вырваться из паутины. Тогда сделка, на которую я пошла, не казалась такой уж тяжелой...

- Ты хочешь сказать, что позволила подвергнуть себя импринтингу?

Она кивнула. Теперь в ее глазах и вправду стояли слезы.

- Он заказал одно маленькое устройство. Можно сказать, своего рода свадебный подарок. Оно напоминало серебристое насекомое. Довольно красивое. Он посадил его мне на шею, и оно заползло, - она коснулась уха, - туда. Было немного больно, но не слишком. И он велел мне смотреть на него, пока оно прокапывалось к нужному сектору моего мозга. - Она пожала плечами. - Все оказалось просто.

- Господи, Дотти...

И снова, на сей раз более импульсивно, он шагнул к ней. И снова она отпрянула.

- Нет. Не могу! - зарыдала она. - Разве ты не видишь? Вот это и означает импринтинг. - Пятно у нее на груди поднималось и опускалось. - Мне так бы хотелось бежать с тобой, Фрэнк. Но я в ловушке. Тогда это казалось незначительной ценой. Верно, что я побывала в самых невероятных местах, испытала самые поразительные ощущения. Но жить на круизном лайнере, смотреть на развалины древнего мира потому, что мы не в силах смотреть на то, во что превратили свой... Это бессмысленно, пусто. Есть и иная жизнь, Фрэнк! Высоко в горах, или в небе, или глубоко на дне океанов. Во всяком случае, для тех немногих, кто может себе это позволить. А Уоррен мог. Мы могли. Это как проклятие в сказке. Я как тот царь, который хотел себе мир из золота, а после обнаружил: он убивает все, что ему дорого. Мне бы хотелось быть с тобой, Фрэнк, но Уоррен и дальше будет жить таким, какой он сейчас, и, пока он жив, я не могу отдаться никому другому, не могу даже позволить, чтобы кто-то прикоснулся ко мне. Жаль, но выхода нет. Жаль, что я не могу переписать случившееся, но я связана навсегда. - Ее рука потянулась к нему. Даже в слезах она казалась невероятно прекрасной. Потом все ее тело словно бы окоченело. Будто стеклянная стена встала между ними. - Иногда я жалею, что мы не умерли.

- Ты не должна так говорить, Дотти. То, что есть у нас с тобой... То, что мы могли бы иметь... Мы ведь только...

- Нет. Я не хотела сказать, что желаю смерти тебе, Фрэнк. Или даже себе. Я имела в виду нынешнее положение вещей... - она подняла на него золотые глаза и моргнула медленнее, - и Уоррена.

Осеннее море становилось беспокойнее, и «Славный странник» рассекал все более высокие волны. Фрэнк ловил себя на том, что читает лекции о греческой концепции переселения душ и о том, как мертвым отводилось одно из трех царств: Елисейские поля - для благословенных; Тартар - для проклятых; и Асфоделевые луга - земля скуки и забвения - для остальных. Чтобы попасть в эти области Аида, надо было сперва пересечь реку Стикс и заплатить перевозчику Харону золотую монетку, или обол, которую горюющие родственники клали на язык умершему. Итак, чтобы обрести желаемое, завершал Фрэнк, глядя на маски папье-маше, в которые превратились некогда человеческие лица, плящущие на него с кресел в лекционном зале «Старбакс», нужно быть готовым платить.

Яд? Идея была не лишена привлекательности, а на борту имелось множество токсичных веществ, которые Фрэнк, вероятно, сумел бы заполучить, но ни он, ни Дотти не разбирались в биохимии, и не было гарантии, что Уоррена все равно не смогут оживить. Тогда несчастный случай? Особенно в эти шторма. Что может быть проще, чем отключить магнит на двери в какой-нибудь переборке, когда Уоррен

будет, шатаясь, проходить мимо? Но рассчитать время будет трудно, и все равно есть вероятность, что Уоррен до некоторой степени оправится - и с чем они тогда окажутся?

Варианты, какие перебирали Фрэнк и Дотти, встречаясь на мокрой палубе в следующие несколько дней, казались бесконечными и сбивали с толку. Даже если один из них сработает, оставалось множество проблем. Был шанс вместе покинуть корабль, когда «Славный странник» станет на якорь у берегов бывшей Святой Земли ради экскурсии в радиационных скафандрах, но Дотти полагалось играть роль горющей вдовы, и если Фрэнк оставит свой пост, а потом их увидят вместе, возникнут подозрения. Сколько бы стран и юрисдикции они ни поменяли, все равно они будут уязвимы для судебного преследования или шантажа. Но Фрэнк научился уважать быстрый ум Дотти.

- А если создать видимость, что умер ты, Фрэнк? - то ли кричала, то ли шептала она в шквальный ветер, пока оба цеплялись за перила. - Ты мог бы... не знаю... мог бы сделать вид, что покончил с собой... разыграть самоубийство. Потом... - она смотрела на игру волн золотыми глазами, - вместо тебя мы избавились бы от Уоррена.

Идея была прекрасна и совершенна, как сама Дотти, и Фрэнку захотелось прямо тут, на скользкой палубе поцеловать ее, и обнять, и сделать бесчисленное множество вещей, которые они обещали друг другу. Нетрудно будет на несколько месяцев замаскироваться под Уоррена, спрятаться под париком или тупеей, солнечными очками и наслоениями макияжа. Пройдет немного времени, и можно сделать вид, что он пошел на поправку: в конце концов, технология постоянно совершенствуется. Или еще проще: можно сказать, что он опять умер, и его опять оживили, только полнее и лучше. Потребуется лишь немного терпения, совсем небольшая цена, если помнить про ожидающую их награду: Дотти освободится от своего проклятия, они с Фрэнком будут богаты.

Гибель в морской пучине казалась самым очевидным вариантом. Они уже несколько раз прокручивали эту идею, и теперь она представлялась совершенно логичной. Бросить Уоррена за борт, и он камнем пойдет на дно, учитывая, сколько металла в его протезах. А если сделать это поближе к корме, бросить в бурно кипящую фосфоресцирующую пену от восемнадцати азимутных винтов «Славного странника», то его порвет на корм рыбам. Разумеется, взвоят сирены, и одна из камер на корпусе, вероятно, зафиксирует падение, но даже самой изощренной технологии не под силу разобрать, что, собственно, происходит в восьмибалльный шторм. Особенно, если они дождутся темноты, а на Уоррене будет радиолокационная табличка, обязательная для всех членов экипажа, и форменная ветровка в лиловую полосу.

На следующий день набирал силу шторм из тех, что разметал флот Одиссея. Рестораны, коридоры и бары «Славного странника» вскоре опустели, пассажиры разошлись по апартаментам и каютам. Парикмахерская закрылась рано. Бассейны затянули тентами. Орнаментальное озерцо во франшизе «Парка наслаждений» спустили. Корабль наводнили скрежеты и скрипы, странные отдаленные уханья, стуки и вездесущие миазмы блевотины.

Направляясь по кренящимся коридорам к условленному месту встречи, Фрэнк почему-то вспомнил свою последнюю лекцию, как Орфей пытался спасти свою покойную жену Эвридику из подземного мира. При виде белых лиц зомби не требовалось ни малейших усилий отказаться от привычной дежурной улыбки и предстать угрюмым и подавленным. То же самое относилось к его последним разговорам с коллегами. Факт в том, сообразил он, что так он держался с ними годами. Все, даже ярость шторма, несло в себе ощущение неизбежности. Внизу, в своей спальной трубе Фрэнк даже обнаружил, что составить прощальную записку гораздо проще, чем он ожидал. С удивительной страстью он сумел высказаться о пустоте своей жизни: бесконечной монотонности лекций, экскурсий, стоянок и погрузок, долгих тренировок в гимнастическом зале и ритуальных соблазнений с преодолением деланого сопротивления, неизбежными соитиями и еще более неизбежными, следующими затем расставаниями с их напускным сожалением. В каком же аду он жил до встречи с Дотти? Если посмотреть бесстрастно, перспектива собственной надвигающейся смерти казалась во всех отношениях логичной.

Он прибыл на пересечение коридоров между галереей «чемпионов в боулинге» и самой маленькой из пяти франшиз бургеров всего на две минуты раньше срока и с облегчением увидел, что кругом пусто, никто за ним не наблюдает. Дотти была пунктуальна, как всегда, и почему-то выглядела еще прекраснее, даже несмотря на то что была одета в серый дождевик и почти волокна по кренящемуся коридору полумертвого мужа. Уоррен был в обычной своей фуфайке из чесаного бархата, мятых нейлоновых штанах и кроссовках на липучках, хотя солнечные очки и тупея были напялены кое-как.

- Привет, Фрэнк, - сказала Дотти, хватаясь за ручку в стене и удерживая Уоррена сзади за скомканный воротник. - Знаю, ночь ужасная, но я убедил Уоррена, что мы почувствуем себя чуть свежее, если прогуляемся.

Фрэнк кивнул. Во рту у него пересохло.

- Поможешь мне с ним? - добавила она, толкая Уоррена в удивленные объятия Фрэнка.

- Пошли, дружище, - услышал собственное бормотание Фрэнк, когда прислонил иссохшее создание к переборке. - Давай-ка снимем вот это.

Он быстро снял с Уоррена фуфайку, которая скользнула, - ношенная, теплая и чуть сальная - меж его пальцев, впрочем, еще больше на нервы подействовало прикосновение к коже Уоррена и его вид без одежды. Тот что-то пробормотал и оглянулся на Дотти с обычной своей щенячьей тоской, но не сделал никакой попытки сопротивляться.

- Может, и это тоже.

Накладка казалась еще более теплой и сальной.

- И это...

Последовали очки, отцепленные с того, что сходило за уши и нос. Каждое свое движение Фрэнку приходилось соизмерять с качкой. Но, господи, в каком же жалком состоянии бедолага.

- Теперь мы как будто замерзли, мистер Хастингс...

Фрэнк скинул ветровку.

- Почему бы нам не надеть вот это?

Еще несколько маневров, и Уоррен был облачен в форменную ветровку Фрэнка. Фрэнк едва не забыл про радиолокационные таблички, и Дотти напомнила о них быстрым шепотом. Однако и теперь, в новом облачении, Уоррен более всего напоминал чрезвычайно лысое и анемичное пугало, и Фрэнк усомнился, как вообще такая подмена способна хотя бы кого-то убедить, но тут распахнулся утяжеленный люк, и в лицо ему ударил шквальный ветер.

Палуба была залита водой. Соленая взвесь висела в воздухе. Дотти осталась за люком. Правду сказать, просто чудо, что она сумела столько сделать, чтобы помочь, учитывая, какую роль навязал ей этот иссохший трупак. Сейчас ей оставалось только не потерять фуфайку, тупею и очки. Небо раскололось серым и пурпуром. Оступаясь и оскальзываясь, Фрэнк сманеврировал Уоррена Хастингса к корме «Славного странника», чувствуя себя Одиссеем, отплывающим от острова Цирцеи, или Ясоном с его аргонавтами в поисках Золотого руна. Вскоре он достигнет тех теплых благословенных берегов, которые обещала ему Дотти.

Несколько рывков, и он уже карабкался на последние перила и едва-едва удерживал Уоррена, хотя оба они одинаково промокли, и трудно было отличить небо от моря. Потом он почувствовал, как стальная громада кормы «Славного странника» вздымается и напрягается, его винты выходят из воды, и одно долгое мгновение казалось, что весь корабль так и будет висеть над волнами, пока океан не потянет его вниз. Фрэнк оскользнулся и едва не упал, когда, схватив Уоррена за руки, постарался перевалить его через перила.

- Перестань извиваться, сволочь! - заорал в ветер Фрэнк, хотя Уоррен едва шевелился.

Когда корабль накренился и скользнул вниз, он попытался снова его поднять и на сей раз сумел ухватиться получше. Пока они с Уорреном покачивались, как два танцора над опускающейся кормой, Фрэнк

подумал, что оказаться вот так близко от мертвеца ему совсем не улыбается, но, невзирая на мокрую серую кожу, впалые щеки и птичью грудь, было в Уоррене Хастингсе нечто не вполне мертвое. Возможно, что-то в глазах, теперь лишенных выпуклых солнечных очков, или в складке губ, когда с них стаяла помада. Трупак, вероятно, понял, что происходит, и все равно не выказывал ни сопротивления, ни страха. Вообще, подумалось Фрэнку, который наконец сумел завести одну руку в мокрую и пустую подмышку Уоррена, а другую - под еще более пустой пах и сделать последний быстрый рывок, перебросивший тело через перила, - в прощальном его взгляде читалось что-то сродни облегчению и, возможно, почему-то жалости.

- Получилось? Ты в порядке?

Дотти уже сумела выбраться на палубу. Проклятие импринтинга было снято, и ее руки легли ему на шею. Бурно и влажно они поцеловались.

- Я люблю тебя, Фрэнк, - сказала она, и руки у нее были сильные, а прожектора и сирены корабля рыскали что есть мочи, когда она потянула его за шлюпку с подветренной стороны и вынула из кармана дождевика что-то серебристое, что заелозило и развернулось живой драгоценностью.

- Я люблю тебя.

Она это повторила и поцеловала его еще более страстно, когда он почувствовал, как что-то острое ползет по его шее.

- Я люблю тебя.

Она обняла его крепче, чем когда-либо, когда боль вспыхнула у него во внутреннем ухе.

- Я люблю тебя.

Она говорила это снова, и снова, и снова, и снова.

Где он не побывал? Чего он не видел? Он смотрел вниз на землю такую маленькую, что мог накрыть ее большим пальцем, он взлетал к вершине горы Эверест. Если у этих чудес была цена, Фрэнк Оньонс платил ее с радостью. Но самым восхитительным, тем, что затмевало все восходы луны и закаты солнца, было его неизменное счастье от общества Дотти. Деньги, даже невероятные вещи, которые за них можно купить: стеклянные террасы, подводные сады, отреставрированные бирманские дворцы - они только река, монетка, обол. Быть с ней, делить с ней плоть и кровь - ощущение, перед которым бледнеют даже высоты сексуального экстаза.

Один день сменяет другой. Живые умирают, а мертвые живут, но любовь Фрэнка к Дотти неизменна. Раз или два он - как взирают благоговейно на следы голых ног, оставленные на древнем полу, - оглядывался на путь, который их свел. Теперь он знает, что настоящий Уоррен Хастингс женился на своей прекрасной шестой жене всего за несколько месяцев до смерти или до исчезновения при

обстоятельствах, которые в иные времена и в иных культурах могли бы счесть загадочными. С тех пор Дотти остается все так же поразительно, безвозрастно красива. И у нее всегда есть спутник, которого она любит величать своим мужем. Иногда, когда обстоятельства позволяют, она даже называет его Уорреном. Фрэнку незачем спрашивать Дотти, почему она выбрала смерть превыше жизни. Он и так прекрасно понимает. В конце концов, зачем кому-то, у кого есть деньги и выбор, ждать наступления старости и немощи? И на какие бы жертвы он ни пошел, чего бы ни потребовал, чтобы гарантировать, что останется красивым навечно?

Дотти - мир Фрэнка, его магнит. Он живет с ней и внутри нее и с радостью пожертвовал бы любым органом, конечностью или жидкостью тела. Что до него самого, он знает, что уже не тот ухоженный самец, которого она когда-то очаровала. Только на прошлой неделе на стеклянных равнинах под Парижем он отдал ей солидную порцию костного мозга и третью отращенную почку. Последствия этого и прочих донорств, вкупе с иммунодепрессантами, которые он должен постоянно принимать, - худоба, слабость, головокружения. Волосы у него давно выпали, и приходится носить солнечные очки, чтобы защитить подслеповатые глаза. Он горбится, шаркает и передвигается бочком. Он понимает, что уже начинает походить на существо, которое выбросил за борт на корме «Славного странника», и что чудеса жизни не могут длиться вечно.

В кругах, где они вращаются, крайне далеких от туристических племен кротко почивших менеджеров средней руки со «Славного странника», отношения Фрэнка и Дотти вполне обычное дело. Как сказала она однажды (словно бы в иной жизни): кому сегодня есть дело, что законно, а что нет? Иногда, когда их спутники-остовы изношены совсем и вот-вот откажут, Дотти и ее друзья отправляются пожить несколько недель жизнью простых смертных и насладиться радостями охоты на свежую, на все готовую запаску. Они называют это «вспять через Стикс». Импринтинг - новый вид симбиоза, который кажется Фрэнку почти совершенными отношениями. Только когда боль и слабость во все истончающихся костях берут над ним верх, и он смотрит на золотые создания вокруг, тогда он спрашивает себя: ну и кто же сейчас по-настоящему мертв, а кто жив?

Перевела с английского Анна КОМАРИНЕЦ

© Ian R. MacLeod. Recrossing the Styx. 2010. Публикуется с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

Николай КАЛИНИЧЕНКО

ПРИВЫЧКА К ВЕЧНОСТИ

Вы отчаянно пытаетесь продлить молодость? Исчерпали весь запас стандартных средств - от пластической хирургии до припарок из отвара чудодейственных китайских трав? Тогда у вас не остается иных вариантов, кроме как погрузиться в чтение этой статьи - с карандашом и блокнотом в руках. Автор собрал и систематизировал большую коллекцию рецептов борьбы со старостью. Они, конечно, не столь традиционны, но как знать: может быть, наука двинется по одному из этих путей...

Нет, весь я не умру...^{*27}

Мысли о смерти неизбежны и преследуют нас на протяжении всей жизни. Неотвратимость этого События в значительной степени создала нашу цивилизацию. Но рука об руку со смертью идет старость, Печальная осень тела, пора болезней, физической немощи и утраченных надежд. Для многих именно старость, а не смерть - наиболее страшный враг. Но по сравнению с окончательным небытием старение организма - процесс постигаемый, а значит, предотвратимый.

Маркиза де Помпадур, например, рекомендовала утренние обливания ледяной водой. Поп-дива Мадонна предпочитает диету из овощей и водорослей, а печально известная графиня Батори считала, что нет более действенного средства сохранить свежесть, чем ванны из крови юных селянок. Ни один из рецептов результатов не дал. Никто не мешает нам восхищаться устойчивостью того или иного индивидуума к воздействию быстротечного времени, но стоит сравнить две фотографии, отстоящие друг от друга лет на десять-пятнадцать, и все иллюзии рассеиваются.

Значительных успехов на пути к вечности достигают пока только герои фантастических произведений, о которых и пойдет речь. Научных фантастов, в отличие от Александра Сергеевича Пушкина, интересовало вовсе не духовное бессмертие, а вполне материальное продление жизни.

* * *

²⁷ * А.С.Пушкин. «Памятник». Остальные эпиграфы взяты из поэмы А.С.Пушкина «Руслан и Людмила».

*... тогда водой живую
Героя старец окропил...
И бодрый, полный новых сил,
Трепеща жизнью молодую,
Встает Руслан...*

Омоложение посредством применения разнообразных декоктов, эликсиров и чудодейственных мазей выглядит наименее наукообразным. Однако многие авторы неоднократно обращались к этому способу, исходя из научного предположения, что старость - не свойство организма, а заболевание, вызванное воздействием внешних факторов. Стало быть, можно создать лекарство, способное бороться с этим недугом, вроде пилюль от кашля или таблеток от головной боли. Разумеется, чаще всего писателей интересовала не сама возможность продления жизни, а социальные и философские последствия обретения человеком бонусных лет.

В литературной фантастике раннего периода одним из первых открыл эту тему Натаниэль Готорн в рассказе «Опыт доктора Хэйдеггера» (1832), повествуя о старом ученом, который изобрел эликсир вечной молодости. Отведав снадобье, пожилые друзья ученого получают второй шанс и отлично проводят время, пускаясь во все тяжкие. В результате главный герой приходит к выводу, что вечная молодость - лишь путь повторения уже совершенных ошибок.

К личным качествам персонажей перед лицом возможного бессмертия обращена знаменитая пьеса Карела Чапека «Средство Макрополуса» (1922), в которой, однако, приводится подобие научного обоснования. Эликсир вечной молодости представляется не чем иным, как специфическим ингибитором, препятствующим самоинтоксикации человеческого организма. Что ж, от отца робота меньшего ожидать не приходится. Выводы героев комедии в финале сходны с мнением доктора Хайдеггера: от бессмертия стоит отказаться, потому что оно отбирает больше, чем дает.

Карелу Чапеку вторит американец Джеймс Ган с романом «Бессмертные» (1962). Свой эликсир вечной молодости писатель скрывает в крови особой расы людей, тем самым усиливая социально-этический эффект произведения.

Еще один текст-предостережение о тщете стремления к бессмертию написал Говард Лавкрафт. В рассказе «Холодный воздух» (1928) он повествует историю доктора Муньоса - ученого, бросившего вызов смерти и потерпевшего чудовищное (у Лавкрафта иначе и быть не может) поражение. Способ, при помощи которого неудачливый доктор продлевал свое существование, связан с серией нетрадиционных методик и препаратов, усиливающих нервную активность мозга.

В двадцатые годы даже некоторые ученые допускали возможность поддержания жизни в фактически мертвом теле одной лишь силой воли. Говард Лавкрафт - материалист до мозга костей - не мог пройти мимо этой гипотезы. Используя свой фирменный, леденящий душу стиль, он живописует основную проблему негиббемых борцов с Костлявой - разложение тканей.

Братья Стругацкие в рассказе «Пять ложек эликсира» и вовсе открыто порицают тех, кто стремится к вечной молодости, характеризуя их как ничтожных и недостойных людей. Заветный источник в данном случае всего лишь символ искушения, которому поддаются слабые духом.

Зато в рассказе Кира Булычёва «Марсианское зелье» (1971) главный герой, бывший казак-бунтовщик Алмаз из войска Степана Разина, продлевает жизнь с помощью препарата, дарованного ему инопланетным пришельцем, и преспокойно доживает до XX века. Булычёв предполагает, что состояние вечной молодости проистекает не только из специфических свойств марсианского зелья, но и благодаря духовному состоянию человека. Как говорится, «Главное, ребята, сердцем не стареть».

* * *

*Найду ли краски и слова?
Пред ним живая голова.*

Следующий рецепт вечной молодости был вдохновлен одной мертвой амфибией и сообразительным итальянцем. В романе «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818) Мэри Шелли использует в качестве источника оживляющей силы электричество.

Не слишком углубляясь в технические детали, она описывает процесс оживления существа, собранного из останков умерших. Конечно, в данном случае автора скорее заботила религиозно-этическая сторона вопроса, нежели научная достоверность, однако нельзя отрицать, что именно успешные и весьма эффектные опыты с переменным током стали одним из вдохновляющих факторов для написания этого знаменитого романа.

Прототипом для доктора Франкенштейна послужил Луиджи Гальвани. Это он еще в 1771 году заметил сокращение мышц в лапе мертвой лягушки под воздействием электрического тока. На некоторое время усмиренная молния воцарилась в умах пишущей братии и читающей аудитории как возможный проводник в вечность. Это, впрочем, продолжалось недолго. Зрелищность опытов с электрическим током привлекла массу авантюристов. В результате фантастические произведения, в которых осуществлялось оживление с помощью

электроэнергии, читающей публикой воспринимались скептически. Писателям пришлось искать новые способы борьбы со смертью.

Советский фантаст Александр Беляев в романе «Голова профессора Доуэля» (1925) повествует о честолюбивом ученом, которому удалось оживить голову собственного научного руководителя. Оживление осуществляется посредством подачи в отделенное от тела «вместилище разума» питательных веществ. Конечно, в начале XX века люди еще мало знали о той стремительности, с которой разрушаются клетки головного мозга после смерти. Как бы то ни было, Беляев проложил литературный путь к очередному способу продления жизни, который можно было бы назвать «дрейфом сознания».

Разум, странствующий по телам, - это один из наиболее простых и очевидных образов в копилке «гальванической фантастики». Правда, от эффектного «гильотинирования» фантасты быстро отказались, заменив его пересадкой органов.

В том же 1925 году Михаил Булгаков в повести «Собачье сердце» описал пересадку гипофиза пролетария Клима Чугункина дворовому псу Шарик. Цель эксперимента - омоложение собаки и впоследствии та же процедура с человеком. Облаченная в одежды сатирического произведения, перед нами предстает самая настоящая научная фантастика.

В эпическом цикле Лоис Макмастер Буджолд «Сага о Форкосиганах» люди освоили трансплантацию головного мозга в тела клонов. При этом мозг клона утилизируется, то есть фактически происходит убийство. Сходная процедура описана в дилогии Сергея Лукьяненко «Линия Грез» - «Император Иллюзий» (1995). Правда, у российского фантаста переселение старой личности в новое тело больше напоминает запись информации на чистый диск.

Роберт Шекли в романе «Корпорация «Бессмертие» (1958) демонстрирует, насколько сама возможность посмертного существования будоражит умы людей. Пересадка личности умирающего в новое тело отменяет многие моральные и этические установки и в то же время создает в обществе глобальную одержимость, своего рода танатоцентризм, сходный с тем, какой имел место в Древнем Египте.

Еще одна разновидность «дрейфа сознания» - замена биологического организма на механизм, устойчивый к старению. Постепенную киборгизацию человечества ярко изобразил Филип К. Дик в романе «Снятся ли андроидам электрические овцы?» (1968). А за пять лет до выхода этого романа братья Стругацкие в повести «Далекая Радуга» (1963) рассказали о группе ученых, переселившихся в тела андроидов. Замена тела помогает ученому Камиллу выжить после удара энергетической волны, уничтожившей базу на Радуге. В романе Александра Казанцева «Сильнее времени» (1973) космонавты с Земли

встречают цивилизацию, преодолевшую путь от биологического существованию к механическому. Отличной иллюстрацией «дрейфа сознания», как, впрочем, и самой идеи бессмертия, служат слова технологически преобразованного разумянина с планеты Железных Роботов: «Чтобы не чувствовать тяжести времени, надо забыть прежнее. Так поступают мудрейшие, не думая ни о чем, кроме того, чтобы жить».

Разновидностью описанного метода можно также считать запись человеческой личности в виде активной программы или базы данных на электронные носители. Подобную ситуацию можно встретить опять же у Стругацких в рассказе «Свечи перед пультом» (1961) или в романе Роджера Желязны «Остров мертвых» (1969).

Идея оцифровки сознания достаточно часто поднимается в фантастике. Однако остается серьезная проблема. Мы не можем знать наверняка, кто окажется перед нами на экране компьютера. Исходная личность или копия, наделенная опытом первоначального сознания? Вот почему последняя разновидность «дрейфа» представляется сомнительной во всем, что касается омоложения и тем более бессмертия.

* * *

*Настал давно желанный миг,
И тайну страшную природы
Я светлой мыслию постиг.*

Принципиально отличается от «дрейфа сознания» другое направление омоложения. Назовем его «евгеническим прорывом». Если в первом случае человек вынужден постоянно ускользать от смерти, меняя тела, то здесь налицо открытая и непримиримая борьба с Мрачным Жнецом. Стремление отменить процессы старения и умирания в собственном теле.

Как и в предыдущем варианте, для евгенического прорыва фантасты придумали несколько разновидностей.

Удивительно, но в связи с опытами евгеники в фантастике мы снова вспоминаем Говарда Филлипса Лавкрафта и его временного соавтора Огюста Дерлета - их рассказ «Единственный наследник» (1954). И снова пугающая оболочка скрывает научно-фантастическую гипотезу о возможности скрещивания животного и человека с целью продления жизни последнего. В итоге доктор Шарьер достигает желаемого и живет, выдавая себя за собственного наследника.

Одним из самых скрупулезных советских писателей, активно разрабатывавших тему геронтологии в НФ, был Георгий Гуревич. Его

статья «Сколько мы будем жить?» дает старт целой серии литературных проектов, посвященных далеким перспективам и методологии научных изысканий на пути к совершенствованию человеческой природы.

Молодая наука о старости только начинала завоевывать жизненное пространство, и автор, ориентированный на инновационные разработки, не мог пройти мимо. Он неоднократно посещал институт геронтологии в Киеве, принимал участие в научных диспутах, пропагандируя направление, связанное с предотвращением старения. В результате таких дискуссий появился роман «Мы из Солнечной системы» (1965) - настоящий гимн иммортализму.

В 1988 году Гуревич написал рассказ «Ордер на молодость», в котором наряду с неизменной мажорной темой грядущего бессмертия и светлого будущего человечества, созданного силой науки, появляется отчетливая социально-нравственная составляющая. Главный герой Юш Ольгин испытывает противоречивые чувства, когда получает возможность пройти процедуру омоложения. В окружении блистающего мира будущего он ощущает странное первобытное беспокойство. Ту самую «старость сердца», о которой говорил Кир Булычёв. Ему интереснее читать «книги» чужих жизней, чем строить свою.

В связи с евгеническим прорывом нельзя в очередной раз не вспомнить и братьев Стругацких. Ведь описанная ими в цикле о Полдне бактерия жизни - не что иное, как тот самый чапековский эликсир-ингибитор, действующий на микробиологическом уровне. Причем индивидуум, приобщившийся к этой биотехнологии, приобретал не только существенное продление жизни, но и потрясающие способности к регенерации, а также почти абсолютный иммунитет к болезням.

В конечном счете научные разработки биологов в области евгеники породили люденов. Тех самых сверхсуществ, о появлении которых мечтали персонажи Георгия Гуревича.

Современные авторы склонны описывать регулярное комплексное омоложение тканей и органов. При проведении операции используется целый букет прорывных технологий. В цикле романов «Песни Гипериона» Дэна Симмонса один из центральных персонажей, поэт Мартин Силен, неоднократно подвергает себя так называемой поульсенизации - полному омоложению организма. Таким образом он проживает около семисот лет. «На вид Мартину Силену было около шестидесяти, но Консул заметил предательскую синеву на шее и ладонях поэта и заподозрил, что тот уже не раз омолаживался». В состав мероприятий, продлевающих жизнь по рецепту Симмонса, входит глубокая заморозка (так называемая «криогенная фуга»), палеореконструкция зубов и ногтей, а также непереносимое глобальное

очищение организма.

Сходные методы применяются и в романе Брюса Стерлинга «Схизматрица» (1985). Процедура омоложения называется демортализацией и может быть проведена тем или иным курсом в зависимости от физиологических параметров пациента: «Гормонотерапия плюс вымывание свободных радикалов антиоксидантами. Быстро и грязно, зато это вернет вам живость». Главный герой романа Абеляр Линдсей приходит в пункт демортализации: «Эту встречу Линдсей откладывал, сколько мог. Но теперь ему уже недостаточно было одних ингибиторов да диеты. Ему шел шестьдесят девятый год». Острый соус из неустроенности, раздолбайства и высоких технологий, опустившихся в самые низы, придает роману Стерлинга иллюзию правдоподобия. По сравнению со светлыми сказками советских фантастов этот причудливый мир, разделенный на шейперов и механистов, кажется более реальным и взрослым.

Однако истина о будущем, скорее всего, лежит где-то на полпути от одного полюса к другому.

* * *

*Раздался девы жалкий стон,
Падет без чувств - и дивный сон
Объял несчастную крылами.*

Рассуждая о продлении жизни в НФ-прозе, необходимо вспомнить еще один рецепт, регулярно предлагаемый фантастами. Речь идет об управляемой летаргии. Анабиозные камеры на космических кораблях настолько распространены в фантастике, что приводить примеры - терять время. Цель замораживания астронавта очевидна: сохранить его работоспособность к моменту достижения звездолетом намеченной цели. Ведь полет на досветовых скоростях обещает быть очень долгим.

Молодость организма в этом случае сохраняется за счет временной стагнации всех жизненных процессов. Вас просто «выключают», точно телевизор или утюг из розетки, чтобы активировать через десятки и даже сотни лет.

Проблема здесь заключается в том, что объективного времени, куда вы прохлаждаетесь в банке со льдом, может пройти сколько угодно, но ваша биологическая программа будет выполнена в той же внутренней хронологии, что и раньше. Иными словами, ваше субъективное бытие не продлится ни на день. Впрочем, для жителей погибающей планеты Той из романа «Темпоград» (1980) Георгия

Гуревича замедление времени позволяет отсрочить неминуемую гибель, выработать решения для спасательной операции и даже открыть новую форму жизни!

Сегодня существует возможность подвергнуть тело заморозке ради путешествия в будущее. На такой шаг могут пойти либо отчаянные, либо отчаявшиеся люди. Слишком большой риск связан с этой авантюрой. Подобные предприятия скорее напоминают мошенничество в духе последователей Гальвани.

Но даже если погруженный в летаргию человек, очнется, то нет никаких гарантий, что он не окажется, например, на дне океана или в эпицентре боевых действий, как это произошло в фильме «Бегство мистера Мак-Кинли», снятом по сценарию классика советской литературы Леонида Леонова. Правда, герою фильма повезло, и его злоключения оказались всего лишь сном. Однако для тех, кто всерьез решил отправиться в будущее через заморозку, - это билет в один конец.

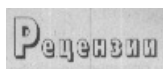
Другой проблеме, связанной с долговременной изоляцией, посвящен рассказ Георгия Мартынова «Гость из бездны» (1962). Герой Советского Союза Дмитрий Волгин, воскрешенный потомками, не может обрести свое место в новом мире. Вырванный из родной эпохи невольный путешественник во времени чувствует себя глубоко несчастным и снова оказывается на грани гибели. Похожие проблемы испытывает и астронавт Эл Брегг из романа «Возвращение со звезд» (1961) Станислава Лема. Пойманный в ловушку времени релятивистским эффектом, он возвращается на Землю через 127 лет после старта и неизбежно становится изгоем в обществе будущего.

Этот пример вплотную подводит нас к вопросу о необходимости бессмертия для каждого отдельно взятого человека. И дело здесь не в дороговизне технологий и не в религиозно-этических табу, которые обыватели прекрасно научились игнорировать. Нет практически никаких сомнений и в том, что продление жизни, скорее всего, осуществимо с технической точки зрения. Сегодняшние достижения науки в смежных областях (обширная работа в области генной инженерии, протезирование и замена органов, микрохирургия и нанотехнологии) позволяют говорить о том, что уже достаточно скоро критическая масса изобретений сформирует условия для существенного прорыва в этой области.

Продление жизни - это прекрасно. Но, оставаясь на поле фантастики, зададимся вопросом: насколько изменится наш внутренний мир от встречи с вечностью? Удастся ли выработать привычку к этому состоянию у тех, кто генетически запрограммирован на смерть? Не превратимся ли мы под воздействием прожитых столетий в чудовищных свифтовских струльдбругов?

Наверное, далеко не каждый человек будет способен принять эликсир

и легко идти по дороге без конца. Возможно, что предрасположенность к бессмертию будут определять при помощи тестов и медицинских изысканий. Счастливики (хотя уместно ли их так называть?) приобщатся к вечности. Все прочие пойдут тропой предков, уверенные, как и римский трибун из рассказа Хорхе Луиса Борхеса «Бессмертный» (1947), что «смерть (или память о смерти) наполняет людей возвышенными чувствами и делает жизнь ценной».

Рецензии

Елена ХАЕЦКАЯ
ПАДЕНИЕ СОФИИ

(русский роман)

Луганск: Шико, 2010. - 456 с.

(Серия «Антология мифа»).

2000 экз.

Роман Елены Хаецкой вновь погружает читателей в пленительный мир «корнета Ливанова» - историю русского будущего, декорированного стилем отечественной классики времен М.Ю.Лермонтова и картинами усадебного быта. В книге немало портретов всякого рода ярких чудаков, словно шагнувших из XIX столетия в XXII, миновав «свинцовые мерзости» века XX. Они разговаривают, мыслят и совершают поступки примерно так же, как это происходило на страницах «Героя нашего времени».

В отличие от предыдущих текстов «ливановского» цикла, здесь основным местом событий является Земля. Разыгрываются два действия: во-первых, детективное расследование о похищенных инопланетянах, наполненное мягкой иронией и какой-то доброй снисходительностью автора к своим героям, к их слабостям (если в нужный момент они способны проявить нравственную силу); во-вторых, история падения девушки-сироты Софьи Думенской, обманутой бесом. А в том, что странное существо, получившее от нее имя Харитин, происходит из бесовской братии, - нет никаких сомнений.

История Думенской страшна. Живая человеческая душа, замерзшая от невнимания и жестокости ближних, попала в тиски прелести, бьется в них, мучается, но выбраться не может. Все доброе, что есть в этой душе, с ходом времени искажается, темнеет. Ничего более мрачного, безнадежного нет во всем творчестве Хаецкой. Жизнеописание

Думенской - большая творческая удача, хотя и пробирает холод от спокойной, обывоченной истории альянса неглупой девушки с нечистой силой...

Впрочем, падение героини хотя бы послужило уроком для ее соседа, местного землевладельца, доброго и несколько безответственного человека. Зная, во что превратилась Думенская, он вышибает Харитина из дома, когда тот пытается найти в нем новую жертву. Собственно, это урок на все времена...

Дмитрий Володихин

Максим ХОРСУН
СОЛДАТЫ ДАЛЕКОЙ ИМПЕРИИ
Москва: Эксмо, 2010. - 384 с.
(Серия «Абсолютное оружие»).
6000 экз.

Герой книги - судовой врач на броненосце «Кречет», - подобно свифтскому Гулливеру, оказывается в странном мире, населенном причудливыми и чудовищными созданиями. Вместе с доктором в небывалый вояж отправляются потенциальные пациенты. Команда храбрых балтийцев оказывается на Марсе. Рядом с крепкими ребятами в тельняшках стоят одинокий воин Джон Картер из Марсианского цикла Эдгара Берроуза, дуэт англичан из «Машины пространства» Кристофера Приста и бесстрашные рыцари из «Крестового похода в небеса» Пола Андерсона.

Роман является первой частью дилогии об инопланетных приключениях русских моряков, но посвящен вовсе не чуждым созданиям (их здесь в достатке), а людям. Автора в первую очередь занимают реакция героев на экстремальные условия, их унижение и боль. Пожалуй, в этом акцентировании внимания на насилии кроется основной недостаток текста. Ведь для того, чтобы проиллюстрировать мытарства героев, совсем не обязательно создавать столь причудливые условия. Герои Хорсуна должны сделать выбор: сохранить или отринуть человечность. Вот тогда и начинается настоящий экшен с пальбой, ночными вылазками и боевыми подвигами. Любитель боевой НФ облегченно выдыхает. Однако писатель не изменяет своему натуралистичному стилю. Эта история могла бы показаться совершенно безрадостной, если бы не короткие передышки в духе Жюль Верна, которые устраивает персонажам и читателям автор.

Перед нами суровый роман, совершенно лишенный романтического флера. И все же череда событий, изложенных суховатым языком

судового врача, увлекает. «Солдаты далекой империи» существенно отличаются как от предыдущих работ Хорсуна, так и от большинства книг серии «Абсолютное оружие».

Найдет ли книга свою аудиторию - покажут время и вторая часть.

Николай Калиниченко

ЛУЧШЕЕ ЗА ГОД

XXV/I: НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА, КОСМИЧЕСКИЙ БОЕВИК, КИБЕРПАНК

СПб.: Азбука, 2010. - 496 с.

Пер. с англ.

5000 экз.

Более четверти века неутомимый Гарднер Дозуа составляет ежегодные антологии «Лучшее за год» в англоязычной фантастике. Поистине титанический труд принес редактору рекордный урожай премий, включая пятнадцать статуэток «Хьюго»!

В новом томе проходных текстов хватает - на взгляд придирчивого российского любителя фантастики. Но перед нами действительно своего рода выставка достижений англоязычной НФ - такой, какой она представляется составителю, и во многом его оценка является «зеркалом» нынешнего состояния англо-американской фантастики, прежде всего в жанровой периодике и сборниках.

Некоторые рассказы читателям «Если» уже известны по публикациям в журнале. «Киоск» Брюса Стерлинга описывает Третий переходный период для экономики человечества, начавшийся с распространения фабрикаторов в одной из восточно-европейских стран. Тэд Чан стилизует рассказ «Торговец и врата алхимика» под сказки Шахерезады и размышляет о взаимодействии прошлого и будущего. Блистательный «Рассказ небесного матроса» подтверждает высокую литературную репутацию Майкла Суэнвика.

Новая встреча с уткотрепом ждет читателя в фантастико-приключенческой новелле «Находка в песках» Нила Эшера, продолжающего живописать вселенную прадоров. «Ореол» Грега Игана, который начинается с масштабной и впечатляющей картины межзвездного путешествия, описывает столкновение цивилизаций. «Выключить свет» Кена Маклеода предлагает посткиберпанковскую историю о «выгорании» человеческих анклавов под воздействием вирусных подпрограмм. А в рассказе «Кольцо Верданди» Йен Макдональд, отвлекаясь от уже традиционных для его творчества реалий индийского будущего (им посвящен другой рассказ автора - «Санджев и робоваллах»), погружает читателя в эпическую битву

между постчеловеческой Кладой и Другими...

Кстати, российские издатели намечены выпустить все антологии Дозуа, начиная с первой.

Сергей Максимов

**Бен КАУНТЕР
ЧАША СКОРБИ**

СПб.: Фантастика - Книжный Клуб, 2010. - 384с.

Пер. с англ. К.Зайцева.

(Серия «Warhammer 40 000»).

6000 экз.

В книгах по игровой системе «Вархаммер 40 000» сюжетная ситуация, даже при значительной разработанности, чаще всего восходит к простой формуле: «Кто не с нами - тот против нас». На одной стороне - люди, незримо ведомые бессмертным Богом-Императором, на другой - все остальные. Союзы с отдельными расами «ксеносов» если и возможны, то всегда носят временный характер и основаны на взаимном недоверии.

Однако Б.Каунтер еще в предыдущем романе об ордене космических десантников - «Испивающие Души» - пошел своим путем и поставил эксперимент, попытавшись рассказать историю некоей третьей силы. Между Империумом и его врагами оказались зажаты космодесантники, которых обманули демонические силы, заставив выступить против собственного командования. Однако, разоблачив этот обман, лидер десантников Сарпедон не стал подчиняться бездушным и жестким правилам общегалактического государства людей. Он и его сподвижники начали собственную партизанскую борьбу за освобождение человечества от двух тираний: с одной стороны, от власти бюрократической машины Империума, с другой - от лжи и насилия демонических сил и агрессивных побуждений чужих рас.

Новая книга представляет собой вторую часть трилогии, начатую романом «Испивающие Души», который был издан на русском языке в 2008 году. В «Чаше скорби» безнадежная борьба продолжается, и действия Сарпедона и компании, противопоставивших себя чуть ли не целой Галактике, в еще большей степени отдают ненамеренным «донкихотством». Тем не менее автор своим персонажам явно симпатизирует, неизменно вытаскивая их из самых губительных ситуаций. О том, чем же закончилась история противостояния героев всем и вся в Галактике, отечественные читатели узнают не раньше, чем на русский язык будет переведен завершающий роман трилогии - «Алые слезы».

Брендон САНДЕРСОН
АЛЬКАТРАС И ПЕСКИ РАШИДА
Москва - СПб.: Эксмо - Домино, 2010. - 384 с.
Пер. с англ. М. Семеновой.
(Серия «Люди против магов»).
4000 экз.

Название книги, скорее всего, навеет на читателя аромат арабской ночи. Но это иллюзорные ощущения - в оригинале вышедший в 2007 году роман зовется «Алькатрас против злых библиотекарей» и никакого восточного колорита не предлагает. Почему на пути к русскому читателю заголовок изменился? Быть может, оригинальный показался издателю слишком уж детским? Ну, так перед нами и есть подростковая фэнтези в чистом виде!

Алькатрас - это вовсе не название печально знаменитой тюрьмы, а имя главного героя. Хотя в начале повествования и возникает подозрение, что страшное заведение в будущем, вполне возможно, распахнет двери перед тринадцатилетним подростком, который стал причиной несчастий для многих приемных семей. Однако (как всегда внезапно) выясняется, что именно этому малолетнему бедствию надлежит защищать Добро от мирового заговора - на сей раз библиотечарского! И миссия эта потомственная. А невообразимая способность к разрушению всего и вся - вовсе не следствие «неусидчивого» характера, но генетически заложенный талант...

В общем, очередная версия затасканного сюжета «Гадкий Утенок Спасает Мир». Ну, или точнее, фэнтезийный вторичный мир, существование которого злые библиотекари, поборники техногенной цивилизации, скрывают от остального человечества.

Идти по стопам Дж. Роулинг, конечно, изрядно рискованное занятие. Но шеренги клонированных Гарри выглядят уже довольно жиденько на фоне заполонивших книжный рынок вампирских орд. А Сандерсон к тому же литератор небесталаный, с оригинальным взглядом на мир, сдобренным мормонским консерватизмом. Так что читатель без труда отыщет в книге немало достоинств. Вот и предоставим ему это удовольствие.

Правда, существует опасение, что на роман изрядно обидятся библиотечные работники.

ДРУДНОЕ ДЕЛО

Дэн СИММОНС. ДРУД, ИЛИ ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. Эксмо

В предыдущем романе Дэн Симмонс погрузил читателя в леденящую атмосферу арктического страха и рассказал историю экспедиции Джона Франклина на кораблях «Эребус» и «Террор». Конечно, не Симмонс первым из писательской братии заинтересовался судьбой экспедиции. Спустя десятилетие после исчезновения моряков английские романисты Чарлз Диккенс и Уилки Коллинз поставили «по мотивам реальных событий» пьесу «Замерзшая пучина», двух персонажей которой сыграли сами авторы. Эти события, очевидно, и вдохновили Симмонса поведать наконец-то правдивую историю мистера Диккенса.

Писатель Симмонс вырос из Симмонса-читателя, что, само собой, отразилось на его творчестве. Цикл «Песни Гипериона» густо замешан на творчестве английского поэта-романтика Джона Китса, а диалогия «Илион» и «Олимп» отсылает к «Илиаде» и творчеству Пруста.

Не впервой Симмонсу и раскрашивать реальные биографии писателей вымышленными сюжетами. В книге «Колокол по Хэму» он поведал о «тайной» жизни Хемингуэя в период Второй мировой войны, о его борьбе с немецкими подлодками и нацистскими шпионами.

Однако в «Друде», рассказывающем о Диккенсе и его дружбе с Уильямом Уилки Коллинзом, реальность и фантазии Симмонса смешиваются и с литературной реальностью романа «Тайна Эдвина Друда». Последний роман великого писателя остался незаконченным, и читатели, следившие за детективной интригой в каждом новом выпуске публиковавшейся с продолжением истории, разгадки так и не узнали. Как не узнали ее и биографы Диккенса: в архивах писателя не осталось никаких записей, хоть сколько-нибудь намекающих на окончание книги. И никто из его коллег и друзей так и не осмелился дописать роман за столь некстати скончавшегося писателя. В этом

разительное отличие от нынешних литературных реалий, когда за смертью писателя частенько обнаруживаются и неперенные черновики будущей книги, и достойные продолжатели. Хотя неофициальные продолжения - как сказали бы сейчас, фанфики - все-таки появились. Авторство одного из таких фанфиков некоторые исследователи даже приписывают Уилки Коллинзу и Чарлзу Диккенсу-младшему. Да и версий, «расшифровывающих» загадочную историю Друда и его убийства (убийства ли?), существует в избытке.

Свой вариант разгадки предложит читателю и американский фантаст Дэн Симмонс. Но не раньше, чем расскажет историю долгой дружбы и творческого соперничества Чарлза Диккенса и автора «Лунного камня».

Симмонс педантично придерживается исторических фактов и подлинных биографий своих героев, вставляя собственные версии произошедшего в лакуны общеизвестных событий.

История «Друда» начинается со Стейплхерстской железнодорожной катастрофы 9 июня 1865 года, когда Диккенс едва не погиб. Именно тогда, как писатель позже поведал ближайшему другу Уилки Коллинзу, он впервые увидел Друда - загадочного черного человека, бродящего среди мертвых. Завершается же основная часть повествования смертью Диккенса, случившейся ровно пять лет спустя, день в день, 9 июня 1870 года. А между этими двумя датами сюжет заполняют опиумные притоны, дети лондонского подземелья, месмеризм и хранители магического искусства Древнего Египта. И просто-таки заливают лауданум - обезболивающая настойка опия, которой один из персонажей, скажем прямо, изрядно злоупотребляет.

Начинается книга как детектив, написанный даже с некоторым своеобразным юмором (несомненно, под влиянием Диккенса, который отличался по этой части не только в книгах, но и в жизни: так, после отъезда гостившего у него датского сказочника в доме появилась табличка, гласившая: «В этой комнате Ганс Андерсен прожил однажды пять недель, которые всей семье показались вечностью»). В паре Диккенс - Коллинз, расследующей историю Друда, даже угадываются будущие очертания самого известного английского детективного дуэта. Однако, перевалив за середину, тональность текста резко меняется: появляются пугающие, мрачные и вовсе ужасные обертона, превращающие историю в драму, представить которую почти невообразимо.

Реалии «Друда» тесно связаны с персонажами и сюжетами Диккенса и особенно его последнего романа, равно как и «Лунного камня» Коллинза (в котором - еще одно пересечение - сильна индийская тема, столь любимая Симмонсом). Однако читателя стоит предупредить, что предварительное знакомство и с «Тайной Эдвина Друда», и с книгой Коллинза желательно, но не обязательно (хотя кто же не читал роман Коллинза!). Все же невозможно предположить, что, закрыв

симмонсовского «Друда», читатель не потянется к томикам с произведениями его главных героев.

«Друд» вообще очень настойчиво вращается вокруг литературной оси. Взаимоотношения всеобщего любимца Диккенса и любителя лауданума Коллинза являются и сюжетным, и идейным центром книги. Симмонс детально описывает жизнь своих персонажей и приоткрывает не тайны, но некоторые аспекты писательства, не сводя все к гонорарам. Несмотря на то что повествование идет от лица Коллинза, волею автора тот отступает на второй план перед фигурой Диккенса. Их дружба, в последние годы жизни Диккенса переросшая в открытое соперничество, едва ли не архетипична и вызывает в памяти тени Сальери и Моцарта вкупе с рассуждениями о совместимости гения и злодейства и состязании таланта и гения. А темы зависимости и распада личности предсказуемо пробуждают в памяти другую знаменитую историю - на этот раз из Р.Л.Стивенсона.

Рассказывать подробнее о сюжете не стоит, дабы не раскрыть интригу книги. Отметим лишь, что с Симмонса станется и к собственному рассказу приладить оборотную сторону. И вот тут-то - по разбросанным оговоркам, полунамёкам и нарочитым нестыковкам - наблюдательный, сметливый и подозрительный читатель может вывести собственное представление о произошедшем. Например, заключить, что подлинным злодеем и убийцей в этой истории является... ну, скажем, дворецкий.

Новая книга Симмонса демонстрирует нам автора «Песен Гипериона» как ревностного продолжателя классической традиции романистов, умело совмещая и серьезность темы, и умение развлечь читателя и, что важно, не стыдясь своих намерений. Таких авторов сейчас немного.

Любопытно, что одновременно с романом Симмонса вышла книга «Последний Диккенс» Мэтью Перла, специализирующегося на исторических детективах с историческими же личностями (нашим читателям автор знаком по роману «Дантов клуб», в котором роль сыщиков примерили на себя представители американских литературных кругов Лонгфелло и Оливер Холмс). Роман Перла, вдвое уступающий «расследованию» Симмонса, также поднимает тайну Эдвина Друда, которую у Перла расследует американский издатель Диккенса. Удивительное, едва ли не мистическое совпадение творческих замыслов подводит к невольному подозрению о творческом соперничестве двух популярных современных прозаиков. Интересно, знакомы ли лично Симмонс и Перл?

Ну, и напоследок. По сообщению писателя на официальном сайте, персонажами его очередной книги, несмотря на сопротивление его агента и издателя, должны стать американский романист Генри Джеймс и... мистер Шерлок Холмс. Что ж, подождем.

Андрей БАЛДИН

ПРОСТРАНСТВО ВРЕМЕНИ

В конце ноября прошлого года авторитетное жюри в пятый раз вручало одну из самых крупных и влиятельных отечественных литературных наград - «Большую книгу». Нынче в список финалистов вошел писатель, архитектор, художник Андрей Балдин со своей книгой «Московские праздные дни». Какова связь с фантастикой? - спросит читатель непосвященный. А посвященный откроет номер «Если», где почти наверняка обнаружит иллюстрацию этого необычного художника. Андрей Балдин на протяжении многих лет рисует для нас фантастику.

- Праздные дни... Слово многозначное, да и книга не проста. Помогите, Андрей, разобраться, что к чему.

- По идее, это очень простая книга - календарь, полный круг календаря. Только наблюдаемый не с 1 января, а с 1 октября по старому стилю - с праздника, называемого Покров. Теперь это 14 октября. Почему Покров? Тут уже начинаются сложности. Покров - это необычный день, «день-выключатель». Он как будто выключает большой свет в помещении года. Лето закончено, завершается сентябрь, который в исторической Москве был большой корзиной праздников, связанных главным образом с церемониями сбора урожая. Сентябрь у нас более или менее сытый месяц, Москва ест свежие фрукты и овощи, встречается сама с собой после летних каникул и веселится. Но вот сентябрь проходит, праздники понемногу заканчиваются, и начинается «праздный» месяц октябрь. Тут нужно вовремя различить «праздник» и «праздность». Есть форма умной, сосредоточенной праздности, когда человек остается наедине с самим собой и начинает размышлять, сознавать и переосознавать себя. Это и начинается в Москве на Покров: большое размышление Москвы о себе

самой. Моя книга описывает эти саморазмышления Москвы в течение года - с Покрова до Покрова. Нет, это не очень простая книга. Разная книга.

- В вашем тексте фигурируют особые, московские люди...

- Верно, здесь несколько «подводных» слоев. Я наблюдаю за тем, как в течение года меняется Александр Пушкин. 1825-й - первый год сиденья в михайловской ссылке. Пушкин наедине с собой - это вынужденная, тяжкая праздность. Он меняется совершенно, меняется его слово, происходит его своеобразная авторская революция. «Московская» революция. Пушкин пишет «Бориса Годунова» и с ним возвращается в Москву. Точно по календарю, на Покров, он заканчивает работу, хлопает в ладоши - и происходит чудо: круглый 1825 год оказывается для него колесом, которое в итоге вывозит его из ссылки.

Еще один слой, или виток, этой «круглой» книги - рассказ о Льве Толстом, о том, как устроен его главный роман «Война и мир». Если приглядеться внимательно, этот роман оборачивается большим календарем, в котором все главные события происходят по праздникам. И это неслучайно: Толстой был очень внимательным наблюдателем календаря, исследователем и «механиком» времени. Он был «многоэтажным» человеком, простым и сложным одновременно. Разноверующим, разнодумающим, открытым и вместе с тем очень скрытным. Композиции своих книг он составлял тайно, и это очень занятные, красивые и как будто совсем не толстовские построения. Он был московским человеком, притом что на словах часто ругал Москву, выставлял ее «адам» и ставил ей в пример деревенский, усадебный «рай». Но на самом деле он всегда с любовью и ревностью следил за Москвой и неслучайно главный свой роман «Война и мир» посвятил ей - ее трагедии и жертве 1812 года. Тут появляется много непривычных поворотов и ракурсов, но об этом нужно рассказывать подробно. Собственно, об этом вся книга - о московском размышлении, времяпрепровождении и времяустройении. «Роман года».

- Вы даже вводите такое понятие: пространство времени.

- Москва существует в пространстве времени. Ее пространство физическое не очень интересует, архитектура в ней - не самое главное. Главное - взаимосвязь событий, их оформление, которое в первую очередь идет через календарь и логично и красиво выстроенный круг праздников. То есть вы как будто идете по коридору вокруг большого круглого зала. Вы должны идти только по коридору, анфиладой, из двери в дверь, но вы всегда можете выглянуть в общий зал, во все помещение календаря, увидеть еще пять-шесть праздников, связанных

с этим. Этот зал и есть *пространство времени*. В этом зале и живет Москва, это ее любимое помещение, а архитектура - видимость. Для нее нужно какое-то внутреннее убеждение. Большевики не выходили из этого пространства, они все перевернули наоборот, но цепочка осталась та же: просто свет включили в другом месте - и Пасха переехала на ноябрь.

- Москва в вашей книге названа машиной времени.

- Если существует определенный, узаконенный распорядок, то, когда мы празднуем, то есть на свободе от всякого занятия размышляем, а не просто веселимся, тогда рисуется либо пустота вокруг нас, либо открывается время. Москва, выдумывая праздники, выдумывает время. Она производит большее время в головах своих жителей, награждая их этим. Сознывая большее пространство, человек становится не просто времяпроводящим, но времяпроизводящим существом.

- Значит, речь не идет о перемещении в какое-то время?

- Перемещение происходит. Ведь празднование христианского цикла - это перенесение в 33-й год от Рождества Христова. Важный и серьезный опыт соотнесения себя с евангельской матрицей. Это, конечно, путешествие во времени. Причем не литературное и не физическое. Если мы сознаем себя как некую проекцию тогдашнего события, то это - включение в сферу общего сознания, расширение сознания, вдох времени, а не механическое перемещение в какой-то год. Москва же это оформляет еще дополнительно и дополнительно, она как-то наворачивает эти круги. Хотя Москва с тем же удовольствием уничтожает время, снося памятники, вычеркивая из своей истории каких-то людей, а затем восстанавливая их. В общем, она постоянно работает со временем... А сейчас она просто торгует, заведя глаза под лоб и совершенно не думая о завтрашнем дне. Сегодняшнее состояние Москвы - это опасное выпадение из большего времени, утилитарная сосредоточенность на сиюминутных вопросах. За 20 лет многое разрушено. Это не материальные памятники, а памятники памяти.

- Ваш рассказ очень графичен. Да и в книге многие мысли «поверяются геометрией» - чертежи, схемы. Вы даже вывели формулу: рисунок = текст. Иллюстрирование фантастики также укладывается в этот алгоритм?

- У вас мне не нужно выдумывать какую-то картину мира, я детским образом читаю и с великим удовольствием рисую. Хотя не все так просто: это тоже важное действие - обобщение материала. Но здесь нет таких наворотов, о которых мы сейчас говорили. Я бы линии не

провел, если бы задумался, что она означает, а она означает, ведь рисование - это очень сложное кодирование информации. Но в конкретном рисовании я эту рефлексию стараюсь отключить, потому что иначе не будет сделано ничего.

В фантастике я нахожу некое равенство. Художник - фантазер, а иллюстрация - это еще один текст. Есть иллюстративное рисование: вы что-то рассказываете своим рисунком. И поэтому мне очень хорошо и спокойно, когда я читаю чью-то фантастику и начинаю рядом наводить свою. Мы одинаковы, здесь есть равновесие. Надеюсь, ваши читатели мои картинки тоже читают.

Беседу вела Елена БОСОВСКАЯ

Вл. ГАКОВ

ИЗЛЕЧЕНИЕ СОЗДАТЕЛЯ

Миллионы людей во всем мире наслышаны о главном персонаже этого писателя, которому в январе нынешнего года исполнилось бы 105 лет, - непобедимом воине-варваре Конане. Редкое везение для всякого пишущего. А не повезло литературному отцу Конана из-за этого же «дитяти». Потому что лишь малая часть из миллионов, увлеченных Конаном, в действительности прочла хотя бы строчку, написанную самим автором. История в современной масс-культуре, увы, не новая и даже не парадоксальная.

Если бы не слава предшественника - создателя Тарзана и Джона Картера Марсианского, быть бы Говарду*²⁸ неоспоримым зачинателем героической фэнтези в американской литературе! Впрочем, и так Говарда знают миллионы, а сотворенный им образ Конана задал

²⁸ * *Правильнее, конечно, Хоуард, но со сложившейся традицией сражаться уже бессмысленно. (Прим. авт.)*

своего рода канон (прошу прощения за невольный каламбур) для целого субжанра фантастической литературы.

Все, сочиненное писателем до войны, было в последние десятилетия XX века переиздано и даже пользовалось успехом. И все же не сравнимым с тем, что выпал на долю целой команды разработчиков «золотой жилы» - самозванных «подражателей» и «дополнителей», без зазрения совести настрогавших почти вдвое больше того, что оставил после себя Говард.

А тут еще роскошный кинобоевик с Арнольдом Шварценеггером, снятый в 1981 году Джоном Миллиусом! Режиссер, кстати, в одном из интервью откровенно признался, что отталкивался не столько от нечитанного им соотечественника, сколько от ницшеанского *ubermensch*'а, нордической «белокурой бестии» и тому подобных знакомых ассоциаций.

Словом, отношение наших современников к американскому автору Роберту Говарду в значительной мере основано на отношении к Конану Киммерийскому.

В нем присутствовали все черты того, что гарантированно должно было привлечь определенную часть читательской массы. И столь же категорически насторожить другую.

Варвар из легендарной древней страны Киммерии - безусловный сверхчеловек во всем, что касается мускулов и военного искусства! Бесконечно воюющий с ордами врагов, в роли которых выступают слегка замаскированные «низшие расы», чуждый сантиментов и не слыхавший о каком-то «гуманизме». Движимый не разумом, но «голосом крови» и ничем не сдерживаемыми инстинктами, а единственным Законом признающий меч или секиру...

Многим, и в их числе автору этих строк, подобная литература представляется чрезвычайно опасной - если перестать относиться к ней только как к литературе, несерьезному развлечению на сон грядущий... Но в защиту Роберта Говарда можно привести аргумент, мало зависящий от симпатий и антипатий критика. Говард был первым. Пионером, первооткрывателем целого литературного жанра. Не его вина, что тот впоследствии изрядно затоптали.

И, как уже было сказано, писатель лишь в определенной мере несет ответственность за то, что миллионы читателей и кинозрителей превратили в культ. «Садист, фашист, заторможенный и затерроризированный собственными комплексами подросток... Таковы лишь некоторые из брошенных Говарду обвинений, - пишут авторы одной из книг, посвященных создателю Конана. - Что ж, это, вероятно, один из самых непонятых и несправедливо обвиненных авторов после Ницше». Так что познакомиться с реальным Робертом Говардом - без всех последующих «наслоений» - в любом случае любопытно. Тем более что биография писателя дает много пищи для размышлений.

Роберт Эрвин Говард родился 24 января 1906 года в семье сельского врача Айзека Говарда, который практиковал в богом забытой тexasской деревушке Пистерере. Семья будущего писателя была типично американской - потомки пионеров, еще сохранившие память о тех днях, когда в этих местах проходил Фронтир. Дед по отцовской линии в 1849 году, подобно многим, двинулся в Калифорнию, где только что открыли золото; и если бы не подхваченная в дороге холера, до конца жизни приковавшая его к Техасу, вполне возможно, повторил бы судьбу героев Джека Лондона. Видимо, неслучайно последний стал любимым писателем юного Роберта Говарда... Мать также происходила из семьи пионеров и еще застала последний крупный рейд команчей, некогда безраздельно контролировавших Техас, а впоследствии почти полностью истребленных. И столь же неслучайно подсознательная антипатия к «краснокожим» передалась от матери к сыну. Во всяком случае, знание индейской специфики позже неплохо помогло писателю, когда с фантастики он переключился на вестерны.

А вот что было совершенно нетипично в доме доктора Говарда, так это обилие книг и лелеемая любовь к чтению. Тому в большей степени способствовал сам глава семейства, ставший одним из первых врачей на земле Одинокой Звезды (как называют Техас американцы). Именно в домашней библиотеке Роберт познакомился с Эдгаром По и Вальтером Скоттом, Редьярдом Киплингем и Марком Твенем; и прочитал от корки до корки всего Хаггарда. А мать, часто читавшая сыну вслух, приобщила его и к поэзии.

В течение девяти лет после рождения Роберта его семья колесила по Центральному Техасу, пока не обосновалась окончательно в деревушке под названием Кросс-Плейнс. Именно там в девятилетнем возрасте Роберт Говард написал первый приключенческий рассказ.

А вообще его детские годы прошли под знаком отчуждения - от сверстников, от реального мира за окнами дома. В те годы долина реки Рио-Гранде, где он жил, активно заселялась и застраивалась. Населяли те места в основном простые, работающие и далекие от романтических мечтаний люди: богобоязненные фермеры, скотоводы и нефтедобытчики. Таковы же были и дети «новых тexasцев». Немудрено, что в компании с любимыми книгами юный Говард чувствовал себя куда комфортнее, чем в общении со сверстниками.

За окнами кипела по-южному темпераментная, до предела конкретная деловая жизнь - строилась Америка! А мысли подростка витали в иных широтах и в иных временах. К его типично возрастному отчуждению добавилось еще одно: мир, пленивший его воображение, оказался не только не похож на окружающий, но во всех смыслах был ему полярен. «Всю жизнь я провел на юго-западе Америки, - вспоминал Говард, - и в то же время не переставал грезить о северных необъятных ледовых

пустынях под низко нависшим тяжелым серым небом. Я и во снах ее часто видел - дикую страну, продуваемую насквозь яростными ветрами, идущими с моря, страну, населенную сутулыми дикарями, взор которых горел необузданной яростью... Никогда в тех снах я не представлял сам себе цивилизованным человеком. Напротив, всегда ощущал себя варваром - загорелым до черноты, обросшим, светлоглазым дикарем, вооруженным убойного вида топором или мечом. Я сражался с такими же варварами и дикими зверями или же возглавлял бесчисленные орды воинов, идущих завоевывать цивилизованные страны и оставлявших после себя руины замков и городов и вытопанные поля и сады. Почему-то я всегда инстинктивно ощущал себя на стороне Варвара, бросающего вызов цивилизации порядка и умеренности...»

Из этих воспоминаний «последнего кельта», как назвал Говарда автор одной из лучших книг о нем Глен Лорд, явствует, что созданный писателем мир «отверженных цивилизацией» - результат не только психологических травм, полученных в раннем детстве, но и более глубоких процессов, происходивших в сознании и подсознании будущего создателя Конана.

Видимо, Роберту Говарду на роду было написано остаться изгоем, человеком, во всех отношениях не приспособленным к окружавшей его донельзя прагматической американской действительности. И своеобразно «отомстившим» ей - своим Суперварваром, грозой всякого порядка и цивилизованности, со временем превратившимся в одного из любимейших героев миллионов американцев!

Для начала Говард занялся собой. Точнее, своим телом. Будущий писатель увлекся боксом, атлетической гимнастикой и бодибилдингом. Закончил школу и поступил в «академию» при колледже в близлежащем городе Браунвуде. Под шикарным названием «академия» в действительности скрывались самые обыкновенные высшие курсы, готовящие мелких клерков, машинисток, стенографисток и прочий, говоря современным языком, «офисный планктон». Уже подумывавшему о писательском ремесле Говарду показалось практичным получить профессию машиниста-стенографиста, и в течение какого-то времени эта традиционно дамская профессия служила ему основным источником дохода.

Впрочем, и эти курсы он не закончил, по истечении второго года обучения вернулся в отчий дом. Молодой человек стал работать, где придется. Паковал хлопковые тюки на местной фабрике, клеймил коров, убирал мусор, работал в продуктовой лавке и аптеке (что в Америке практически одно и то же), а также пописывал на тему нефтяного бизнеса в целый ряд газет Техаса и соседней Оклахомы.

А затем решил, что с него хватит, и вернулся в «академию» - на сей раз изучать бухгалтерский учет. Немного расслабившись после

изматывающей поденщины, молодой человек с воодушевлением открыл в себе поэтический дар, настроив за год столько стихотворений и поэм, что их набралось на целых шесть сборников (вышедших спустя тридцать лет после его смерти).

В августе 1927 года он снова вернулся в Кросс-Плейнс, убежденный, что отныне удовлетворить его может одна-единственная профессия на свете - профессия писателя.

В литературу его привели не культурное окружение, не гены и не переживания детства, а как раз напротив - отторжение, стихийный протест против всего перечисленного. В мире, бесконечно далеком от литературы, он, подобно отцу, стал тоже первым в Центральном Техасе - первым профессиональным писателем.

Литература во многом удовлетворила и его жажду индивидуальной свободы, граничащей с анархизмом. При этом лентяем Роберт Говард, безусловно, не был: «Я мог бы изучать право или заняться чем-либо иным, но никакая другая работа не предоставила бы мне той степени свободы, которую давало ремесло писателя. А желание полной свободы превратилось для меня в своего рода манию, притом что я безропотно платил за нее жизнью в спартанских условиях и отказом от многого, чего желали моя душа и тело... Бывало, за пишущей машинкой я проводил восемнадцать часов, но то был мой собственный выбор, и я мог прекратить работу в любой миг - без страха быть уволенным».

В 1928 году он торжественно обещал отцу: если в течение года не станет профессиональным писателем, то смирится с судьбой и займется каким-то «полезным делом». С некоторыми оговорками обещание свое он сдержал.

В пятнадцать лет Говард впервые рискнул предложить собственную литературную продукцию одному дешевому журнальчику, названному пророчески «Adventure Stories» («Рассказы о приключениях»). В журнале рукописи дебютанта не приняли, а зря! Другое издание оказалось прозорливее... Если в мире научной фантастики не было в предвоенные годы журнала авторитетнее гернсбековского «Amazing Stories», то в мире фантастики ненаучной, потусторонней и мистической бесспорным фаворитом на долгие годы стал журнал «Weird Tales», основанный, кстати, на три года раньше гернсбековского первенца. Именно этот журнал «пригрел» среди прочих Лавкрафта, Блоха, знаменитый супружеский дуэт Каттнера - Мур. И Роберта Говарда. Кстати, с Лавкрафтом нашего героя связывала и глубокая личная дружба, правда, ограниченная эпистолярным общением: судьба распорядилась так, что, обменявшись многими тысячами писем, друзья и коллеги лично не встретились ни разу...

Литературную карьеру Говарда не назовешь быстрой. Первой его публикацией стало стихотворение «Море», напечатанное в одной из городских газет еще в 1923 году, а прозаическим дебютом - рассказ «Копье и клык», опубликованный в «Weird Tales» двумя годами позже. 1926 год принес одну публикацию, в 1927-м вышли рассказ и два стихотворения. В том году суммарный литературный гонорар начинающего автора составил 37 с половиной долларов...

Однако ситуация медленно, но верно изменялась к лучшему: августовский номер «Weird Tales» за 1928 год украсила иллюстрация к рассказу Говарда «Красные тени» - первому, в котором читатель познакомился с героем по имени Соломон Кейн. А начиная со следующего года Говард стал одним из ведущих авторов журнала, во многом превратившись в «визитную карточку» издания.

1929 год ознаменовал собой долгожданный прорыв, хотя и не в фантастике. Страстный энтузиаст бокса, Говард начал посылать спортивные рассказы в различные периодические издания, которые, в отличие от жанровых журнальчиков, платили весьма неплохо. За год эти «внежанровые» публикации принесли Говарду целых 772 доллара (в ту пору средний годовой доход в Соединенных Штатах немногим превышал тысячу долларов). Уже в следующем году сумма гонораров выросла в полтора раза...

А в 1932 году публикация первого произведения из серии о Конане принесла и долгожданную славу. Разумеется, не среди высококобых критиков и читателей-интеллектуалов, но Говард никогда и не считал себя автором серьезной литературы. Единственным успехом, на который он рассчитывал, был пьедестал мастера развлекательной литературы (той, что в английском языке входит в понятие entertainment).

Казалось бы, все складывалось как нельзя лучше - даже несмотря на то что обрушившаяся на США Великая Депрессия не оставила в стороне, разумеется, и книжный рынок, - и в будущее молодой писатель мог смотреть с энтузиазмом. Но это же десятилетие - последнее в его жизни - отмечено другим «прорывом», куда более тревожным.

Нельзя сказать, что он был абсолютно одинок. Но даже и своих немногочисленных друзей в последние годы жизни Говард стал откровенно избегать. И почти ничего не известно о его отношениях с противоположным полом. Далеким от нормы было и его общее психическое здоровье. Все чаще и чаще его настигали приступы глубочайшей депрессии. Будто снова вернулось детство с его одиночеством, боязнью окружающих, погруженностью в мир собственных комплексов и страхов... Неодолимо ухудшавшееся настроение Говарда было подобно черной волне, которая все больше окутывала его сознание, пока не поглотила совсем.

Он продолжал писать с той же интенсивностью, но отныне любое событие могло на долгие месяцы вывести его из равновесия. Чем более неодолимыми, неотразимыми и лишенными даже намека на рефлексию становились его герои, тем более уязвимым перед каждым жизненным испытанием ощущал себя их создатель.

Когда долго и безнадежно болевшая мать погрузилась в кому, Роберт, приложивший до того немало усилий, чтобы выводить самое близкое ему существо на свете, понял, что на этот раз все кончено. Не дожидаясь вердикта врачей, он зашел в свой гараж, забрался в автомобиль и выстрелил себе в висок из охотничьего ружья. Случилось это утром 11 июня 1936 года.

Предсмертная записка была стихотворным двустишием:

*Все кончено - путь предстоит далече,
Пир завершен, и гаснут свечи.*

Итак, жизнь сломала закомплексованного супермена, хотя в литературе он дал жизнь многим супергероям. И главным литературным достижением Говарда остался Конан из Киммерии.

История «конанианы», хотя и представляется на первый взгляд чрезвычайно запутанной (и уже не удивляет, что Говарду порой приписывают то, чего он не писал), все же четко делится на несколько этапов. Я не буду подробно останавливаться на цикле, а отмечу только последний этап - самый неожиданный и парадоксальный.

При жизни писателя, в 1932- 1936 годах, на страницах журнала «Weird Tales» было опубликовано 17 повестей о Конане; еще четыре повести вышли посмертно. В 1950-е годы все они переизданы издательством «Gnome Press» в виде пятитомника.

Впоследствии усилиями таких энергичных последователей Говарда, как писатели Спрэг де Камп и Лин Картер, удалось разыскать в рукописном наследстве их кумира ряд неоконченных фрагментов, которые были восстановлены, а во многих случаях и произвольно дописаны «редакторами». Именно усилиями последних уже в 1960-е годы была предпринята попытка издать полную, уточненную сагу о Конане. Теперь она занимала целых 12 томов.

Между прочим, Де Камп не ограничился своеобразным «восстановлением» литературного наследия Говарда, он составил три сборника статей и других материалов о любимом авторе, не говоря уже о двух биографиях кумира, одна из которых написана самим Де Кампом, а вторая - его супругой (в соавторстве).

Но и это не конец истории об издательской судьбе главного творения Говарда. Ибо уже в 1980-х годах Конан был еще раз реанимирован - ныне как образ откровенно заимствованный. Писатели, среди коих мы встретим и признанного классика Пола Андерсона, просто начали сочинять свои собственные истории о новых приключениях полюбившегося читателям героя.

Чем же так смог увлечь и массового читателя, и специалистов-литературоведов (пусть и «стихийных») Говард? Что он такого особенного напридумывал?

В сущности, ничего нового. Всего лишь образ героя и победителя. Победителя обстоятельств, врагов, женщин, самой судьбы. С обстоятельствами он просто не считается (как не привык и долго раздумывать), врагов сокрушает всех до последнего, ибо сильнее и искушеннее их в боевых искусствах. Что до женщин, так они сами падают к его ногам, стоит ему только пожелать одну из них или всех скопом. Словом, это та подсознательная и поистине неистребимая мечта каждого существа мужского пола, которую образование и интеллект лишь тщательно камуфлируют, но напрочь устранить не в силах. Исконная ненависть цивилизованного интеллектуала - как и неиссякаемая ярость современных феминисток - к непобедимому самцу-мужлану, пропахшему потом и кровью и одним обликом своим символизирующему все «основные инстинкты», полученные в наследство от животных предков, суть подтверждения той же очевидной истины.

Но есть еще одно, что неизменно привлекает к подобным персонажам читательский интерес, независимо от времени и культуры. Конан и собственную судьбу заставляет работать на себя - вместо того чтобы покорно и безвольно следовать ее незримым предначертаниям. В то время как для рядового читателя жизнь представляет собой рутинную круговерть лени, слабостей, компромиссов и уступок, обильно сдобренных самооправданиями, подобная литература сообщает заряд воли, энергии, силы: все двадцать повестей о Конане насыщены действием сверх меры - и приключениями, приключениями, приключениями!

А вот что особенно оценил специфический американский читатель, так это ни с чем не сравнимый индивидуализм Суперварвара (кстати, во многом «снимающий» обвинения в фашизме). Он сам себе хозяин и моральный судья. И если перед кем или перед чем и склонит голову, то только перед Силой, перед более крепким и искусным воином. А значит - ни перед кем.

Кроме Конана, Роберт Говард создал еще несколько запоминающихся героев - таких же непобедимых мачо, населявших реальные или вымышленные страны в историческом или псевдоисторическом прошлом. Это Бран Мак-Морн - предводитель легендарного народа, сохранившегося еще с каменного века в Ирландии (действие произведений цикла разворачивается во времена Древнего Рима); английский пуританин-дуэлянт XVI века Соломон Кейн; беглец из загадочной Атлантиды король Кулл...

Он также писал иронические вестерны и «чисто» исторические романы, фэнтези в подражание Лавкрафту, произведения в жанре

«фантастики меча и волшебства» (sword & sorcery), детективы, рассказы о спорте, поэзию. За свои тридцать прожитых лет - из коих только десяток пришлось на жизнь литературную - Говард успел осуществить больше, чем можно было ожидать.

Но если бы он даже ограничился одним-единственным циклом о варваре Конане, то все равно вписал бы свое имя навечно в историю «героической фэнтези». А сам этот жанр, подозреваю, не скоро умрет - как кажется бессмертной тяга определенной части читающих к суперменству во всех его видах.

Все-таки Говарду повезло. Вычислить своего читателя - это в литературе дорогого стоит.

Курсор

Курсор

Премии «Странник» вручались 20 ноября в Санкт-Петербурге в рамках одноименного Конгресса фантастов России и восьмой международной конференции «Форум будущего». На конференции прозвучали футурологические доклады о России, состоялись круглые столы. Призы «Странник» по итогам голосования профессионального жюри вручались в довольно необычных номинациях. За «Лучший сюжет» приз получили Марина и Сергей Дяченко (роман «Цифровой, или Brevis est»), в номинации «Блистательная стилистика» - О'Санчес (роман «Хвак»), за «Необычную идею» была награждена Мариам Петросян (книга «Дом, в котором...»), в номинации «Образ Будущего» победил Андрей Лазарчук (роман «Абориген»). Лауреатами призов (мечей) «Рыцарь фантастики» стали Дмитрий Байкалов и Андрей Синицын (за многолетний цикл критических и обзорных работ по фантастике) и Сергей Лукьяненко (за новое развитие подросткового романа в книге «Недотепа»). Специальный приз получили Александр и Татьяна Сидорович за организацию конвента.

Тимур Бекмамбетов решил попробовать себя в жанре мокьюментари. В 2011 году на экраны выйдет фильм «Аполлон-18», в котором высказывается предположение, что отрицавшийся Никсоном полет «Аполлона-18» к Луне все же состоялся, а астронавты столкнулись с инопланетной формой жизни. На сайте Роскосмоса уже выразили недоумение: почему, мол, российский режиссер в год пятидесятилетия полета Гагарина снимает кино про американцев. Однако необходимо заметить, что на создание «Аполлона-18» Бекмамбетова вдохновили материалы, изученные во время работы

над трехмерным (!) документальным фильмом «Русский космос», который готовится как раз к юбилейной дате... Любопытный факт: история псевдополета «Аполлона-18» оказалась настолько благодатной темой, что параллельно она разрабатывается компанией Warner Bros. в фантастической ленте «Темная Луна». Кто будет первым?

Немецкая кинокомпания Filmstiftung NRW выделила около миллиона евро на фильм «Конгресс». Этот международный европейский проект с небольшим бюджетом (около 10 миллионов) представляет собой экранизацию знаменитого ироничного романа Станислава Лема «Футурологический конгресс». Режиссером-постановщиком ленты, совмещающей в себе игровые и анимационные эпизоды, станет израильтянин Ари Фольман, главную роль сыграет актриса Робин Райт. Релиз запланирован на 2012 год.

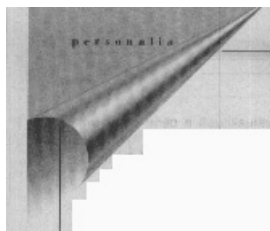
В научно-популярном журнале «Российский космос» (главный редактор - летчик-космонавт Виктор Савиных, учредитель - Международная ассоциация участников космической деятельности) появился научно-фантастический раздел. В нем будут публиковаться небольшие фантастические рассказы и очерки, посвященные прошлому и будущему космонавтики. Ведущий раздела - известный писатель-фантаст и популяризатор космонавтики Антон Первушин.

Новое прочтение классики, переворачивающее сюжет с ног на голову, похоже, становится модным трендом. Так, швейцарский режиссер Бен Хайбон готовится снять фэнтезийный триллер «Пэн». В этой версии «вечный мальчик» предстает похитителем детей. Преследует злодея капитан Крюк - полицейский. Сценарий написал Бен Мэдждид для компаний Social Capital Films и Energy Entertainment. Съемки начнутся в следующем году. А британский клипмейкер Майкл Андерсон привлечет мировых звезд (Майкл Кейн и Жерар Депардьё) для участия в фильме «Генри 5». Это очередная экранизация пьесы Уильяма Шекспира «Генрих V», но перенесенная в жанр НФ. Действие будет развиваться в постапокалиптическом мире. Главный герой, наследник местного короля, вступив на трон, вынужден усмирять мятежников, а затем начать войну против соседей.

Подведены итоги конкурса польского Министерства науки и высшего образования. Участники голосования решили, что первый польской спутник, который отправится в космическое пространство в конце 2011 года в рамках польско-австрийско-канадского проекта Brite, будет назван именем Станислава Лема. Фантаст победил других соискателей, набрав более 20 тысяч голосов. Второе место занял

легендарный гданьский астроном Гевелий, и его именем назовут второй польский спутник, который покинет Землю в 2013 году.

Агентство F-пресс

personalia

БАРТОН Уильям (BARTON, William)

Американский писатель Уильям Реналд Бартон родился в Бостоне в 1950 году и после окончания колледжа работал инженером на оборонных (оборудование для ядерных подводных лодок) и промышленных предприятиях. Позже он выбрал стезю «свободного программиста», мотивируя это так: «Самое комфортное - работать дома в тепле зимой и в прохладе летом».

В 1973 году Бартон дебютировал в научной фантастике романом «Охота на Кундерера». За ним последовали еще десять книг - «Чума на всех трусов» (1976), «Легион Темного Неба» (1992) и другие (четыре написаны в соавторстве с Майклом Капобьянко). Кроме того, Бартон опубликовал около трех десятков рассказов и повестей. Произведения фантаста 10 раз номинировались на премию «Небьюла», по три раза - на Премию имени Филипа Дика и Премию имени Теодора Старджона, один раз - на премию «Хьюго». В настоящее время Уильям Бартон проживает в Дарэме (штат Северная Каролина).

ГОРНОВ Николай Викторович

Омский фантаст и журналист родился в 1966 году. После окончания Сибирского автомобильно-дорожного института работал инженером-дорожником, мастером теплового участка. Несколько лет занимался книготорговым бизнесом, с 1999 года - профессиональный журналист. Работал заместителем редактора делового омского еженедельника «Коммерческие вести», в настоящее время - обозреватель-аналитик этого же издания.

В 1989 году создал и выпускал юмористический фэнзин «Страж-птица», весьма популярный в фэндоме. Примерно к этому же времени относятся и первые литературные опыты фантаста. В 2001 году рассказ Н.Горнова «Пароход идет в Кранты» победил на литературном конкурсе «Альтернативная реальность» журнала «Если», став печатным дебютом автора в профессиональной периодике. С тех пор писатель прочно связал свою литературную судьбу с «Если», регулярно публикуя в журнале свои рассказы и повести. А в 2009 году состоялся двойной книжный дебют писателя - вышли в свет роман «Общество мертвых пилотов» и сборник «3000 метров ниже уровня моря».

ЛЭНДИС Джеффри (LANDIS, Geoffrey A.)

Американский ученый-астрофизик и писатель-фантаст Джеффри Лэндис родился в Детройте в 1955 году и закончил знаменитый Массачусетский технологический институт (MIT) с дипломом физика. Позже защитил диссертацию в Университете Брауна. Лэндис продолжает работать по специальности - в частности, занимается Марсом и использованием солнечной энергии, а также перспективными проектами межзвездных двигателей. Он автор семи патентов и более 300 научных работ.

В фантастике Лэндис впервые выступил в 1985 году - это была повесть «Элементали», номинированная на премию «Небьюла». В том же году выпускник знаменитого семинара Clarion был номинирован на Премию имени Джона Кэмпбелла, присуждаемую самому перспективному молодому фантасту.

С тех пор Лэндис выпустил более 80 рассказов и повестей, а в 2000 году - первый и пока единственный роман «Пересекая Марс», номинированный на премию «Небьюла». Два рассказа, «Прогулка на Солнце» (1991) и «Падая на Марс» (2002), принесли автору «Хьюго», а третий, «Зыбь на Море Дирака» (1988), - «Небьюлу». На обе премии номинировались также повести «Подзимними звездами» (1992), «Сингулярное поведение пчел» (1993), «Приближаясь в перимелазме» (1998) и «Escoriosis» (1998). Кроме того, еще пять произведений Лэндиса номинировались на премию «Небьюла», короткая повесть - на премию «Хьюго» и один рассказ - на Премию имени Джеймса Типтри-младшего. Список литературных трофеев писателя пополнила также Премия Райслинга, присуждаемая за достижения в области НФ-поэзии. Лучшие рассказы автора вошли в сборник «Параметры взаимодействия и другие квантовые реалии» (2001).

Лэндис известен также большим количеством научно-популярных

статей на тему пересечения современных естественных наук и научной фантастики; он вел специальную научную колонку в иллюстрированном журнале научной фантастики «Science Fiction Age».

МАКЛАУД Иэн
(MacLEOD, Ian R.)

Английский писатель Иэн Маклауд родился в 1956 году в городе Соллихалле под Бирмингемом и закончил колледж с дипломом юриста. Сменив немало профессий, он в конце концов стал преподавателем английского языка и литературы в колледже.

Первый рассказ - «Сквозь» - автор напечатал в 1989 году. С тех пор писатель опубликовал более четырех десятков рассказов и повестей в различных субжанрах - «твердой» НФ, фэнтези, альтернативной истории и др. Кроме того, перу Маклауда принадлежат романы «Великое колесо» (1997), «Летние острова» (2005) и «Песни времени» (2008), а также трилогия об Эфирной Вселенной: «Световые века» (2003, роман номинировался на Всемирную премию фэнтези), «Дом бурь» (2005) и «История хозяина Миллера» (2007). Роман «Летние острова» вырос из одноименной короткой повести, вышедшей в 1998 году и принесшей автору Всемирную премию фэнтези и премию «Sidewise», присуждаемую за лучшее произведение года в жанре «альтернативной истории» (повесть была также номинирована на премии «Хьюго» и имени Теодора Старджона). На высшие жанровые премии номинировались еще 10 рассказов и повестей Иэна Маклауда.

САЙМОНС Дэвид
(SIMONS, David A.)

Родился в 1971 году, сейчас живет в Кембридже, штат Массачусетс. Имеет степень бакалавра астрономии и астрофизики Гарвардского университета и в области юриспруденции - Университета Виргинии. Несколько лет назад Д.Саймонс прекратил юридическую практику, чтобы вплотную заняться литературой.

Первый рассказ «Форт в Вермонте», о вспышке вирусной эпидемии, появился в сетевом журнале «Межгалактическое медицинское шоу» в 2008 году, и с тех пор писатель опубликовал еще четыре новеллы. Идея рассказа «Особые животные доктора Скеннера», по словам автора, пришла к нему во время изучения фантастических существ в детской книжке: его заинтересовало, как именно функционируют эти животные.

СИНЯКИН Сергей Николаевич

Волгоградский фантаст Сергей Синякин родился в 1953 году в семье военнослужащего в поселке Пролетарий Мстинского района Новгородской области. В 1965 году семья переехала в Волгоград. После службы в рядах Советской армии Сергей поступил на работу в органы внутренних дел, где прослужил до 1999 года, пройдя путь от рядового милиционера до подполковника милиции, начальника отдела по расследованию особо тяжких преступлений.

Активный участник волгоградского КЛФ, библиофил и знаток советской НФ С.Синякин в 1980-х и сам начал писать. Первой опубликованной работой стала повесть «Шагни навстречу» (1988) в городской газете, а двумя годами позже увидела свет дебютная книга фантаста - сборник рассказов «Трансгалактический экспресс» (1990). Еще через год вышел новый сборник - «Лебеди Кассиды» (1991). Однако после этого Сергей Синякин на десятилетие исчез из жанра.

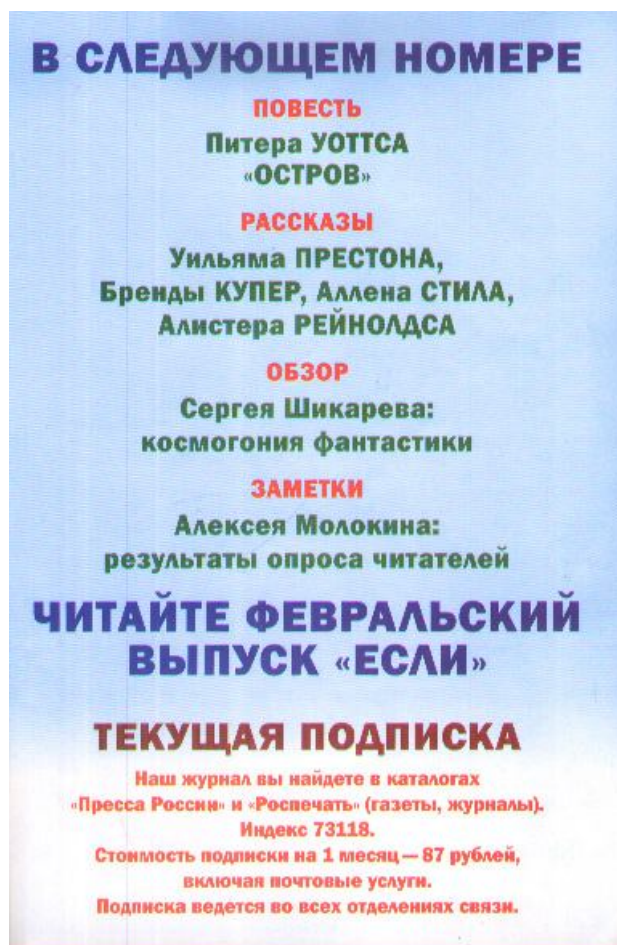
Возвращение в фантастику оказалось более чем удачным: первая же повесть «Монах на краю Земли» (журнал «Если», 1999) была обласкана критикой и получила престижные жанровые награды - «Сигму-Ф», «Бронзовую улитку», «Интерпресскон», АБС-премию и «Мраморного фавна». В 2002 году к этой коллекции добавилась еще одна «Бронзовая улитка» - за повесть «Кавказский пленник», а в 2010 году - премия журнала «Полдень XXI век» за повесть «Младенцы Медника».

Перу Сергея Синякина принадлежат книги «Монах на краю Земли» (2000), «Владычица морей» (2000), «Вокруг света с киллерами за спиной» (2001), «Злая ласка звездной руки» (2001), «Люди Солнечной системы» (2002), «Операция прикрытия» (2003), «Пространство для человечества» (2004), «Заплыв через реку Янцзы» (2004).

ЧВЕДИК Ричард (CHWEDYK, Richard)

Американский писатель Ричард Чведик родился в 1955 году и дебютировал в научной фантастике в 1986-м рассказом «Живя вместе с Ларга», опубликованным в фэнзине. Первой же профессиональной публикацией Чведика стал рассказ «Человек создает машину» (1990). С тех пор он написал около десятка рассказов и повестей, а также несколько стихотворений в периодике. Одна из новелл, «Яйцо Бронте» (2002, из цикла об «игрозравах»), принесла автору премию «Небьюла». В настоящее время Ричард Чведик проживает с женой-поэтессой в Чикаго.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

Питера УОТТСА «ОСТРОВ»

РАССКАЗЫ

**Уильяма ПРЕСТОНА,
Брендды КУПЕР, Аллена СТИЛА,
Алистера РЕЙНОЛДСА**

ОБЗОР

Сергея Шикарева: космогония фантастики

ЗАМЕТКИ

Алексея Молокина: результаты опроса читателей

ЧИТАЙТЕ ФЕВРАЛЬСКИЙ ВЫПУСК «ЕСЛИ»

